

**Академия наук СССР
Институт востоковедения**

**Издательство «Наука»
Главная редакция
восточной литературы
Москва 1975**

Шведаун Тихату

Чудесное зерцало

Придворное
повествование

Перевод с бирманского,
предисловие и комментарии
Ю. М. ОСИПОВА

Ответственный редактор
Б. А. ЗАХАРЬИН

Шведаун Тихату

Ш34 Чудесное зеркало. Пер. предисл. и комм.
Ю. М. Осипова. М., Главная редакция восточной
литературы изд-ва «Наука», 1975.

207 с.

В повести «Чудесное зеркало», созданной во второй половине XVIII в. Шведауном Тихату, рассказывается о событиях замечательных и невероятных. Это история чудесного рождения, необычайной встречи и соединения прекрасных царевича Эйндакоуммы и царевны Велумьясвы.

И (Бирм)

Ш $\frac{70304-180}{013(02)-75}$ 205-75

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1975.

Предисловие

«Тут все поняли, что это настоящая принцесса, ведь она лежала на двенадцати тюфяках и двенадцати перинках, а все-таки чувствовала горошину. Столь чувствительной могла быть только настоящая принцесса» *. Помните, откуда это? Ну конечно, из прелестной, чуть ироничной сказки Андерсена «Принцесса на горошине»!

Эти строки невольно приходят на память, когда читаешь про юную царевну-недотрогу по имени Велумьясва, которая живет в Рубиновом дворце на недоступной Горе Ароматов, где-то между небом и землею. Велумьясва так нежна, что получает тепловой удар от скользявшего по ней солнечного зайчика и мерзнет от легкого ветерка, поднятого крыльями крохотной бабочки; она так стыдлива, что одно лишь изображение мужчины на бумаге повергает ее в ужас, а мысль о возможной встрече с прекрасным царевичем приводит в смятение и надолго лишает покоя. Велумьясва наделена всеми приметами девичьей красоты и полностью лишена каких-либо пороков или изъянов. Она прелестна, непосредственна, наивна, своенравна, даже капризна, привязчива и деспотична, шаловлива и вспыльчива... Чего только о ней не скажешь! Одним словом, это н а с т о я щ а я царевна. Единственная во всей вселенной! Не мудрено, что именно к ней, и только к ней, стремится славный и добродетельный герой — царевич Эйндикоумма. Впрочем, его желание встретиться с такой необыкновенной девой вызвано не просто прихотью или стремлением воплотить в жизнь мечту о прекрасной любви. Все дело в том, что судьбы царевича и царевны, как утверждает автор этой волшебной повести, связаны навечно: когда бы и где бы они ни родились, в каком бы облике ни явились на свет — высшая, неведомая сила станет их направлять друг к другу. Ведь в нашем мире, говорит он, — да и в других мирах вселенной! — все заранее предопределено, и от своей судьбы никому не

* Г. - Х. Андерсен, Сказки и истории. М., 1965, стр. 36 (пер. А. Ганзен).

скрыться. Вера в это предопределение и оказывается той внутренней, невидимой пружиной, которая заставляет действовать и царевича, и царевну, и остальных героев старинной бирманской повести, предлагаемой вниманию читателя.

Повесть «Чудесное зеркало», имя ее автора Шведауна Тихату известны в Бирме каждому мало-мальски грамотному человеку. Правда, не все читали повесть от начала до конца — большинство знакомо лишь с отрывками из нее, помещенными в хрестоматиях, или с цитатами, приведенными в книгах по истории бирманской литературы. Для современного читателя произведение Шведауна Тихату в достаточной мере архаично (хотя, казалось бы, написано оно не так уж и давно — каких-то двести лет назад): сюжетные коллизии, дидактика, реминисценции, язык и стиль повествования требуют пространных пояснений. Текст подлинника в целом долгие годы был доступен лишь ограниченному кругу знатоков. Однако в последнее время филологами Бирмы предпринимаются успешные попытки популяризировать это удивительное произведение, ставшее почти легендой в истории бирманской изящной словесности.

В классическом литературном наследии Бирмы «Чудесное зеркало» занимает особое место. Пожалуй, это произведение — единственное в своем роде. В Бирме, как и во многих других странах Востока, на протяжении веков безраздельно господствовала поэзия, а сочинения в прозе занимали весьма скромное место, по крайней мере до начала двадцатого столетия. Нельзя сказать, что бирманцы относились к прозе с предубеждением, считали «низкой» или недостойной применения в изящной словесности — скорее наоборот: язык и стиль прозы казались излишне строгими, чересчур серьезными, ограничивающими простор авторской фантазии. С XIV по XIX в. проза использовалась преимущественно в области науки, религии, политики и государственного управления. Свидетельством тому являются многочисленные исторические хроники, судебники, «наказы государям», книги по философии, географии, филологии, сочинения, посвященные придворному этикету, а также дидактические послания наставников-буддистов, правоучительные рассказы по мотивам старинных джатак и многочисленные переводы буддийских трактатов с пали и санскрита. На таком фоне повесть Шведауна Тихату оказывается единственным произведением подобного рода. Ведь по характеру своему — и в идейном, и в художественном отношении — эта повесть резко отличается от всего того, что ей предшествовало в бирманской литературе, и от того, что было после нее, т. е. на протяжении всего XIX в. Только в

начале XX в. дают всходы семена, брошенные в литературную почву Шведауном Тихату,— в это время происходит зарождение бирманского национального романа.

Судьба повести «Чудесное зеркало» сложилась неблагоприятно: созданная во второй половине XVIII в. и, очевидно, известная в Бирме лишь немногим, и то при королевском дворе, повесть была вскоре забыта. Только в 1905 г. текст повести был случайно обнаружен и опубликован в Рангуне.

«Второе рождение» «Чудесного зеркала» по времени совпало с поисками новых форм в художественном творчестве, с формированием новой литературной прозы, с активным освоением европейского литературного наследия и, наконец, с появлением ранних бирманских романов. Неоднократно переизданное сочинение Шведауна Тихату постепенно приобрело популярность, однако время и обстоятельства незаслуженно превратили его в «литературный памятник», т. е. в редкий образец классической (и уже архаической) прозы, хотя повесть представляет гораздо большую ценность в идейном, историко-литературном и эстетическом плане.

В настоящее время мы мало знаем об авторе и истории создания «Чудесного зеркала». Правда, бирманские филологи не прекращают исследований, начатых еще в 30-е годы нашего столетия, но их высказывания и наблюдения носят пока гипотетический характер. Так, например, о личности автора судят лишь по тем весьма туманным намекам, которые содержатся в последних строках вступления к повести:

«...и вот милостиво приближенный к августейшей особе государя благородный министр и мудрый советник, известный под титулом „Лев из рода Солнца“, удостоенный высшего воинского звания и командовавший всеми пятью родами войск, преисполнившись чувства благодарного восхищения и неколебимой преданности, повелел мне, своему слуге, зовущемуся Шведаун Тихату, изложить в почтительной прозе достойным слогом сию историю, включив описание надлежащих событий, что я тщился исполнить с благоразумным усердием».

Это все, что сообщает автор о себе. Судя по тексту, он был на службе у одного из крупных бирманских полководцев второй половины XVIII в. и занимал должность писца или секретаря, а может быть, даже и начальника канцелярии. В официальных документах его имя (или прозвище) не встречается, сведений в иных источниках не обнаружено.

Зато о покровителе неизвестного писца можно прочесть в придворных хрониках, королевских депешах и указах, в кото-

рых этот важный сановник и вельможа выступает под разными своими титулами (как правило, содержащими палийское слово *тихату*, или *тихатура*, — «лев»).

«Лев из рода Солнца», или «Великий Лев» (в европейской историографии этот бирманский полководец известен именно как Маха Тихатура), был сподвижником знаменитого Алаунпая (правил с 1752 по 1760 г.), возглавившего борьбу за объединение Бирмы и основавшего последнюю королевскую династию Коунбаунов. Возвышенный за свои военные заслуги, Маха Тихатура после гибели Алаунпая сохранял преданность его делу, его семье и династии, продолжал служить сыновьям и внукам своего государя, занимал значительные военные посты (в том числе пост главнокомандующего в период войны с сиамами, монами, китайцами). Всю жизнь прославленный воин чтит память Алаунпая, стремясь следовать его заветам. Это не могло не раздражать правящих королей, нередко изменявших политике своих отца и деда. В результате придворных интриг маститый полководец не раз попадал в немилость, терпел опалу, а в 1782 г. с приходом к власти деспотичного Бодопая (правил с 1782 по 1819 г.) был казнен по обвинению в измене.

Пожалуй, не имело бы смысла столь подробно говорить о личности Маха Тихатуры, если бы не одно предположение. Являясь видным государственным и военным деятелем, он был для своего времени весьма образованным человеком, порядочно осведомленным и в области изящной словесности (бирманские филологи отмечают, например, литературные достоинства приказов Маха Тихатуры по армии). Желая прослыть меценатом, увлекаясь придворной поэзией и покровительствуя литераторам, соратник короля Алаунпая способен был внести в развитие национальной культуры и личный вклад: как предполагаемый автор «Чудесного зеркала» он мог воспользоваться одним из собственных титулов — «Шведаун Тихату» — «Лев с Золотой Горы» (словосочетание «золотая гора» традиционно служило эвфемизмом при обозначении королевского дворца в Бирме). Если бы эта гипотеза подтвердилась, то стало бы возможным объяснить забвение, которое постигло «Чудесное зеркало», трагической гибелью автора и последующим запретом повести королем Бодопаем. Само собой разумеется, что тогда было бы легче установить точные сроки создания повести, а также цели и намерения, с которыми она писалась.

Однако до сих пор в традиционном бирманском литературоведении не делалось попыток связать авторство с именем Маха Тихатуры, а по поводу обстоятельств написания строились все-

возможные догадки. Одна из них, прочно утвердившаяся, но, увы, никак не подкрепленная фактами, гласит, что повесть была сочинена при короле Алаунпае (т. е. между 1752 и 1760 гг.), посвящена ему и призвана прославить его династию. Но такая датировка опровергается самим текстом «Чудесного зеркала»: в авторском вступлении упомянуты столица Бирмы — Ятанапура (Ава), куда королевский двор Коунбаунов переехал уже после кончины Алаунпая (подробнее об этом см. в прим. 10 к тексту перевода), и храмовый комплекс «Махамингала шветхи-шве-буун», построенный по воле внука Алаунпая короля Сингумина (правил в 1776—1781 гг.). Таким образом, все славословия, адресованные правящему монарху, должны относиться не к Алаунпае и не к почитаемому бирманской историографией сыну его Схинбьюшину, а к довольно заурядному правителю — сыну Схинбьюшина.

Оригинальный текст вступления вряд ли подвергался переработке (хотя считается установленным, что сам Шведаун Тихату повести не завершил, прервав работу на IX главе, а X и XI главы были сочинены неким У Та, судьей из г. Таундвинджи, жившим предположительно в первой половине XIX в. и вознамерившимся довести до благополучного конца историю сватовства царевича Эйндакоуммы). Поэтому скорее всего можно предположить, что «Чудесное зеркало» создавалось в годы правления Сингумина, незаконченность же повести опять-таки хочется связать с гибелью в 1782 г. Маха Тихатуры — творца или вдохновителя произведения.

Таким образом, при постановке вопроса об авторстве и о времени создания «Чудесного зеркала» возникают весьма соблазнительные (и логически вполне оправданные!) предположения, которые не обрели пока достаточно твердой фактической почвы.

Принято считать, что повесть Шведауна Тихату была задумана как панегирик основателю королевства Коубаунов: открывая божественное происхождение родоначальника, автор надеялся способствовать укреплению молодой династии, еще не имевшей опыта государственной власти, но зато и не обремененной пороками старого царствующего дома.

Нередко в тексте обнаруживают вполне определенные намеки и параллели: царевич Эйндакоумма, земной потомок властителя небес Тиджамина (Индры), — это сам Алаунпай; сказочная страна Яммания, идеальное государство с мудрым правителем, — это Бирманское королевство (которое к моменту появления Алаунпая, увы, не могло похвастаться благополучием, а, напротив, было на краю гибели!); фантастические галоуны и

наги, верные слуги Эйндакоуммы,— это могущественные союзники бирманского государя из соседних с тогдашней Бирмой царств и княжеств. Перечень такого рода «расшифровок» можно было бы продолжить, хотя подобные догадки часто весьма произвольны и субъективны.

Конечно, повесть «Чудесное зеркало» аллегорична, любой из персонажей ее, каждый эпизод или поворот сюжета, рассказанная к случаю басня или притча — все это было (или могло быть) отражением тогдашней бирманской реальности. Однако теперь мы вправе отмечать в подтексте лишь общие тенденции, намерения и взгляды автора, а в описании — отдельные бытовые штрихи из жизни королевского двора Коунбаунов (достаточно вспомнить картины придворных церемоний, игр, торжеств, обстановку дворцовых покоев, туалеты государей и подданных). Возможно, что дальнейший историко-филологический анализ текста вскроет новые неожиданные параллели, расширив наше представление об эпохе и о характере литературного творчества в средневековой Бирме.

Произведение Шведауна Тихэту многопланово и разнохарактерно по содержанию и стилю: это и волшебная сказка, увлекательная, поэтическая, написанная хорошим, приятным для слуха слогом (ведь сочинения такого рода нередко декламировались при бирманском дворе), это и дидактическая аллегория, то серьезная, то слегка насмешливая, это и строгое поучение, временами в откровенно буддийском духе, насыщенное как весьма категоричными религиозными предписаниями, так и чисто житейскими советами, подчас далекими от буддийской морали.

Любопытно, что автор не стремится неуклонно следовать проторенной дорогой сочинителей-буддистов и правоучительное повествование не превращается у него в очередную джатаку, рисующую подвиги и добродетель бодхисаттвы. Не стоит забывать, что повесть «Чудесное зеркало» создавалась в период, когда Бирма вступила в восьмой век безраздельного господства тхеравады, а все накопленное к этому сроку литературное наследие было пронизано буддийскими идеями и представляло собрание бесчисленных вариаций на темы традиционно буддийских сюжетов.

Касаясь различных сторон буддийской этики, не раз упоминая Будду и догматы его учения, автор воздерживается от слишком навязчивой, проповеднической дидактики. Кроме того, буддийские настроения, идеи тхеравады оказываются, в общем, чужеродными в атмосфере изображаемых в повести вымышленных царств, населенных индуистскими божествами, духами, небожи-

телями, мифическими животными, не имеющими никакого отношения к ортодоксальному буддизму.

Главное, что волнует Шведауна Тихату,— это вопросы правления и власти. Задавшись целью изобразить благополучное государство, он неминуемо приходит к мысли об идеальном монархе, способном обеспечить процветание своих подданных и могущество державы. Так появляется в повести царевич Эйндакоумма — грядущий властитель всех земных пространств, традиционно объединяемых под именем мифического острова Забү. К нему, отпрыску небесного владыки, благородному, могущественному, мудрому, справедливому, прекрасному (всех достоинств Эйндакоуммы и не перечесть!), должно быть приковано внимание читателя или слушателя (не стоит забывать, что «Чудесное зеркало» было адресовано в первую очередь правителям Бирмы). В сочинении Шведауна Тихату, как в магическом зеркале, отражается жизнь сказочных царств на земле и на небесах, возникают образы людей, небожителей, фантастических зверей и птиц. Однако все это лишь фон, на котором ведется рассказ о появлении на свет, о детстве и юности героя, о времени учения и о поисках достойной супруги (по воле обстоятельств повествование обрывается в момент соединения юного царевича с возлюбленной, хотя авторский замысел мог простиаться и дальше).

Плод наибольших дидактических усилий автора — образ Эйндакоуммы оказался, пожалуй, самым бледным и холодным среди других персонажей первого плана. Образцовый монарх лишен недостатков, людские пороки и слабости ему несвойственны, зато его добродетели сделали бы честь святому или небожителю. Карая за жестокость царя галоунов Хурамбалу, Эйндакоумма тут же смягчается, вспоминая о буддийском сострадании,— и вмиг Хурамбала исцелен. Стремясь к возлюбленной, царевич терпеливо выжидает в своем дворце на берегу озера Навада. Царевич Эйндакоумма — само благоразумие: он умело подавляет в себе и в других вспышки гнева, страсти, любопытства или сомнения, чего, увы, нельзя было сказать о королях, занимавших бирманский трон при Шведауне Тихату.

Одно качество юного царевича подчеркнуто особо: преданность в любви, желание соединиться с одной лишь царевной Велумьясвой. Намек весьма ехидный, если припомнить, что каждый из бирманских королей владел гаремом в несколько сотен жен и наложниц.

Итак, царевич Эйндакоумма — главный образец для подражания. Однако в повести есть и другие положительные герои:

верные соратники (такие, как хитроумный и красноречивый Пинняхата), надежные воины, преданные подруги-фрейлины (исполнительная Ятимоутта, благоразумная Йоханамейтта), заботливые няни... Многочисленные подданные царевича и царицы выступают как два единых лагеря, точно в античном хоре, представленные одним-двумя ведущими лицами, при этом роль корифея в свите царевича обычно исполняет Пинняхата, роль корифейки переходит от одной подруги или няни царицы к другой. Толпа безмолвных слуг — воинов или друзей — сверстников Эйндакоуммы, подруг, кормилиц или служанок Велумьясвы — всегда на страже интересов своих повелителей и тут же выполняет все повеления, переданные через приближенных. Таков порядок при образцовом дворе, с которого не худо брать пример.

Царица из Рубиновых чертогов Велумьясва — мечта и цель стремлений Эйндакоуммы — по замыслу автора образец достойной подруги и будущей спутницы жизни героя. Но как бы вопреки намерениям сочинителя небесная фея оказывается самым земным, жизненным и полнокровным образом. Следуя традиции, неоднократно повторенной и в ряде вставных историй настоящей повести, Шведаун Тихату наделяет Велумьясву всеми добродетелями, которые приличествуют идеальной героине. Однако по мере развертывания основного сюжета автор, точно увлекшись, рисует эфемерную, почти бесплотную фею то строптивой вла�чицей, то обольстительной гурией, то проказливой насмешницей. Мгновенные перемены настроения, бесчисленные и неожиданные капризы, простодушная жажда удовольствий и расчетливые опасения перед лицом соблазна — все это и еще многое другое вдруг оказалось присущим невинной девице, которая доставляет немало хлопот, огорчений и страхов своей преданной свите.

Забавно, что царица Велумьясва читателю представляется живым, подвижным, непоседливым существом, а между тем большую часть времени она проводит в постели: нежится, дремлет, спит или даже впадает в болезненное забытие. И все же побуждения юной феи как раз и создают ту атмосферу земной суеты, веселого пульса жизни, которая царит в небесных покоях на мифической Горе Ароматов.

В двух последних главах образ Велумьясвы несколько тускнеет; по-видимому, безвестный продолжатель У Та, стараясь следовать стилю Шведауна Тихату, все же не сумел постигнуть прелести главной героини, почти лишив ее речей и будто отодвинув на второй план.

Жанровые и художественные особенности, язык и стиль повести «Чудесное зеркало» заслуживают отдельного разговора и даже специального изучения. Отметим лишь некоторые наиболее характерные черты этого произведения.

До сих пор мы называли сочинение Шведауна Тихату повестью, хотя, по правде говоря, бирманскими литературоведами жанр «Чудесного зеркала» не определен. Обычно обращают внимание только на несходство с популярными в Бирме буддийскими дидактическими рассказами (*vyuttu*) при некоторой композиционно-стилистической близости к раннему бирманскому роману. Может быть, последнее обстоятельство и показалось достаточным основанием, чтобы признать «Чудесное зеркало» «первым бирманским романом». По-видимому, сам автор ввел в подзаголовок слово *нандвинзатоджи* — «большое придворное повествование», хотя позднее так стали именовать произведения для королевского театра — драматические поэмы с пением, танцами и пантомимой.

Однако при знакомстве с содержанием и художественной тканью «Чудесного зеркала» не покидает ощущение сходства его с классическими образцами санскритской прозы в жанре «обрамленной повести». Налицо основные признаки «рамочной» композиции при развитом сюжете-канве, а также ряд идейных, тематических и языковых черт, свойственных этой, достаточно известной литературной форме **.

В центре внимания романтическая история двух главных героев — царевича Эйндакоуммы и царевны Велумьясвы — от их рождения до первого любовного свидания; эта «обрамляющая» история состоит из двух самостоятельных сюжетных линий, попеременно возникающих в разных главах: линия Эйндакоуммы проходит через все главы, кроме II, VII и VIII, линия Велумьясвы появляется во II, VI, VIII, IX, X и XI главах; в ряде эпизодов отдельных глав эти две линии то сплетаются, то вновь расходятся, пока главные герои не соединяются наконец в финале.

Таков своеобразный «стержень», на который будто нанизываются остальные, «включенные в цепь» истории — притчи, сказки, басни; они точно впаяны в сюжет-основу и почти все собраны в VII и VIII главах, только эпизодически прерывая основное повествование в других. Сквозной сюжет-основа излагается самим автором, вставные рассказы ведутся от лица персонажей-корифеев, преимущественно Пинияхаты и Ятимоутты. В этом смысле

** О характерных особенностях жанра «обрамленной повести» см. в кн.: П. А. Гринцер, Древнеиндийская проза, М., 1963.

очень характерна VII глава, в которой двое наперсников главных героев ведут пространный спор о необходимости свидания царевича с царевной, подкрепляя каждый свои доводы поучительными притчами.

Для повествовательной манеры Шведауна Тихату характерна неторопливость, внимание к мельчайшим подробностям и штрихам; действие развивается неспешно, смена событий происходит медленно и редко, отчего все произведение в целом кажется несколько статичным. Такое впечатление усиливается обилием прямой речи — персонажи «Чудесного зеркала» говорят чаще и пространнее, нежели сам автор. Текст будто предназначен для декламации, даже для инсценирования (хотя, насколько известно, «Чудесное зеркало» в театре не разыгрывалось), и в этом смысле повесть Шведауна Тихату выступает как предтеча драматических сочинений XVIII и XIX вв.

Языковая стихия «Чудесного зеркала» необычна. В отличие от классических примеров санскритской «обрамленной повести» это произведение написано прозой и почти не содержит стихотворных вставок. Однако по характеру прозаический язык повести сродни поэтическому: изысканная усложненность лексики, обилие благозвучий (например, в виде редупликаций), намеренные отступления от обычного грамматического порядка слов, причудливость орнаментовки, использование (правда, нерегулярное) внутренних рифм во фразе — все это дает основание считать прозу Шведауна Тихату «поэтизированной», что в какой-то мере сближает ее с прозой классических санскритских романов.

Композиционные, тематические и стилевые качества повести «Чудесное зеркало» наводят на мысль о восприятии в Бирме определенных традиций индийской литературы. Пока нельзя с уверенностью говорить о знакомстве Шведауна Тихату с древнеиндийской прозой, о непосредственном влиянии каких-либо конкретных сюжетов. Тем не менее такая гипотеза не кажется беспочвенной. Достаточно вспомнить, что все собственные имена и титулы персонажей повести, топонимы, многие названия атрибутов царской власти и культа, наименования растений и цветов, различных мифических существ явно индоязычного происхождения, а некоторые события, как можно думать, происходят в вымышленных или полulegenдарных государствах на территории Индии.

Повесть Шведауна Тихату трудна для изложения на иностранном языке: особый поэтизированный строй прозы, архаическая лексика с обилием заимствований из пали, расхождения в разновременных редакциях текста, отсутствие приемлемых

гlossариев — эти и многие другие препятствия неумолимо встают на пути переводчика. А кроме того, он вынужден распутывать тонкую паутину намеков и аллегорий, преодолевать длинноты, столь естественные в оригинале и столь раздражающие в переводе, учитывать многочисленные вариации одного и того же эпизода, возникающие в речах разных персонажей (взять хотя бы историю о бабочке в покоях Велумьясвы или неоднократно повторяемый рассказ про вещий сон царицы Туваннаяти!).

И все же труд этот представляется благодарным уже хотя бы только потому, что столь значительное и столь мало известное за пределами Бирмы творение классической литературы впервые делается достоянием более широкого круга ценителей, интересующихся духовной культурой дружественного нам народа.

Ю. М. Осипов

*Чту совершенного,
веры достойного,
мудростью высшею просветленного!*¹

В ту достопамятную эпоху на пять тысячелетий воссияли три драгоценные святыни², положив основание великому закону веры, названному в честь Будды³, учение которого будто по озарению свыше было изложено достойнейшими и мудрейшими из учеников, теми, кто, посвятив все силы разума и воли немеркнущему гению учителя, запечатлели мысли и слова его проникновенных речей в обширнейшем собрании трактатов, таких, как «Колесо закона», «О первопричинах», «Книга правил», «Книга назиданий» или «Откровение закона» и многих прочих. Это составило восемьдесят четыре тысячи текстов⁴, в коих сохранено все сказанное наставником после того, как он, утвердившись на высоком троне из травы под золотым баньяном, известным как благословенное древо бодхи⁵, в борении преодолел пять зол, осмыслил четыре истины, вооружился восемью знаниями, обнаружил девять совершенных добродетелей, одержал шесть славных побед⁶ и достиг высочайшей мудрости, полный безмерного сострадания ко всему живому и сущему, будь то *нат*, человек или высшее творение браhma⁷, и тогда уже, просветленный, возвестил о том, что явился на свет новый Будда. В ту достопамятную эпоху великий государь и властелин жизней подданных своих⁸, коему в будущем суждено близ священного древа стать совершеннейшим из будд, Тамма-тамбоуддой⁹, а ныне выпало править десятью десятками царей, благопо-

лучно пребывая в прохладе золотого дворца под сенью золотого зонта в сверкающей столице Ятанапура — величественном «Граде драгоценных камней»¹⁰, выросшем, как на острие меча, на мысе под горой Минвун в обетованных землях золотого острова Забу¹¹, — прославился повсеместно своим безграничным благочестием, ибо неуклонно следует он стезею десяти заветных парамит¹², с доброю волей в сердце совершает обильные подношения, милостью своей возводит священные храмы над нетленными останками учителя нашего¹³, неукоснительно блюдет высокий долг веры. И потому к золотым стопам августейшего монарха, избранного судьбой укрепить силу благородных истин, щедрого жертвователя, который воздвиг во славу сокровенного учения дивный пятиярусный храм в форме спасительного древа бодхи, нареченный «Золотою Обителью Великой Справедливости»¹⁴, благодарные подданные, счастливые жители процветающей страны, смиренно припадают, почитая их как драгоценные бутоны небесных лотов, достойно венчающих головы преданных слуг¹⁵, которым выпал завидный жребий обрести приют от дождя и непогоды, от бурь и гроз житейских под кроною чудотворного дерева падета¹⁶, наслаждаться миром и довольством, иных обязанностей и забот не зная, как только чтить своего благословенного властителя. Ведь доколе здравствует могущественный государь острова Забу, страна не ведает ни войн, ни насилий, нет в ней воровства, разбоя, лихоимства, повсюду изобилие и радость, точно в шести мирах небесных натов¹⁷, земля богата, словно сокровищница, где драгоценностям несть числа. Несокрушима мощь великого государя, властвующего надо всем сущим на острове Забу — на суше и в воде, наделенным душою и лишенным ее, ибо владеет он чудесным копьем саджа¹⁸, крылатым конем и белым слоном¹⁹! И вот милостиво приближенный к августейшей особе государя благородный министр и мудрый советник, известный под титулом «Лев из рода Солнца»²⁰, удостоенный высшего воинского звания и ко-

мандовавший всеми пятью родами войск ²¹, преисполнившись чувства благодарного восхищения и неколебимой преданности, повелел мне, своему слуге, зовущемуся Швед-даун Тихату, изложить в почтительной прозе достойным слогом сию историю, включив описание надлежащих событий, что я и тщился исполнить с благоразумным усердием.

✦

Глава первая,
в которой
рассказывается
о появлении на свет
царевича
Эйндақоуммы

✦

В далекие времена на знаменитом острове Забу расцвело славное царство Яммания²². И было оно тридцати шести юзан²³ в окружности, двенадцати юзан в поперечнике. Никто не мог одолеть это царство, ибо славилось оно семью атрибутами неприступного государства: крепостными стенами из камня, глубокими рвами, земляными валами, множеством смертоносных орудий, извергающих огонь, неисчислимым войском с боевыми колесницами, бдительными стражами у пограничных застав и мудрыми военачальниками. Правители же Яммании издавна владели четырьмя искусствами побеждать врага — умением заверить, подкупить, разобщить и покарать. В стране скапливались в изобилии все драгоценности мира, а жили в ней люди разных сословий — были тут архаты, аскеты и брахманы²⁴, были тут и миряне — богачи и бедняки. А уж столица славной Яммании застроена была так тесно, что между домами и курица не могла пролететь, — девяносто девять миллионов домов внутри городских стен, девяносто девять миллионов снаружи. По всему царству росли и множились города, большие и малые, возникали деревни и селения — девять тысяч девятьсот девяносто крупных городов насчитывалось в Яммании,

девять тысяч девятьсот девяносто мелких, сотни миллионов деревень и селений. По воде и по суше протянулись торговые пути, процветала торговля, богатели купцы. Многочисленное войско Яммании во главе с тысячью военачальников подчинило сто соседних правителей на острове Забу.

А царствовал тогда в славной Яммании Махаразейнда, великий обладатель золотого дворца и зонта, наделенный всеми шестью добродетелями справедливого монарха, состоящими в том, чтобы воздерживаться от дурных поступков, подавать пример благочестивой жизни, неустанно вводить новые законы, не предавать забвению найденные истины, печься о счастливом будущем своих подданных, блюсти их пользу в настоящем. Махаразейнда всегда помнил о четырех опорах государевой власти — щедрой милостыне, добрых речах, радении о благе подданных, близости и единении с ними — и потому следовал в своих действиях десяти заповедям благородного правителя: свято исполнял долг веры, щедро жертвовал богам, не обходил подаванием нуждавшихся, был мягок в речах и поступках, не выказывал гнева или злобы, не обижал ни монахов, ни мирян, не притеснял подданных поборами, великодушно прощал чужую вину, судил и решал по совести, смирял свои порывы и желания. Таков был властитель царства Яммания. Его благородную супругу звали Атуладеви. Подобно государю, она неуклонно следовала по пути добродетели, а обликом своим являла редкое соединение всех пяти совершенств женской красоты²⁵.

Точно владыка неба Тиджамин и божественная Тузитадеви²⁶, восседали царь с царицей на троне под роскошным балдахином в тени восьмистворчатого белого зонта, благословленные брахманами, в окружении блестящей свиты — будто светоносные солище и луна среди небесных звезд. Связанные золотой нитью любви, царственные супруги вели жизнь, полную блаженства. И вот небо послало им дочь-царевну.

Со дня рождения была окружена царевна заботою и лаской: целую тысячу служанок приставили к малютке — были тут и кормилицы, и няньки, что носили дитя на руках, и няньки, что качали царевну в колыбели. Еще в раннем детстве дочь Махаразейнды и Атуладеви охотно и с рвением исполняла все обряды, а потому и нарекли ее именем Тиласанда²⁷, что означает «Светоч веры». Юную

царевну поселили в отдельном дворце, где многочисленные прислужницы услаждали ее слух стихами, пением и музыкой. Так жила Тиласанда, пока не минуло ей десять лет. И вот однажды, глядя на игры придворных девушек, царевна вдруг задумалась.

— Отчего это мы живем так бесечно, что лишь развлекаемся да веселимся? — спросила она своих наперсниц.

— О госпожа, — отвечали те, — люди стремятся к счастью, без усталости пекутся о своем благоденствии и радостях в жизни, такова уж их природа. А пока не соединились с любимыми, резвятся они бездумно — поют, танцуют, веселятся.

— К какому же счастью стремятся люди? — не поняла царевна.

Решив от нее ничего не скрывать, девушки сказали:

— Люди ищут счастья в любви, жизнь их полна наслаждения, если находят себе достойную пару — мужа или жену; а коли это не удастся, томятся от неразделенной страсти.

И поведали они своей юной госпоже обо всем, что обычно говорится между женщинами.

— Сколь это все отвратительно! — воскликнула Тиласанда, выслушав их речи. — Лишь не зная стыда, можешь поддаться низменной страсти! Тут уж нет места благим побуждениям!

— Если нет страсти, то нет и чувства; если нет чувства, то не произойдет и соития, а без соития не будет и потомства — ни детей, ни внуков! А страх и отвращение бывают только вначале, они скоро проходят. Жизнь благословенна лишь подле милого супруга. Когда же нет супружеских радостей, то нет и счастья материнства — а так беда и роду человеческому недолго прерваться!

— Выходит, если избегать этой пагубы, то и до старости доживешь, не обретя ни дочери, ни сына? — спросила тут юная Тиласанда.

— Вы правы, о госпожа, ведь радости семейной жизни уготованы лишь двоим — мужу и жене. Но если им не суждено соединиться, все будет тщетным, жизнь пройдет без пользы и не появятся на свет ни дети, ни внуки, ни правнуки. Бездетная женщина достойна сожаления, ее поносят, считая порченой.

— Все это низко и греховно! Должно поступать иначе — искренне чтить три драгоценные святыни, неукосни-

тельно исполнять свой долг веры, и тогда, оставаясь среди смертных, достигнешь высшей цели — обретишь потомство беспорочно. Это будет небесная милость — ты вкусишь от неземной благодати и возвысишься над людьми. Самое главное в жизни — это обряды, святая вера и благие деяния. Кто несдержан в своих чувствах и желаниях, тот достоин всеобщего поношения. Пусть уж не буду я принята людьми, пусть стану отщепенкой, но не в силах побороть стыда и отдаться пагубной страсти. Главное для меня — долг веры! /

Так решила и так сказала царевна Тиласанда. И вот начиная с того дня стала она проводить все время в молитвах, исполняла обряды, размышляла и постилась, день ото дня укрепляясь в своем рвении.

Не имея наследника престола — ни родного сына, ни младшего брата, государь-отец Махаразейнда в должное время стал советоваться с царицей Атуладеви.

— Род наш доселе не приходил в упадок, наследование царской власти не прерывалось. Когда почил мой батюшка, то ко мне, как сыну его, перешел престол, и я стал править Ямманией. А вот уж ныне не ведаю, как быть: ни младшего брата у нас нет, ни сына пам небо не послало. После меня некому будет царствовать, наш род и династия неминуемо погибнут! Чтобы этого не случилось, надобно для дочери нашей, благородной царевны Тиласанды, присмотреть жениха среди достойных и высокородных юношей страны. Когда же с ним Тиласанда сочетается узами брака, то супруг ее станет законным наследником престола в Яммании.}

Так предложил государь Махаразейнда, и, обсудив это между собою, царь с царицей направились в покои Тиласанды. Там они подробно обо всем поведали своей дочери, ведя беседу ласково и мягко, не прибегая к родительским настояниям. Выслушав отца с матерью, царевна припомнила все то, что говорили ей придворные девушки, и сильно застыдилась:

— Об этом даже страшно и помыслить! — Сказав так, Тиласанда продолжала свои молитвы, памятуя лишь о чистоте души и тела.

— Но ведь должно поддержать огонь в горящем светильнике! — промолвили царь с царицей, подразумевая государеву власть.

— С почтением склоняюсь перед вашим величеством

и готова во имя высшего долга расстаться с жизнью! — отвечала царица отцу. — Но совершить этот грех я не в силах: стыдясь и ужасаясь, вся дрожу при мысли о столь низком поступке. Я не осмелюсь лгать вашему величеству, обманывать государя, не говоря ни «да», ни «нет». Душа моя противится такому принуждению! Поэтому молю меня простить!

На это уж ни царь, ни царица ничего возразить не посмели. Огорченные словами Тиласанды, оба помрачнели и впали в уныние. Но потом Махаразейнда вдруг рассмеялся и обратился к свите:

— Надобно помочь царице понять и полюбить радость жизни! — И с этими словами царь с царицей прошествовали в свой дворец.

Придворные девушки — подруги и служанки Тиласанды — пытались отвлечь царицу от ее серьезных размышлений и молитв; они услаждали слух благородной госпожи пением и игрой на лютне; для юной повелительницы сочинялись стихи, читались вслух яду и яганы²⁸; сладкоголосые красавицы старались убаюкать Тиласанду нежными колыбельными песнями; чтобы развлечь ее, приглашались лучшие танцовщицы и музыканты, — но ни музыка, ни танцы, ни песни не могли развеселить юную подвижницу. Сосредоточенная и отрешенная, не замечая праздной суеты, неуклонно следовала она по пути арья²⁹. Тогда старшая няня царицы Гамбитара попробовала действовать по-иному: она поведала Тиласанде о том, что ожидает ее в будущем.

— Сейчас моя юная госпожа благородна, молода и прекрасна собою, чиста душою и преисполнена мудрости, ни с чем греховным или порочным не соприкоснулась. Однако пребывает в заблуждении, ибо препятствует исполнению воли батюшки и матушки. Радея о продолжении царского рода и наследовании престола, они обратились к царице с милостивой просьбою. Достоянная дочь не посмеет нарушить волю родительскую. Дерзкую ослушницу ждет кара не только в настоящем, но и в грядущем: злая судьба превратит ее в низкую тварь, в грубое животное. Есть на этот счет и притча...

— О каком животном говорит няня? — спросила ее Тиласанда.

— А вот послушайте-ка, госпожа, — молвила няня Гамбитара и начала свой рассказ.

«В прежние времена жили в счастливом супружестве царь Язапавара и царица Ватандамахети, правившие страной Зеянагара. В должный срок родилась у них дочь по имени Эйкатари. С самого раннего возраста поместили юную царевну в особый дворец и окружили надежною свитой, так что никаких речей или слухов о мужчинах не долетало до ушей Эйкатари, ибо берегли ее пуше зеницы ока. А надо вам сказать, что у царя Язапавары не было ни младшего брата, ни сына, которые могли бы наследовать престол в Зеянагаре. И вот в народе стали поговаривать: „Не будет царя, вспыхнут междоусобицы, разразится война, начнут воевать за царство, за дворец и зонт. Народ обнищает, страна придет в упадок. Пусть наш государь теперь же назначает наследника!“

Так потребовали жители страны Зеянагара. Царь Язапавара попытался было обручить свою дочь-царевну с Туманой, сыном министра Тенинга, чтобы в будущем сделать зятя наследником. Да не тут-то было: Эйкатари сильно испугалась, в страхе повторяла, что не питает чувства к Тумане, а после отказалась наотрез стать его женой.

Царь не стал пенять дочери, лишь повелел Тумане: „Проберись-ка во дворец к царевне и обольсти ее!“

И вот поздней ночью прокрался Тумана в покои Эйкатари и встретился с юной царевной на ложе сна.

„Кто здесь?“ — спросила Эйкатари пришельца. — „Сын министра Тумана, — отвечал тот, — ваш батюшка приказал мне обольстить госпожу, вот я и явился!“

„Видно, любит мой отец этого Туману больше, чем собственную дочь, а будущий наследник ему нужнее и дороже моей девичьей чести! — в отчаянии решила царевна. — Выходит, мне осталось только одно!“

Не ведая, куда деваться от стыда и горя, Эйкатари вкусила яд и умерла. А после столь недоброй кончины возродилась вновь, теперь уже в образе мерзкого ящера, чешуйчатого поедателя муравьев. Памятуя о своем происхождении, этот уродливый зверь не смеет показаться на глаза и вечно прячется в зарослях».

— Вот что случилось с царевной Эйкатари: едва умерев, она уже подверглась осуждению, ибо пошла против воли родителей, а в новой жизни сделалась низкой лесной тварью. Потому-то мы все и боимся до смерти, как бы юная госпожа не совершила промах: ведь если вашему батюшке, подобно отцу Эйкатари, придет на ум послать

кого-нибудь, чтобы обольстить вас, то неразумным поведением вы можете навлечь на себя тяжкую кару!

Со вниманием выслушав няню Гамбитару, юная Тиласанда воскликнула:

— Кто чтит три драгоценные святыни, тот промаха не сделает!

А про себя подумала: «Значит, батюшка с матушкой все же вознамерились подсылать сюда каких-нибудь мужчин, чтобы хитростью и обманом соблазнить меня!»

Однажды царица Тиласанда, притворившись, что ей тоскливо все сидеть в своем дворце, испросила у отца с матерью позволения вместе с тысячею прислужниц посетить знаменитую рощу Тирихема. Получив согласие родителей, Тиласанда взошла на колесницу и отправилась в путь.

Прибыв в рощу Тирихема и поселившись в летнем дворце на берегу озера Титудака, царица Тиласанда неустанно продолжала нести свои благородные заботы: что ни день готовились подношения архатам, отшельникам и брахманам, сходявшимся ко дворцу со всех восьми сторон — востока, запада, юга и севера, юго-востока, юго-запада, северо-востока и северо-запада. Всех щедро наделяли плодами и цветами, усердно потчевали жертвенным рисом. И вот однажды царица заметила, как по небу совершал свой путь святой аскет Нейккхама, достигший состояния зан³⁰, направляясь из случайного приюта в благословенную обитель Хевунта. Увидев это, Тиласанда несказанно обрадовалась: «Сей наставник владеет высшим знанием и чудесной силой зан. Если приму его с почетом и богато одарю, то, верно, мое благое дело не останется без вознаграждения и я тотчас же смогу достичь желаемого!»

Так подумав, царица распорядилась послать придворных девушек, чтобы просили аскета пожаловать к ней. Немедленно толпа служанок бросилась вслед за Нейккхамой и почтительно передала приглашение Тиласанды:

— О высокоумудрый наставник, свершающий путь свой по небесам! Наша повелительница, благородная царица Тиласанда, щедро жертвующая во имя веры, полна благого рвения творить добро. Лишь узрев святого аскета, загорелась юная госпожа желанием теперь же исполнить приятный долг, великодушно одарив наставника. Молим высокоумудрого направить свои стопы во дворец на берегу озера Титудака!

И тут, прервав свое небесное путешествие, отшельник Нейккхама соблаговолил проследовать ко дворцу царевны Тиласанды. Приготовив для гостя почетное место и богатое угощение, царевна стала потчевать святого аскета отборными яствами, после чего смиренно обратилась к нему:

— Осмелюсь поднести досточтимому наставнику ожерелье из рубинов, пусть в часы размышлений он перебирает рубиновые бусины как четки!

— О юная благодетельница! — воскликнул тут аскет Нейккхама. — Ты искренне блюдешь свой долг. Проси желанную награду!

Тогда царевна Тиласанда открыла мудрому отшельнику свою заветную мечту:

— Не смея противиться воле государя-батюшки, должна подарить ему наследника, однако желаю обрести сына без брака, без супруга, без соития!

— Да, эта просьба не из легких! Чтобы сбылось желание, нужны три условия: само желание, просьба о нем и верный исполнитель. По правде говоря, исполнить то, что просишь, способен лишь владыка неба и тридцати двух натов³¹ Тиджамин. Он явится к тебе после того, как повторишь тысячекратно заветную магическую гатху³²! Когда узришь владыку небесных натов, проси: «Молю о благородном сыне, чтобы он дарован мне был помимо уз супружеских!» Тогда уж непременно Тиджамин пожалует тебе желанную награду! ↓

Наставив так царевну Тиласанду и вручив ей заветную магическую гатху, святой аскет Нейккхама пустился в путь по небосводу в благословенную обитель Хевунта...

Прославленный правитель страны Яммании царь Махаразейнда и его супруга царица Атуладеви немало тосковали по дочери-царевне, многократно посылая за нею в рошу Тирихема; и вот, когда уже минули месяц Рака, месяц Льва, месяц Девы, пост подходил к концу и приближался месяц созвездия Весов³³, царевна Тиласанда вияла родительским мольбам и вместе со своею тысячною свитой возвратилась в родную Ямманию.

Царь с царицей соблаговолили выйти навстречу Тиласанде и дожидались в западном флигеле золотого дворца. Лишь только колесница царевны остановилась у дворцового подъезда, они взяли дочь за обе руки и помогли ей сойти, а потом спросили:

— Бесценное дитя, вопреки нашим просьбам ты от-

правила в рошу Тирихема исполнить свой долг веры и провести благословенное время поста в молитвах; сбылись ли твои желания и мечты, о царевна?

— Государь-батюшка и государыня-матушка, — отвечала Тиласанда, — ваша дочь неуклонно соблюдала все обеты, выполняла все обряды, щедро совершала подношения, и за это была ей ниспослана великая милость: довелось мне повстречаться с аскетом Нейккхамой. Я приняла святого с почетом и одарила рубиновыми четками, а в благодарность была пожалована магической гатхую; если повторить эту гатху тысячу раз, то предо мною предстанет сам владыка неба Тиджамин. Как увижу я правителя небесных селений, стану просить его о наследнике, чтобы даровал мне сына без семьи, без супруга и соития! Свято верю, что владыка не отринет моей мольбы...

— Сколь велики в тебе любовь и сострадание! — воскликнули царь с царицей. — Сколь нежно и отзывчиво твое сердце! Искренне скорбя о том, что род наш и власть придут в упадок, если судьба не пошлет наследника престола, ты на себя взяла заботу о будущем Ямманни. Не помня мелочных обид, ревностно блюла высокий долг, и вот в награду за усердие досталось тебе от аскета магическое заклинание. Произнеси же его без колебаний, и пусть явится к нам владыка небес Тиджамин. Моли его, чтобы без докучного супружества наградил он тебя сыном. И помни, если срок погибнуть царскому роду наступил, то, значит, такова уж наша камма³⁴! Ну а теперь тверди усердно магическую гатху!

И вот под золотым шатром дворца в просторном зале для торжеств и церемоний постелили на пол в сто слоев чистейший мягкий бархат, дворец украсили, повесив яркие флажки и зонтики с цветами, все кругом опрыскали благоуханной влагой, так что воздух был пропитан нежнейшими ароматами сандала, роз, жасмина и алоэ. После всех приготовлений царь-отец, царица-мать и дочь-царевна Тиласанда воссели каждый на отведенном месте, держа в руках расшитые золотом платки и перебирая четки из жемчуга невиданной красоты, неслыханной цены. Тогда-то юная Тиласанда и вознесла, точно молитву, чудодейственную гатху, повторив ее сполна тысячу раз.

В это время владыка неба Тиджамин спокойно почивал. Спал он полусидя, свесив колени, так что край божественного ложа приходился на уровне царственного пупа.

В этом положении застигла Тиджамина магическая гатха, и от ее сладкозвучного прикосновения мягкая постель сделалась тверже барабанной кожи. Властитель натов тут же пробудился и, вскричав: «Что-то, верно, на земле случилось!» — мгновенно сотворил себе целую тысячу глаз и тысячеоко глянул на мир людей. Тотчас узрев желание царицы Тиласанды, владыка неба без промедления начал поиски достойной пары и остановил свой выбор на двух благородных небожителях — брате и сестре, обитавших в царстве Ватаватти³⁵ с десяти тысячною свитой.

— Вам выпало на долю возродиться вновь среди людей! — так повелел всевластный Тиджамин и, получив смиренное согласие, тут же приказал двум натам-возничим, Заване и Матали, везти его туда, где родилось желание. В мгновение ока Тиджамина доставили на остров Забу в славную страну Ямманию. Спустившись с неба, он предстал перед взорами царственной семьи.

— Зачем призвали и какой милости ожидаете? — спросил Тиджамин.

— Опасаясь, что прервутся род и династия, — начал царь Махаразейнда, — мы надеялись на брак нашей дочери Тиласанды, но вотще — царица предана лишь долгу веры, людские нравы ей не по душе. Роду нашему грозит гибель, царству — неминуемый упадок. Обеспокоясь этим, Тиласанда, не имея склонности к супружеству, не желая брачных наслаждений, обращается к владыке с мольбою: сотвори своей небесной силой ей драгоценного наследника и сына!

Выслушав речь Махаразейнды, Тиджамин ответил с благосклонной похвалой:

— Той, которая, чистоту храня, долг блюдет и творит добро, желанная награда будет послана без промедления!

И после продолжал:

— Вот чудесный плод, зовется он атавати, что означает «дар страсти», он зреет в заоблачной стране Тавадейнта³⁶. Ты знаешь, о царица, небожители мечтают об этом даре целую вечность, в надежде расцветают и увядают, но лишь двоим из тысячи судьба посылает желанный плод. Возьми его и вкуси, царица! Когда же он в тебе созреет, ты обрешь славного сына-царевича!

С этими словами владыка неба Тиджамин передал юной Тиласанде заветный плод атавати, после чего отпирался к себе в заоблачное царство натов.

А Тиласанда, получив чудесный плод с краснеющей ботворкой, положила его в изумрудную вазу; внезапно ее сердце загорелось радостным желанием, царица торопливо схватила плод и с жадностью принялась есть. Прикосновение к ароматной мякоти и ощущение божественного вкуса наполнили все существо Тиласанды неведомым счастьем: все мускулы ее юного тела вдруг напряглись, и тут же царица зачала. Лишь только семя новой жизни проникло внутрь и совершилось зачатие, так сразу Тиласанда почувствовала неприятный привкус во рту — смесь кислого с соленым, горького и жгучего, вяжущего и тухлого. Страсть тут же отпустила ее, желание прошло, и плод царица не доела.

После бурной вспышки, нарушившей спокойное равновесие и сотрясшей нежный организм, Тиласанда заметно ослабела и не могла уже передвигаться, а только тихо лежала в сладкой дреме на мягкой постели из белоснежного бархата. Когда же минуло девять месяцев и наступил десятый, то будто царь небесных звезд своим сиянием озарил весь остров — это Тиласанда произвела на свет божественного сына, прекрасного, как бесценное изваяние из редкого золота забу³⁷.

Царственного младенца с заботливой нежностью несла целая процессия женщин: тут была и царица Атуладеви, тут были супруги высокородных друзей и царских родичей, жены министров и военачальников, няни, кормилицы и служанки.

Когда царь Махаразейнда обрел внука, ликованию его не было предела; он тут же повелел восьми брахманам совершить обряд очищения. Вот распахнулись главные ворота дворца, раскрылись восемь белых зонтов, и на золотом подносе, украшенном бесчисленными рубинами, новорожденного окропили нектаром роз, после чего отсекли золотой послед.

На седьмой день вновь исполнялись священные обряды: голову благородного сына Тиласанды кропили целебным соком акации и алоэ, руки и шею повязали заговоренными нитями со спасительными амулетами. Когда же все церемонии были закончены, царь Махаразейнда устроил пышное празднество и даровал в наследство внуку целиком весь остров Забу. После чтения магических гатх и заклинаний, после составления гороскопов и ритуальных действий царственного младенца уложили в роскошную колыбель,

украшенную девятью рядами редчайших рубинов, и качнули в каждую из восьми сторон по пятьсот раз.

По приказу государя в тот же день выбрали тысячу сверстников царевича, появившихся на свет одновременно с ним, — сыновей высокороднейших семейств страны Яммании; а придворным кормилицам и нянькам повелели ходить за всею тысячею, вместе кормить, поить, оберегать, ни днем ни ночью глаз не спуская.

Славя своего возлюбленного наследника и внука, царь Махаразейнда радостно воскликнул:

— Воистину прекрасный сын царевны Тиласанды — это божественный отпрыск Тиджамина!

И новорожденного царевича нарекли именем Эйндакоумма, что означает «Потомок Индры»³⁸.

Здесь и конец главе о рождении царевича Эйндакоуммы.

Глава вторая,
в которой
рассказывается
о появлении на свет
и о детстве
царевны
Велумьясвы

В те же далекие времена у божественного государя — пата Тирейндарей, правившего на знаменитой горе Тудаттана³⁹, и супруги его Кальянавати, которые счастливо жили, наслаждаясь любовью, в золотых чертогах небесного дворца среди десяти миллионов небожителей, подданных своих, в должный срок родилась дочь-царевна, при появлении на свет нареченная Туваннаяти, что означает «Золотоносная».

Со временем царевна оправдала это завидное имя: достигнув своего совершеннолетия, она уже владела всеми пятью достоинствами женской красоты, и была полностью лишена пороков женской внешности⁴⁰. Оберегая редкую красу Туваннаяти, родители сочли за благо поселить свою единственную дочь в уединенном дворце из семи чертогов со свитой в тысячу преданных служанок и подруг.

И вот однажды, когда уже близилось жаркое время года, царевна испросила у отца позволения провести на воле, вдали от родного дома, благословенный праздник очищения водой⁴¹. Как только согласие царственного родителя было получено, Туваннаяти тотчас же принарядилась, не забыв надеть ни золотых украшений, ни ожерелья из луч-

ших в мире рубинов; после чего в сопровождении тысячной свиты, под музыку придворного оркестра, игравшего на инструментах пяти видов ⁴², прекрасная царица-фея отправилась в путь по небесам, предвкушая радости праздничных игр, и наконец опустилась на берег чудесного озера Навада — одного из достопамятных Слоновых озер ⁴³, где и началось безудержное веселье в каскаде прохладных брызг.

В играх и развлечениях время прошло незаметно, и вот уже наступил канун жаркого лета. С облачком пыли поднялся легкий ветерок, разыгрался, закружился, теплым вихрем пронесся над озером — дивным ароматом повеяло с горы Гандамадана. Это благоухала божественная мьиззутака — заповедный цветок небожителей ⁴⁴. Вдохнула опьяняющий запах благородная царица Туваннаяти, расположившаяся на берегу озера со своею многочисленною свитой, и не в силах сдержать восторга спросила:

— Что это? Какой цветок источает столь пряный и чарующий аромат? Ведь это же не орхидея, не акация, не мимоза, не чампака и даже не цветы шафрана?

— Если госпожа соизволит взглянуть вон в ту сторону, то вдали заметит большую темную гору, по форме своей напоминающую боб, это Ароматная гора — Гандамадана! — отвечали царице ее прислужницы и няньки. — Слыхали мы, что в той горе есть пещера — роскошный дворец из золота и рубинов — и растет там дивный цветок мьиззутака, душистей которого нет в целом свете. Не иначе как ветер с Ароматной горы донес к нам запах благоуханной мьиззутаки!

Выслушав речи прислужниц, царица Туваннаяти тотчас пожелала украсить свои волосы небесным цветком и вот, долго не раздумывая, вместе со всею свитой пустилась по небесам дорогой птиц, так что вскоре достигли они вершины Гандамаданы. Однако на пути в заветную пещеру возвышалась крепость за семью железными стенами, и семь окованных ворот охраняли бдительные стражи. Тут же обратились к начальнику охраны с просьбою отпереть ворота, на что главный страж семи ворот ответил так:

— Сим сверкающим градом владеет могущественный пат Малладева ⁴⁵, государь всех духов небесной тверди, вод и лесов, а также диковинных кейннар ⁴⁶; ныне в своем золотом дворце под рубиновым балдахином он изволяет отдыхать, окруженный бесчисленною свитой. Если благород-

ная царевна желает войти, то пусть прежде откроет, что привело ее сюда вместе с тысячью прислужниц.

Тогда-то спутницы Туваннаяти поведали главному стражу обо всем от начала до конца, и хранитель семи ворот сказал:

— Соболаговолите подождать здесь, пока я доложу приближенному государя!

Потом он отправился к владыке лесных натов по прозванию Садутакха (что значит «Четыре сучка») и просил об одолжении. Узнав причину, князь леса Садутакха тотчас же отбыл в золотой дворец. Беспрепятственно проникнув в северо-восточные покои, где на царском ложе в Рубиновом гроте возлежал Малладева, Садутакха приблизился к роскошному балдахину и предстал перед самим владыкой.

— Благородная царевна Туваннаяти, единственная дочь государя натов Тирейндарея, правящего на великой горе Тудаттана, со свитой в тысячу прислужниц справляла праздник очищения на Слоновых озерах; и тут неожиданный ветер донес к ней аромат небесной мьиззутаки. В душе царевны возникло сильное желание украсить свой головной убор божественным цветком. С этой целью Туваннаяти без промедления направилась к горе Гандамада-на и явилась прямо к золотым стопам вашего величества. Теперь дожидается милости у семи ворот, развлекаясь тем временем игрою придворного оркестра.

Так доложил государю приближенный нат Садутакха. Благоклонно выслушав донесение князя леса, царь Малладева выглянул из-под пышного балдахина и внезапно узрел прекрасную царевну. Двое золотоликих оказались друг перед другом, взгляды их встретились, и в мгновение ока сердца обоих запылали — так жадно и стремительно впитывает прохладную влагу стократно отбеленный топчайший шелк, едва лишь опустят его в священную воду гималайских снегов. Точно две легкокрылые бабочки, попеслись друг к другу их души, полные любви и нежности, — радость и счастье хлынули через край, и в мыслях обоих родилась одна и та же мольба о будущем, молитва светлая и искренняя. Им обоим казалось теперь, что самой судьбой они были предназначены друг для друга и встреча их была неизбежна, любовь же до поры таилась в глубине их сердец, дожидаясь лишь знамения, — и вот оно явилось: царевна возжелала цветок ароматной мьиззута-

ки, ее просьба достигла ушей ната Малладевы, и он понял, что предначертанное свершилось...

Лишь только зашло солнце, Малладева сорвал два цветка мьиззутаки и, воскликнув: „Если суждено этому быть — прими их, о благородная царица!“ — протянул Туваннаяти благоухающие цветы.

Получив драгоценный дар любви, царица вместе с тысячной свитой немедленно возвратилась на родину, в Тудаттану.

Узнав про случившееся, все няни, все кормилицы царицы решили: «Не гоже это!» — и доложили обо всем государю с государыней.

Царица же Туваннаяти с того дня больше не резвилась в прохладной воде Слоновых озер, а все сидела в своем высоком дворце с семярусной крышей, отделанном девятью видами драгоценных камней⁴⁷, и тосковала от любви, томилась неутоленной страстью, горевала и печалилась.

И царь натов Малладева, властелин Рубиновых чертогов на вершине Ароматной горы, потерял отныне радость и покой: не ведая сна, думал он свою думу, без устали тешил себя одним лишь воспоминанием, в воображении представляя свидание с царицей Туваннаяти, вновь и вновь расспрашивая придворных, сочиняя в уме любовные послания.

И вот наконец, будто очнувшись, государь-нат Малладева выбрал из своих сокровищ в дар любимой тысячу самых прекрасных и редких рубинов маномая⁴⁸ и, призвав верных сановников, сказал так:

— Если, следуя по пути добродетели, на всю жизнь соединюсь узами супружества с благородной царицей Туваннаяти, люблю которую искренне и пылко, то станут наши царства Тудаттана и Гандамадана единым целым, точно две стороны одной золотой монеты. Доверяю вам исполнить мое заветное желание!

С этими словами он вручил посланцам бесценные камни и царское письмо на золотой пластине, после чего отправил их в страну царя Тирейндарея и царицы Кальянавати.

Государь-нат Тирейндарей, получив послание, держал совет со своими придворными — министрами и военачальниками; а те единодушно согласились и доложили повелителю:

— Хозяин горного дворца из золота и рубинов, нат — хранитель благовонной мьиззутаки — государь могущественный и славный. К тому же он безмерно любит нашу юную госпожу и с искренним почтением об этом сообщает. Такого зятя отвергать не следует. Пусть же оба государства соединятся прочно, как будто спаянные ювелиром две пластины из золота нарами и забурей ⁴⁹.

Выслушав придворных, царь натов Тирейндарей почел за благо принять их совет и повелел ответить государю Малладеве в велемечивом тоне с намеком на согласие.

Властитель Горы Ароматов воспринял этот намек как должно и был несказанно обрадован. И вот уже после многократных переговоров обе стороны выбрали благоприятный день для бракосочетания. Великий государь Тирейндарей и славная его супруга Кальяनावати устроили пышное празднество и обильный пир в согласии с придворным этикетом, после чего в великолепном семиярусном дворце, отделанном всеми девятью драгоценными камнями, торжественно соединили руки молодых.

Как только два столь могущественных государя породнились, к ним во владение отошли все города и царства на трех горах, что высятся невдалеке, — на Пике Смелых, на Вершине Чудес и на таинственной Черной горе; с той поры тесть и зять сделались властителями пяти великих гор ⁵⁰.

Целую неделю продолжались радостные торжества по случаю женитьбы ната Малладевы на прелестной фее Туваннаяти. Когда же семь дней истекли, молодожены отправились в Рубиновый дворец на Гору Ароматов; их славили и провожали все жители страны Тудаттана от мала до велика. Благополучно водворившись в сверкающих покоех из золота и рубинов, счастливые супруги, окруженные вниманием восьмидесятитысячной свиты придворных, познали радость искреннего чувства. Соединенные узами любви, они отныне были неразлучны, ибо ни души их, ни тела не желали расставания; так в неиссякаемом блаженстве справляли они сладостный праздник натов, вкушая лишь наслаждение.

И вот, когда на драгоценном ложе, истомленные восторгами страсти, царственные супруги, набросив легкое покрывало, окунулись в забытие, царице Туваннаяти привиделся странный сон. Ей снилось, будто солнце и луна с огромной свитой из небесных звезд направились по

Млечному Пути и вдруг спустились по небесным ступеням в царство Ватаватти⁵¹, а там расположились отдохнуть на вершине благовонного дерева мьиззутака. Спустя немного времени солнце покинуло верхушку мьиззутаки и в окружении тысячи спутников поплыло в тень, которую отбрасывала страна Яммания, луна же, проводив его взглядом, вдруг соскользнула с дерева и двинулась к спящей Туваннаяти: легко разняв грудь царицы, светило сразу же проникло вглубь.

Тут напуганная фея вздрогнула и пробудилась с криком: «Спаси меня, супруг мой!»

Нат Малладева нежно обнял трепетавшую от страха Туваннаяти и спросил:

— Чем так испугана моя супруга?

В ответ царица пересказала ему свой сон. Лишь только рассвело, во дворец призвали ученого-брахмана Девадиту и сообщили ему о странном сновидении царицы Туваннаяти. Искусный предсказатель и астролог, умудренный знанием трех вед⁵², так объяснил вещий сон благородной супруги Малладевы:

— Некоей достойной паре небожителей из высшего селения Ватаватти — высокородным брату и сестре, жившим в супружестве во дворце натов, — выпал жребий покинуть небеса и возродиться вновь в стране людей. Спускаясь по ступеням небесной лестницы, они задержались отдохнуть на вершине золотой мьиззутаки; славный нат-супруг, явившийся во сне царице в виде солнца, отправился далее в страну Ямманию, в которой предначертано ему родиться. Благородная же его супруга-фея, явившаяся в образе луны, осталась здесь. А это означает, что в нынешнюю ночь ее величество царица Туваннаяти зачала и разрешится в должный срок царственной дочерью!

Итак, супруга ната Малладевы зачала. Когда же наступил десятый месяц и уже истекал полный срок, мир вдруг озарила яркая вспышка, точно выскользнула из драгоценного ларца невиданная жемчужина валахака — частица затвердевшего облака; это в небесном сиянии появилось на свет благословенное дитя — дочь Малладевы и Туваннаяти.

Искусные феи-прислужницы из свиты Туваннаяти заботливо восприняли юную царевну, отсеки золотой послед и совершили все, что надлежит делать при родах. А по прошествии семи дней во дворце торжественно совер-

шили священный обряд, окропив новорожденную соком акации и воздав причастствующие почести, после чего поместили ее в роскошную колыбель. Надзиравшие за церемонией благородные наты — государь-дед Тирейндарей, государыня-бабка Кальяनावати и государь-отец Малладева, — полные восхищения, в один голос изрекли:

— Юная царица, рожденная Туваннаяти, воистину прекрасна: нежна, прелестна, безупречно сложена, сияет белизною кожи с зеленоватым оттенком⁵³, как самый редкий изумруд велурия!

Так восславив совершенство новорожденной царицы, все единодушно порешили назвать ее Велумьясва, что означает «Дивный изумруд». Правители небесных царств — дед, бабка, отец и мать юной Велумьясвы — в своем могуществе не знали равных и всеми почитались; единственную их наследницу хранили как зеницу ока, для чего из многих тысяч верных и достойных прислужниц отобрали самых лучших, преданных, умелых, дабы они пеклись неусыпно о царице: одни носили на руках, другие качали в колыбели, третьи кормили грудью, четвертые нянчили и развлекали, остальные заботились о прочих нуждах. Были назначены четыре главные кормилицы и няни — Ганатирри, Юпатара, Мадузала и Махатала, у каждой под началом находилась сотня младших кормилиц, нянек и прислужниц — и все они по очереди пестовали благородное дитя.

В любви, заботе, ласке, холе, почитании росла прекрасная Велумьясва, и вот, когда исполнилось ей десять лет, настало время окружить наследницу великих государей достойной свитой. Потому и выбрали прелестных мудрых фей из благороднейших семейств небожителей — диковинных кейннар, натов небесной тверди, вод, лесов, духов магин, что обитают на пяти великих горах — Живописной и Черпой, Горе Чудес и Горе Ароматов, а также на Пике Смелых. Вот кто оказался в числе приближенных юной царицы: Падуматейинги, дочь славного государя-ната Садутакхи, и с нею тысяча небесных фей; Забутоундари, дочь славного государя-ната Тилабумы, и с нею тысяча небесных фей; Кинсанатарри, дочь славного государя-ната Махападумы, и с нею тысяча небесных фей; Баттазани, дочь славного государя-ната Араняданто, и с нею тысяча небесных фей; Тинкхакальяни, дочь славного государя-ната Вейззадо, и с нею тысяча небесных фей; Заюятана, дочь славного государя-ната Деватенан, и с нею тысяча небесных

фей; Дигакета, дочь славного государя-ната Тинкхамататы, и с нею тысяча небесных фей; Гандамала, дочь славного государя-ната Махандары, и с нею тысяча небесных фей; Йоханамейтта, дочь славного государя-ната Девадиты, и с нею тысяча небесных фей; Ятимоутта, дочь славного государя-ната Эйддидевы, и с нею тысяча небесных фей.

Всего же юных подруг и сверстниц у царевны Велумьясвы вместе с упомянутыми выше набралась целая тысяча; а если сосчитать небесных фей-прислужниц, то свита благородной дочери Малладевы оказалась бы немалой — полных одиннадцать тысяч. При этом все были искушены в житейском опыте, знали бесчисленные правила этикета, держались с подобающим достоинством, соперничая друг с другом в юной свежести своих неполных тринадцати лет. Одетые роскошно и со вкусом, придворные девушки Велумьясвы украшали свои наряды изумрудами и алмазами, их кофты из легкой и прозрачной ткани не скрывали упруго-выпуклых персей, а по нежной шее струились пятирядные мониста из золота, алмазов или драгоценного набора в девять камней; тройные изумрудные браслеты сияли на запястьях, а тонкие лодыжки обвивали браслеты из редчайшего золота нарани и нарака. Но удивительнее всего были их прически, сделанные столь искусно, что каждый завиток или локон, выпущенная прядь или замысловатый узел подчеркивали прелесть лица и гармонизировали со стройностью фигуры; каких только фасонов тут не было: «конский хвост» и «заяц на луне», «восходящее солнце» и «лунный диск», «жемчужная капель» и «пестик лотоса», а еще «мьиззутака в тронном зале» и «ми-моза распустилась», «утиный язык» и «клюв Гаруды»⁵⁴ — да всех не перечесть!

Вот такая свита была у прекрасной царевны Велумьясвы!

Чтобы юная наследница наслаждалась жизнью, не ведая тягот или неудобств, для нее воздвигли великолепный Рубиновый дворец: богато убранные жилые покои соединялись крытыми переходами с огромным залом для приемов и торжеств; тридцать главных башен — пьятта⁵⁵ — вонзали в небеса золотые шпили, а кругом по необъятной дворцовой крыше вырос целый лес из башенок поменьше; под общею кровлей уместилось множество отдельных флигелей — малых, средних и больших, резные арки и галереи

связывали их воедино; повсюду были украшения из дерева, золота, стекла, драгоценных камней; искусно инкрустированные золотом парани и забурей вились диковинные растения, оплетая громадные слоновьи бивни; на стенах были вырезаны сказочные львы по соседству с конями и слонами; золотые крабы ползли по перилам к застекленным створкам дверей, которые, если их тронуть, издавали звуки, напоминавшие курлыканье журавлей или трубный глас Гаруды...

Прежде чем благородная царица Велумьясва со всею своею многочисленною свитою поселилась в роскошном дворце, ослепительном и пышном, созданном для счастья и блаженства, окруженном уютными беседками из золота, серебра и рубинов, обсаженным благовонными деревьями мьиззутаки, сверкающем четырехскатными крышами из прозрачного стекла, под коими умещались пять тысяч с лишним залов, комнат и покоев, — это чудо из чудес, вызывавшее лишь восторг и умиление, освятили восемь мудрых брахманов, окропив жертвенной водой и благословив обитель мира и покоя; а после был устроен грандиозный праздник, где феи танцевали под звуки царского оркестра из пяти инструментов.

Когда все кончилось, юную царицу провели в ее покои через пять сотен дверей. Устав от праздничного шума, она вдруг задремала: легкая сорочка с узким рукавом сползла с одного прелестного плечика и обнажила нежную грудь... Заметив это, феи-прислужницы со смехом и шутками приподняли головку сонной царицы и, соблюдая осторожность, чтобы случайно госпожа не упала с ложа сна на гладкий пол, легко и быстро подложили ей мягкую подушку, а сами стали охранять царственный сон...

Здесь и конец главе о рождении и детстве царицы Велумьясвы.

Глава третья,
в которой
рассказывается
о строительстве
царского
дворца

А тем временем в благословенной стране Яммании прославленному внуку государя Махаразейнды, будущему властителю острова Забу, царевичу Эйндакоумме и всей его свите в тысячу сверстников исполнился год.

Вступив в пору нежного детского возраста, юный царевич проводил свои дни в роскошной колыбели, блиставшей драгоценными камнями; усердные кормилицы и заботливые няни плавно покачивали колыбель и в такт тихонько напевали, баюкая царственное дитя: «Государыня-царевна Тиласанда, благородная дочь Махаразейнды и супруги его Атуладеви, не нашла себе достойного мужа на бескрайнем острове Забу — видно, так судьба сулила, чтоб земных страстей не знала Тиласанда! Удалившись в рощу Тирихема, трем святыням молилась царевна, долг высокий прилежно воздавая; и в награду за щедрую жертву ей открыто было заклинание, призывающее с неба Тиджамина. Вняв заветной молитве Тиласанды, одарил ее небесный владыка жизнетворным плодом страстоцвета: и, волшебной мякоти отведав, зачала непорочная царевна: в золотой утробе без сонтия завязался плод великой жизни! А потом явился на

свет наш владыка! Все мы — верные твои рабы и слуги, бережем тебя как зеницу ока!»

Так в нехитрой колыбельной песне пересказали они царевичу всю историю его рождения. И вот спустя некоторое время подросший Эйндакоумма направился в золотой дворец своей матери, благородной Тиласанды, и приступил к ней с расспросами.

— Правда ли, что моя государыня-матушка, усердная ревнительница долга и добродетели, преуспевшая в священных парамитах ⁵⁶, была награждена магическою гатхою и призвала самого Тиджамина, которого молила о даровании сына, после чего благодаря божественному плоду страстоцвета обрела желаемое — дар небесного владыки?

— Все это правда, сын мой, — ответствовала Тиласанда. — Исполняя заветное желание твоего деда и твоей бабушки, я прибегла к помощи заклинания, открытого мне святым аскетом, и просила наследника у владыки небес Тиджамина.

И тут она со всеми подробностями поведала сыну про обстоятельства его появления на свет.

— Значит, если хотя бы раз произнести магическое заклинание, то немедленно сюда прибудет властелин заоблачных селений? — допытывался Эйндакоумма.

— О нет, мой сын, чудотворную гатху надлежит повторить тысячекратно, всю целиком, без запинки — лишь после этого царь натов Тиджамин соизволит спуститься с неба!

— Ах, матушка, все то, что я узнал, давно уже не дает мне покоя. Душа моя полна желания узреть воочию моего батюшку, правителя небесных царств, и этому желанию нет сил противиться. Прочтите же скорее заветную магическую гатху, и пусть Тиджамин услышит наш призыв!

И в ответ на эту просьбу Тиласанда сказала так:

— О высокородный царевич, Тиджамин — всемогущий властелин небес, великий государь заоблачных владений. Он правит в золотых чертогах Везаянда ⁵⁷, находящихся в небесном граде за пятью стенами и с тысячью ворот, зовущемся Тудаттана, на самой вершине священной горы Мьинмо ⁵⁸ высотой в восемьдесят четыре тысячи юзан. Дивную гору Мьинмо омывают семь полноводных рек, окаймляют семь скалистых цепей — где высоких, а где и пониже — Югандара, Итандара, Немейндара, Каравика, Тудаттана, Винаттака, Аттакан. Подле славного Тиджамина в зо-

лотом дворце Везаянда живут четыре его супруги — прекрасные царицы-феи Тунанда, Туссейтта, Тудамма, Тузига. Не вдруг сочтешь поданных небесного властелина: тридцать да еще шесть миллионов фей и натов населяют царство Тавадейнта, а на горной вершине Тиданаббата обитают верные слуги государя — двадцать восемь натов⁵⁹, мудрые змей-наги, диковинные птицы-галоуны, свирепые чудища-гоумбаны и устрашающие демоны-ракшасы. Могуч и недоступен владыка Тиджамин. Однако внимлет зову чудесной гатхи: коли свободен он от бремени насущных дел, то прибудет без промедления. Но помни, сын мой, должно чтить заоблачного властелина: только в случае крайней нужды или заветного желания прибегать к помощи чудодейственной гатхи! Ежели возникла такая нужда, то в глубоком поклоне, соединив руки, как для молитвы, зывай к небесам!

— По всему острову Забу идет слава о вашем сыне, дарованном Тиджамином! — заговорил снова царевич. — Все склоняются перед именем Эйндакоуммы. Но достоин ли я такой славы? Ведь не владею ни умением, ни знанием, не разумею людских дел и забот. Вот и задумал я изведать всю премудрость мира, дабы не было мне равных! Призовите же моего батюшку Тиджамина, испрошу у него милости — совершенного знания во всех восемнадцати науках⁶⁰!

Долго слушала Тиласанда просьбы сына и наконец сжалась над ним: дождавшись благоприятного дня и счастливого часа, она прибрала золотые покои дворца и окропила их благовониями, потом развесила украшения из цветов — венки, причудливые зонтики, флажки; совершив благое пожертвование и выбрав подходящее место, царевна расположилась там вместе с сыном, а затем, перебирая жемчужные четки, нанпзанные на золотую нить, она неторопливо принялась читать магическую гатху и должным образом повторила ее тысячекратно...

Приподнявшись на роскошном ложе, государь небесных натов благосклонно глянул сверху на страну людей и вмиг узрел желание, родившееся в сердце царевича Эйндакоуммы, сына Тиласанды. Решившись наградить просящего, Тиджамин поспешил на землю и осведомился о сути дела. На это царевич отвечал:

— Я тот, кому суждено было увидеть свет благодаря доброй воле владыки. Теперь почтительно прошу о мило-

сти: пусть государь небесных натов дарует мне совершенное знание!

Благосклонно выслушав юношу, Тиджамин милостиво исполнил его просьбу — он сделал царевича Эйндакоумму неуязвимым для земных существ и вручил ему заветное оружие натов, дабы, не зная поражений, владел он неодолимой силой и властью богов. После этого властитель облачных царств призвал небесную фею Тураттати⁶¹ и так ей повелел:

— Сей благородный отрок — наш любимый сын, поручаю тебе пещься о его благе, поддерживать в трудную пору, обучить премудрости мира, чтобы стал Эйндакоумма искусен и сведущ во всех науках без исключения!

Сделав фею Тураттати главным наставником и советником царевича, Тиджамин пожелал увидеть своего отпрыска самым прекрасным, могущественным и славным из царей, когда-либо владевших белым зонтом или магическим оружием небес, и одарил Эйндакоумму невиданным сокровищем: бесценно дорогим волшебным кристаллом о девяти гранях, который сверкал и переливался, словно целое ожерелье из редких изумрудов. О, сколь удивителен был этот диковинный кристалл!

Если всмотреться в него с одной стороны, то можно увидеть в желтоватом призрачном свете четыре дивных древа желаний — забутапье, падета, коукко и тхейн⁶², четыре главных небесных острова, а также пять сотен малых с их несметным населением.

Если всмотреться в кристалл с другой стороны, то сможешь явственно увидеть водные просторы вселенной — океан, омывающий великую гору Мьинмо, и вышний мир Саджа, пять больших рек и пятьсот малых, вытекающих из озера Навада, все ручьи и протоки, озера и пруды с горами и лесами по берегам, с островами и островками, с населяющими их живыми существами, коих можно насчитать до десяти десятков миллионов.

Если всмотреться в кристалл с третьей стороны, то в натуральную величину увидишь все деревья, травы, цветы и плоды, произрастающие в заветном лесу Хемавунта⁶³, и всех диких обитателей леса — зверей, птиц, рыб и насекомых.

Если пристально посмотреть сквозь магический кристалл снизу вверх, то увидишь таинственных нагов и га-лоунов, пугающих гоумбапов и ракшасов; взору откроются

двадцать вышних селений Брахмы, семь великих горных цепей, опоясывающих гору Мьинмо, и шесть царств небесных духов; все так ясно будет видно, что, внимательно взглядевшись, различишь любое жилище ната или фен.

Если же пристально посмотреть в магический кристалл сверху вниз, то увидишь все самое ужасное в мире — четыре проклятых навеки места: ад с его чудовищными пытками и три зловещих царства, населенные хищными зверями, претами и асурами ⁶⁴.

Этот единственный в своем роде кристалл не был похож ни на один из девяти сокровищ ⁶⁵, но сиял так ослепительно, словно слился в нем блеск всех дорогих камней мира: соперничая друг с другом, вспыхивали белые, голубые, желтые, черные и лиловые, серебристые и золотые лучи, свет которых озарял картины, возникавшие на пяти поверхностях кристалла. Бесценный камень был соединен с богатым убором: на золотые нити с точеными украшениями из золота были нанизаны в девять рядов сверкающие бриллианты и переливчатые изумруды.

— Пусть же сопутствуют тебе слава, успех и победа, властвуй над всеми людьми, как твой родитель над небесными натами! — С этими словами Тиджамин изволил собственноручно надеть золотой убор с драгоценными камнями и магическим кристаллом на шею Эйндакоуммы, после чего отбыл в свои небесные чертоги. А царевич Эйндакоумма в блистательном уборе сиял неземной красотой, точно сам властелин небес вновь спустился со своих высот. Исполненный царственного достоинства и сознания великого долга, славный и могущественный, неуязвимый для врагов, ибо владел он небесным оружием победы, юный царевич устроил пышное празднество, которое продолжалось ровно семь дней.

Лишь только отгремел шумный пир, сама небесная фея Тураттати, памятуя о повелении владыки Тиджамина, принялась за обучение достойного отпрыска царя небесных натов, каждодневно открывая ему глубины всех восемнадцати знаний. Постигнув всю премудрость человеческого разума, Эйндакоумма овладел к тому же способностью летать по небесам, проникать в глубь земли, принимать образы различных существ и предметов, оживлять умерших. Вскоре слава его не ведала границ, и сто государей острова Забу склонили головы к стопам наследника Тиджамина в знак признания его власти.

Однажды царевич Эйндакоумма, сопровождаемый тысячью сверстников своих и приближенных, во главе миллионного войска отбыл из золотой столицы Яммании и на быстрой колеснице направился по воздуху в священную рошу Тирихема, где, поселившись во дворце на берегу озера Титудака, провел в довольстве и покое три месяца — под знаками Овна, Тельца и Девы⁶⁶ — всю «пору расцветающих бутонов».

И вот случилось так, что в это время государь страны Ямуна, славный правитель нагов Эйяпатха, призвав своих министров, обратился к ним:

— Хочу узнать, откуда берут начало пять великих рек — Ямуна, Гинга, Асиравати, Мади, Тарабу⁶⁷ — и пять сотен малых!

— Эти реки, о государь, питаются водами знаменитого озера Навада! — ответствовали министры Эйяпатхе.

— Как же образуются они, эти пять великих и пятьсот малых рек? — продолжал расспросы царь Ямуны.

Однако на это уже никто из придворных ответа дать не смог. И тогда, жаждая узнать неведомое, Эйяпатха отобрал из своего несметного войска восемьдесят тысяч самых могучих воинов-нагов и в один прекрасный день отбыл вверх по течению Ямуны, покинув своих жен-цариц и многочисленных наложниц. Стремительно проплыв к верховью, любознательный Эйяпатха обнаружил, что все пять великих рек изливаются из Звериной горы. Здесь было их начало. В самой горе открывалась большая пещера: незримые воды текли в глубине по каменному ложу целых пятьдесят юзан, затем взмывали к небу сильной струей на высоту в шестьдесят юзан, а с небосвода низвергался мощный каскад в три гавоу⁶⁸ шириною и с силой бил в межгорье. В крутой скале властитель нагов заметил четыре отверстия — словно четыре зева диких животных: коня, быка, слона и льва; из них хлестали бурные потоки и мчались вниз, вливаясь в семь обширных озер. Оглядев их все, царь Эйяпатха увидел самое большое с двенадцатью изгибами, то было знаменитое Навада.

Над гладью холодных озер, точно гигантские вороны клювы, причудливо нависали пять великих гор. Пожелав взглянуть и на них, неутомимый Эйяпатха вместе со своим отрядом в восемьдесят тысяч нагов стремительно пустился вверх по склонам. Взираясь на вершину Горы Ароматов, Эйяпатха задержался на широком камне, ожи-

дая, пока подтянутся и соберутся вместе его воины. Внезапно он заметил, что на самой вершине блеснит в сиянии золота и драгоценных камней невиданный великолесный град с пятью сотнями дворцовых палат, окруженных семью крепостными стенами.

— Чьи это чертоги? Какой здесь царствует небесный государь? — спросил своих придворных Эйяпатха. Все восемьдесят тысяч нагов с восхищением переспрашивали друг у друга, но, увы, ответа никто не знал...

Пока пришельцы-наги дивились на чудесный град, прекрасная царица Велумьясва соскучилась в своих покоях и пожелала перейти в стеклянный зал, пролепетав:

— Хочу развлечься и нарвать цветущей мяззутки!

Тотчас же одиннадцатитысячная свита прислужниц и подруг царицы захлопотала: весь пол дворца немедленно устлали белым мягким бархатом в целых сто слоев, и юная царица, поддерживаемая няньками и мамками, в окружении послушных фей торжественно проследовала в хрупкие прозрачные покои. Все это видели царь нагов Эйяпатха и его восьмидесятитысячное войско.

Пятьсот золотых чертогов под многоярусным шатром, усеянным рубинами, сверкали и переливались при ярком свете дня; все галереи, залы и комнаты были полны прекрасных фей — подруг и прислужниц Велумьясвы: сияла небесной красотой, не ведая пороков женской внешности — не слишком белокожие, но и не чересчур смуглые, не очень полные, но и не совсем худые, не низкорослые, но и не чрезмерно высокие, юные и нежные, они сновали и сустились, торопясь исполнить любое желание госпожи.

А сама царица была так ослепительно прекрасна, что не нашлось бы ей соперниц ни в одном из небесных селений: золотой лик ее был чист и ясен, точно лунный диск в прозрачном кружеве облаков в ночь полнолуния месяца тазаунмоун⁶⁹ — блики света легко меняли золотисто-желтые оттенки; все ее нежное, податливое, словно воск, и почти бесплотное тело излучало сияние — блеск золота сливался с зеленоватым светом изумруда, — ну, как не вспомнить, глядя на красавицу царицу, бесценные сокровища Тиджамина! Никто не совладал бы со своими чувствами при виде божественной Велумьясвы! И вряд ли кто-нибудь сумел бы достойно описать ее неземную красу — лишь пристально смотрел бы, не отрываясь и не смея даже моргать, дабы ни на миг не упустить райского видения. Так

случилось с восьмидесятитысячным войском нагов, так случилось и с самим царем Ямуны Эйяпатхой: не в силах отвести глаз от восхитительной Велумьясвы, все они за-таив дыхание, как зачарованные, лишь поворачивали головы то на север, то на юг, следя за юной девой.

А тем временем Велумьясва вооружилась сапфировым трезубцем на золотом черенке с отделкою из девяти драгоценных камней и, остановившись подле цветущей мьиззутати, протянула свою нежную ручку к пышно распустившемуся цветку; ловко зацепив трезубцем за стебелек, она легонько потянула к себе и тут же, играючи, сорвала. Внезапно налетевший ветерок слегка коснулся одеяния царицы, чуть откинул край воротника и тронул бриллианты на груди; узкие рукава изящной кофты незаметно смялись, точно изумрудные тычинки цветочного бутона под тяжестью капель росы, прозрачные покровы разомкнулись, и два бесценных дара юной девы — не более созревшего лимона — вдруг открылись и обрели свободу: будто в зигзагах молний соперничали меж собою две звезды, столь яркие, что даже издали слепили; их сиянием были озарены заоблачные выси небесного пространства, и даже на земле, к людям, струился дивный свет; при вспышках молний на далеком небосводе пылали две негаснущие свечи — под нежным ветром пламя волновалось, танцевало, — и не было конца этому возбуждающему танцу соблазна!

Нечаянные свидетели чудного зрелища, царь нагов и его преданные воины, словно замороженные, смотрели вверх. На смену прежним видениям являлись новые, все смешалось и поплыло перед разгоряченными взорами, от неистовой страсти забились сердца, перехватило дыхание, и вот уже все они были готовы ринуться вперед очертя голову, точно подгоняемые ураганом... На миг опомнившись, министры Эйяпатхи решили обратиться к государю; не видя его, стали звать, но тот не откликался. Смятение овладело всеми, сверкающее молниями небо, казалось, предвещало недоброе...

Тут поднялся невообразимый шум, и началось столпотворение. Огромное войско нагов смешалось: министры, военачальники и простые воины кинулись вниз по склону горы. Не разбирая дороги, все мчались прочь, подстегиваемые страхом, их лица были искажены — у одного от ужаса вываливался изо рта язык, у другого текла и пенилась слюна; теснясь и натыкаясь друг на друга, катились они

под откос, не понимая, что вокруг них, как говорится, «не ведая, где горы, а где лес»! Уж многие лишились сознания, их тела валялись на пути у несущихся, а те, не замечая, стремились вниз, налетая на колючие ветки, ударяясь о пни и коряги, попадая в глубокие ямы и вмятины от копыт буйволов; от бесчисленных ударов, порезов, уколов сочилась кровь, стекала на кусты, траву и камни, но обезумевшие наги по-прежнему мчались в бездну...

Царь Эйяпатха, потеряв из виду свое войско, в одиночестве блуждал по лесным дебрям и наконец в полном изнеможении рухнул у подножия какого-то холма. Не в силах бороться с усталостью, он тут же уснул...

В это самое время царь галоунов Хурамбала с пятью сотнями приближенных явился на вершину горы Вебула к прославленному магу и аскету Вейззамее, который соблаговолит открыть тайны своей науки. И тут Хурамбала заметил, что под холмом, свернувшись в клубок, измученный и жалкий, лежит властитель нагов Эйяпатха. Повелев своей свите оставаться на горе Вебула, царь-галоун немедленно ринулся на спящего Эйяпатху, схватил его и на мощных крыльях взмыл в небеса; там он стал кружить, то падая, то вновь взлетая, играя и резвясь, а втайне надеясь истомить и до конца обессилить усталого противника⁷⁰. Ведя свою жестокую игру с полубесчувственным Эйяпатхой, царь галоунов случайно подлетел к священной роще Тирихема в трех юзанах на север от славного града Яммании, где в золотом дворце на берегу озера Титудака пребывал властелин небесного оружия царевич Эйндакоумма, явившийся сюда с миллионной армией и тысячью сверстников-приближенных. И вот царевич Эйндакоумма вдруг приметил, как гибкий змеиный хвост опустилсЯ откуда-то с небес и крепко-накрепко опутал ствол старого дерева поуннье⁷¹, которое своим прекрасным ароматом питало рощу Тирихема. А потом невидимая сила вырвала благоухающее дерево с корнем и подняла вверх на змеином хвосте, как на веревке.

— Кто это смеет портить деревья в моей любимой роще?! — вскричал тут в гневe царевич Эйндакоумма и, не долго думая, метнул в небо волшебное копьe Тиджамина. Точный удар раздробил могучее крыло царя птиц, и с оглушительным треском оно сломалось пополам, вниз полилась кровь, и галоун камнем рухнул на землю вместе с нагом в когтях.

Не ожидая пощады и не смея молить о прощении, тяжело раненый галоун молча страдал. Видя муки птицы и глядя, как сочится ярко-алая кровь, юный царевич, постигший смысл четырех истин мира⁷² и давший клятву неуклонно им следовать, проникся сочувствием к Хурамбале — тотчас же течение царственной крови галоуна прекратилось. Произнеся магическое заклинание, которое ему открыла фея Тураттати, Эйндакоумма брызнул чистой водой на раненую птицу — мгновенно царь галоунов воспрянул духом, опасная рана затянулась, крыло срослось, и силы жизни тут же вернулись в мощное тело правителя пернатых.

— О великодушный и всеведущий государь! — воскликнул растроганный галоун. — Прежде мне не доводилось слышать о тебе. Однако, хотя сегодня я узрел тебя впервые, хочу навек с тобою и остаться. В страну галоунов я уж более не вернусь, а сделаюсь твоим преданным слугою — и в крупных и в малых делах надежным помощником! Ибо ты, государь, истинный герой, высокоумный правитель, грядущий Будда!

Выразив так свое почтение, Хурамбала поклялся быть вечным рабом Эйндакоуммы. В свою очередь и царь нагов Эйяпатха склонился перед могуществом славного царевича, промолвив:

— Моего спасителя не покину вовек, стану служить ему верой и правдой!

В знак своей преданности он подполз к царственным стопам Эйндакоуммы и дал клятву оставаться его верным рабом.

По прошествии трех месяцев достойный сын Тиджамина, сопровождаемый тысячею сподвижников и миллионным войском, воротился в золотую столицу Яммани. С ним вместе прибыли царь-галоун Хурамбала и царь-наг Эйяпатха во главе своих дружин, ибо дали они обет беззаветно служить господину, всечасно находясь у августейших стоп.

Тем временем небесная фея Тураттати, явившись к государю Махаразейнде и его супруге — царице Атуладеви, сказала им обоим так:

— Ваш благородный внук царевич Эйндакоумма признан кровным сыном владыки неба Тиджамина! И в будущем ему суждено стать полноправным преемником отца, наследником его владений и царства. Однако жизнь людей

и натов несходна и течет по разным руслам: тому, кто будет править небом и землею, надобны теперь достойные чертоги, пусть хоть в малой мере они походят на нерукотворную обитель Везаянду, что в небесном граде на вершине горы Тудаттана. Хочу испросить вашего согласия и воздвигнуть для высокородного Эйндакоуммы подобающий дворец!

— Нам неведомо, чтобы в древнем и сиятельном роду царей страны Яммания, в продолжительной цепи предков был бы столь могущественный и достославный государь, каким обещает стать наш внук Эйндакоумма,— отвечали фее царь Махаразейнда и царица Атуладеви,— видно, уж судьба определила ему править под священным древом бодхи. Но прости нашу немощь, о небесная фея, не по силам нам самим одарить, как должно, царевича-внука! Поручаем тебе исполнить задуманное!

Получив согласие и благословение государей, фея Тураттати пожелала возвести дворцовый град, строить который было выше людского умения, недоступно для человеческой мысли. Тут обратилась она к царю-нагу и царю-галоуну:

— Отправляйтесь в свои царства, соберите всех лучших мастеров и умельцев — зодчих, ваятелей, живописцев, резчиков, ювелиров, плотников, каменщиков, кузнецов.

Отбыли без проволочек Хурамбала и Эйяпатха в подвластные им страны и самолично исполнили повеление Тураттати.

Спустя немного времени в Ямманию явилось бесчисленное множество умельцев — галоунов и нагов; тут же принялись они за дело: в трех сотнях юзан от золотой столицы сложили из кирпича стену по окружности нового града — полторы сотни юзан в длину, пятьдесят юзан в поперечнике, тридцать та⁷³ в высоту. Внутри кирпичной стены возвели другую — из дикого камня, по окружности в сто двадцать юзан, в поперечнике в сорок юзан, от земной тверди в высоту в тридцать та. Внутри каменной стены поставили железную, по окружности в длину девяносто юзан, в поперечнике тридцать юзан, над землею подняли на тридцать та. За железной стеною сделали медную, по окружности в шестьдесят юзан, в поперечнике в двадцать юзан, в высоту все те же тридцать та. После медной стены отлили новую, из пяти металлов сплавленную. В сплав входили золото, серебро, медь, железо и свинец. По окружно-

сти пятая стеза тянулась на тридцать юзан, в поперечнике была десяти юзан, в высоту подымалась на тридцать та. И по мере того как росли эти пять стен города, всякий раз подсыпали землю до нового уровня, так что каждая внутренняя стена была на тридцать та выше внешней. По всей крепостной стене из кирпича поставили фигуры стражей-защитников в виде огромных нагов, по каменной стене стояли стражи в виде гигантских галоунов, по железной стене — в виде чудищ-гоумбанов, по медной — в виде ужасных демонов-ракшасов, по стене из сплава пяти металлов — в виде небесных воинов-натов с тяжелыми секирами на плечах.

В этом диковинном пятистенном граде с пятью уступами вверх и пятью уступами вниз были тысячи ворот и сто тысяч настенных башен-пьятта, к каждым воротам тянулись крытые лестницы, перила и арки были отделаны золотом и серебром. К стене из кирпича вели кирпичные ступени, к стене из камня — каменные, к стене из железа — железные, к стене из меди — медные, к стене из пяти металлов вели ступени, отлитые из того же сплава, — а всего в чудесном граде была целая тысяча лестниц. В самом верхнем и главном круге града возвышалось каменное изваяние нага, из разверстого зева низвергался водопад шириною в три гавоу, огибая город справа, он разливался пятью реками.

Сиявший золотом царский дворец был увенчан тремя высокими пьятта в десять ярусов с отделкою из драгоценных камней. В царские покои вели четыре входа, в главном зале дворца, на востоке, был воздвигнут трон под пышным балдахином, возвышалось роскошное ложе, над которым парил раскрытый белый зонт. Все комнаты и залы в центре, в южной и в северной частях дворца, предназначались для будущих цариц-супруг и наложниц государя. Четыре зала для празднеств и придворных церемоний именовались Ароматными Покоями. А кроме этих помещений в главном дворце было множество других больших и малых комнат. Под общею раскидистою крышей вокруг царских палат разместилось еще три десятка разных флигелей, пристроек, павильонов, украшенных пятиярусными пьятта.

Причудливо, искусно и богато было убранство дворцовых комнат и залов, их щедро отделали золотом, серебром и драгоценными камнями. Каких тут диковинок не было!

Таинственные гроты, запутанные лабиринты, винтовые лестницы, галереи зигзагами, беседки в виде пчелиных ульев. Золотые покои перемежались с серебряными; особые палаты были отведены для жизни зимой, летом и в дождливую пору. На украшение дворца снаружи пошли все девять видов драгоценностей, а изнутри использовалось золото высших сортов, в слоновую кость на стенах и арках были вкраплены редкие рубины причудливых оттенков, оконные ниши светились бриллиантами и изумрудами. Тонкая резьба, изящная лепка и хитроумная живопись оживляли строгие покои величественного здания; неисчислимые узоры и картины, резные и лепные фигуры покрывали стены и потолки комнат, перила лестниц и галерей, оконные ставни, арки и витые колонны; повсюду вились диковишние растения, пестрели яркие цветы, скалились друг на друга сказочные львы, ползли огромные крабы, сплетались гибкие наги, в вихре пляски кружились небесные кейннары. Роскошные залы дворца являли собой то небесный вертоград, то заповедный лес Хемавунта, то богатейшую сокровищницу богов, где в изобилии собраны редчайшие камни, какие только может представить воображение,— магические рубины виросана, маномая, зотирата, матараган, винтавун, лохитинга, исполняющие любые желания и помыслы, бесценные алмазы, сапфиры, жемчуга, кораллы, изумруды, смарагды, бирюза, топазы, гранаты, лунные камни и «кошачьи глаза», имевшие подчас причудливые формы — то огурца, а то лимона. И все это искрилось, сверкало, переливалось, то ослепляя, то успокаивая глаз. А если распахнуть стеклянные створки дверей или окон, они тут же плавно смыкались и мелодично звенели, точно звучала музыка придворного оркестра из пяти инструментов.

Вот какой изумительный град за пятью стенами и величественный дворец в нем возвели усердные мастера-наты из небесных царств галоунов и нагов под надзором премудрой феи Тураттати.

Здесь и конец главе о строительстве царского дворца.

Глава четвёртая,
в которой
рассказывается
о возвращении
на небо
феи Тураттати

Когда царский дворец и пятистенный град для славного властителя острова Забу был готов, небесная фея Тураттати предстала перед государем Махаразейндой и его супругой Атуладеви и сказала:

— Теперь пора переселить в пределы пятистенного града благородного отпрыска Тиджамина, внука вашего, царевича Эйндакоумму!

После этого она ласково простилась с государями, с царевной Тиласандой и юным Эйндакоуммой и отбыла назад в свою обитель.

Тут и конец главе о возвращении на небо феи Тураттати.

Глава пятая,
в которой
рассказывается
о том, как царевич
Эйндакоумма
отправился
на поиски достойной
супруги

После этого миновал отмеренный судьбою срок, и вот царевичу Эйндакоумме исполнилось четырнадцать лет. Тогда великий государь Махаразейнда, желая выбрать благородную девственницу царской крови, достойную быть супругой его прославленному внуку, обратился с посланием к правителям всех стран на знаменитом острове Забу, владевшим золотым дворцом и белым зонтом.

В послании Махаразейнды говорилось:

«Наш царственный внук царевич Эйндакоумма сподобился стать обладателем невиданных чертогов и града о пяти стенах, которые ему воздвигла фея Тураттати. Однако до сей поры в величественном дворце пустуют южные покои⁷⁴, ибо нет у юного властителя любезной сердцу спутницы. Вот мы и вознамерились избрать царевичу желанную подругу, для чего повелеваем всем вассальным государям прибыть к стопам нашего внука Эйндакоуммы».

Царские грамоты без промедления были доставлены ко дворам ста государей — вассалов Махаразейнды, и те, не посмев ослушаться веления властелина, отправились в пределы царства Яммания, смиренно захватив с собою богатые дары и дочерей-невест.

После того как сто царей, прибывших ко двору Махаразейнды, нарядили дочерей-царевен в лучшие одежды и должным образом их подготовили к смотринам, всем было приказано явиться в государевы покои; там сто высоко-родных дев удобно расположились в просторном зале, так что каждой нашлось подходящее место. Затем царственные дед и бабушка Эйндакоуммы, обратившись к внуку, возгласили:

— О славный царевич, выбери себе по сердцу благородную подругу, достойную любви и обожания!

И вот потомок Тиджамина стал пристально рассматривать каждую из царских дочерей и сравнивать их красоту, манеры и наряд. Прилежно оглядев представленных ему невест, царевич Эйндакоумма был искренне разочарован.

— Все они красивы и нежны, ни в чем одна другой не уступает. Все благородной крови и высокого происхождения. Все лишены шести пороков⁷⁵ и в полной мере обла-дают пятью достоинствами⁷⁶. Однако выбор свой остано-вить мне не на ком. Ведь нет здесь той, что поражала бы воображение и затмевала бы своей красотой всех остальных!

Вот как случилось, что достойный внук Махаразейнды и Атуладеви вновь остался без супруги, ибо в мечтах своих желал лишь ту, которая не знала бы соперниц на земле.

— Хочу, чтобы моя супруга была прекрасней всех на свете, единственной на всем острове Забу, о какой бы здесь не слыхивал никто — ни прежде, ни потом! Только с нею я буду счастлив, только она войдет царицею в южные по-кои золотого дворца в моем пятистенном граде! Властите-лю небесного оружия и сыну Тиджамина другая будет не по душе! — так изволил заявить царевич Эйндакоумма великим государям страны Яммании.

— Увы, небесной феи Тураттати уже нет среди нас! — воскликнули тут Махаразейнда и Атуладеви. — А мы бес-сильны исполнить желание царевича! Коли тебе пришлось не по нраву сто самых родовитых красавиц на всем про-странстве острова Забу, то уж не знаем, как и быть!

Видя, что царственные дед и бабушка совсем расстроились и сгорчились, царевич Эйндакоумма принялся их успокаивать:

— О государь и государыня, не гневайтесь и не печаль-тесь! Пусть не тревожат вас мои заботы. Ваш внук сам

постарается найти себе достойную супругу. Теперь же прощайте и будьте счастливы!

С этими словами царевич Эйндакоумма воротился в свой дворец, велел собрать тысячу сподвижников, всех воинов и слуг, а после обратился к ним с вопросом:

— Ужели мне не суждено повстречаться с тою единственной царевной, которая прекраснее и нежнее ста царских дочерей, что были нынче на смотринах?

И тут неожиданно-негаданно царевичу ответил властитель нагов Эйяпатха:

— О славный государь, когда б не твой вопрос, я не посмел бы и слова проронить. С того счастливого дня, как я склонился к золотым стопам потомка Тиджамина, и по сию пору все не решался тебе поведать о чуде. Трепет перед твоею властью сдерживал меня. Ведь мне известно, где обитает прекрасная и целомудренная фея, достойная стать супругой государя!

— Кто же она и где живет? — в нетерпении спросил царевич Эйндакоумма.

Каждая все открыть своему господину, царь нагов Эйяпатха поведал тут же историю своих странствий: о том, как, пожелав узнать, откуда течет река Ямуна, пустился в путь с восьмидесятитысячным войском и прибыл к Звериней горе; о том, как обнаружил горную пещеру, небесный водопад и четыре диковинных раструба — точно раскрытые пасти льва, слона, быка и коня, через которые неслись потоки вод, вливаясь затем в семь огромных озер, из коих самое большое с двенадцатью изгибами — Навада; о том, как, вознамерившись осмотреть пять великих гор, что высились над заповедными озерами, немедля устремился вверх по склону Горы Ароматов и в миг короткой остановки был ослеплен сиянием, которое излучал дворец из золота и драгоценных камней на самой вершине; о том, как размышлял, чьи это были роскошные чертоги, и вдруг увидел в окружении пышной свиты царевну-фею небесной красоты, будто яркий метеор озарившую стеклянные покои; о том, как наблюдал за дивной красавицей и заметил, что она срывала золотым трезубцем душистые цветы с деревьев, росших у дворцового крыльца; о том, как от порыва ветерка случайно распахнулось одеяние царевны и он узрел всю прелесть нежной наготы, а после, задышавшись, обезумев от страха и желания, рухнул с горного уступа и, ничего уже не видя, не чувствуя, где небо, где земля, ка-

тился долго по откосу, пока не оказался у подножия горы; и, наконец, о том, как был врасплох застигнут там и схвачен Хурамбалой, а затем, освобожденный, очнулся у ног царевича-спасителя.

— Не раз доводилось мне лицезреть небесных фей из заоблачных селений, но прежде никогда со мною не случилось подобного: наслаждение при виде столь дивной красоты было сродни тяжелому недугу; возможно ли исцеление — не берусь ответить, ведь раньше я о таком не слышал. Вот почему, взирая на красавиц из ста царских семейств острова Забу, я не испытывал ни радости, ни муки. Скажу государю откровенно, даже феи, живущие в небесных царствах, в сравнение с нею не идут! О мой повелитель, чтобы описать ее красу, не хватит никакого красноречия; замечу только, что на вид она не старше десяти лет и двух-трех месяцев! — так закончил свой рассказ правитель нагов.

Со вниманием выслушав о происшествии на Горе Ароматов, царевич Эйдакоумма вдруг ощутил, будто неведомые узы прежней жизни таинственно соединяют его с прекрасной Велумьясвой, и тут же вспыхнули в его сердце любовь, желание и нежность. Он уже более не мог противиться нахлынувшему чувству, мысль его была поглощена лишь одним... Тогда царевич обратился к Эйяпатхе и спросил:

— Как скоро ты берешься доставить в окрестности Горы Ароматов тысячу моих сподвижников и все необходимое для поселения там?

На это царь нагов Эйяпатха отвечал:

— Из миллиона моих подданных — умельцев и мастеров, участвовавших в возведении твоего пятистенного града и золотого дворца, я выберу сто тысяч и с их помощью все, что прикажешь, переправлю за семь дней!

— Ну, коли так, — решил наследник Тиджамина, — то вместе с тысячью моих придворных и всем дворцовым достоянием ты отправишься вперед; поставишь временный дворец для поселения на берегу заветного озера Навада и будешь ожидать меня. А я прибуду на десятый день.

Как повелел властитель Забу, так царь нагов Эйяпатха и исполнил. На позолоченную барку в виде огромного крылатого замари⁷⁷ взошла вся тысяча ближайших сподвижников Эйдакоуммы — тех, кто имел счастье родиться с ним в один и тот же день; на барку погрузили также вещи,

которые могли потребоваться государю для водворения на новом месте, — посуду, начиная с чашек для бетеля⁷⁸, роскошные и мягкие постели, все дорогие царские одежды, регалии и украшения, чтобы прибывший к озеру потомок Тиджамина ни в чем не ощутил недостатка. Когда с погрузкой было покончено, настал благословенный день, и сто тысяч сильных нагов по приказанию Эйяпатхи быстро повлекли вместительную барку по речным просторам.

Достигнув неприступной Звериной горы, могучие наги оставили барку у подножия и ловко перенесли по суше и груз, и сверстников царевича Эйндакоуммы на берег озера Навада. Здесь отыскивали живописную лужайку, вокруг которой с трех сторон стояли плотною стеною деревья и кусты — все в благоухающих цветах, с душистыми и сочными плодами, и сотня тысяч искусных нагов принялась за дело. Они собрали множество слоновьих бивней, валявшихся по берегам семи озер, однако драгоценной кости им показалось мало, тут уж пришлось рвать бивни и у живых слонов. Без устали трудясь, усердные строители в короткий срок поставили красивый восьмибашенный дворец, уютный и прохладный, весь из слоновой кости, причудливо раскрашенной в зеленый, синий, желтый и красный цвета, с искусною резьбой и позолотой.

В назначенный десятый день после отплытия государственной барки царевич Эйндакоумма, смиренно испросив у деда своего Махаразейнды, бабки Атуладеви и матери царевны Тиласанды согласия на поиски достойной его благородной девы и получив их милостивое разрешение, почтительно со всеми распрощался, после чего, удобно поместившись на спине могучего властелина пернатых Хурамбалы, крепко сжимая в руках магическое копьё Тиджамина, отбыл из Яммани, сопровождаемый надежной свитой в пятьсот галоунов, и в тот же день благополучно опустился на берег заветного озера Навада к чудесному дворцу из слоновой кости.

Поселившись в причудливых чертогах из драгоценных бивней, в овейной озерною прохладой обители у самого Навады, царевич Эйндакоумма стал вести жизнь, полную усад и развлечений: он то гулял по живописным берегам, наслаждаясь видом пышных лесов с цветами и плодами, прудов и озерков с прозрачною водой, а то вдруг назначал торжественные смотры или маневры своего войска и с радостью смотрел, как скачут кони, грозно движутся слоны,

маршируют лучники и копьеносцы, изрыгают огонь оружия и ружья, взлетают в небо дротики и стрелы — ристалище дрожит от топота и грома. Пока еще стояла зимняя прохлада, не началось цветение орхидей и было далеко до сумрачной поры дождей, царевич услаждался военными потехами, глядел на состязания своих придворных в беге, в конных скачках, в ловкости и силе и даже сам нередко вызывался показать умение владеть оружием или сидеть в седле. Однажды в заповедном бамбуковом лесу Келани была устроена грандиозная охота на слонов, тогда пленили и отдали царевичу в его высокое владение прекрасных белых, как снег, самцов — Калаваку, Гингейю, Пейнгалу, Тамбу, Употатху и Схаддана. А в часы отдыха от бранных развлечений Эйндакоумма возлежал во внутренних покоях, внимая сладостной игре придворного оркестра...

Глава шестая,
в которой
рассказывается
о том, как царевич
Эйндакоумма
и царица Велумьясва
узнают
друг о друге

А в это самое время прекрасная царица Велумьясва тоже старалась развеять скуку: часто выходила она в сад и, протянув нежные руки, золотым трезубцем ловко срывала изумрудные цветы ароматной мьиззутаки. Иногда же с рассеянным видом шествовала крытой галереей из рубиновых покоев в свою любимую Зеркальную беседку, так хорошо оберегавшую от солнечных лучей, — легкое прихотливое строение под раскидистым зонтом из золота нарани в сто слоев, с четырьмя огромными зеркалами вместо стен по десяти ланов⁷⁹ в ширину и в высоту, при этом госпожу почтительно вели под руки служанки и няни, устилая гладкий пол белоснежным бархатом и алым сукном⁸⁰ слой за слоем.

И вот однажды, когда юная Велумьясва, едва касаясь пола, неспешно повторяла свой обычный путь, внезапно тонкие золотые пластины легкого зонта чуть разошлись, и в узкую щель проник нежданный лучик солнца; скользнув по мягким волосам, он игриво прикоснулся к нежному уху, тотчас же лицо царицы исказилось, как от нестерпимой боли, струйки пота смочили бархатистую кожу, гибкое тело напряглось, кровь заструилась все быстрее, проступи-

ли и набухли доселе невидимые жилки — и в тот же миг, почувствовав неведомую дурноту, юная дева застонала и поникла — так вянет под палящим зноем лотосовый лепесток, присыпанный душистою пылью...

Верные служанки сразу подхватили ослабевшую царевну и бережно перенесли во внутренние комнаты Рубинового дворца. А там опустили ее на сапфировое ложе и, торопливо схватив десять золоченых вееров, усердно принялись обмахивать свою бесчувственную госпожу, дабы легкий прохладный ветерок немного освежил разгоряченное тело.

Увидев, что произошло, придворные девушки-феи Падуматейинги, Кинсанатари, Тинкхакальяни, Баддакинсани, Богавати и другие сильно испугались:

— Если узнают об этом государь-батюшка и государыня-матушка, нам несдобровать. Скажут, что недосмотрели, и строго накажут. Няня Ганатири, няня Махатала, вразумите, как поступить с нашей царственной госпожою!

И тут вмешались пять хитроумных девушек — подруг царевны: Заюятана, Дигакета, Гандамала, Йоханамейтта, Тиримоутта⁸¹ — и сказали:

— Раз уж так случилось, без промедления надо спуститься к озеру Навада и зачерпнуть прохладной влаги... Пока еще ни государь, ни государыня об этом не узнали, мы сами приведем царевну в чувство. Только следует поторопиться!

Проговорив это, они поспешно снарядили придворных служанок с золотыми длиннорылыми кувшинами и сами впятером отправились за ними следом, чтобы надзирать, как станут юные рабыни брать воду из заповедного озера.

Как раз в это время царевич Эйндакоумма, задумав полюбоваться диковинными цветами, которые росли по берегам Навады, в окружении своих достойных сверстников прогуливался вблизи прозрачных вод. Желая все изведать и познать, юный властелин необъятного Забу спустился по каменным ступеням и, погруженный в думы, стоял у самой кромки берега. Явившиеся за водою подруги царевны, завидев издали сияющего мужеством и силой государя, решили тут же: «Наверное, это сам владыка неба Тиджамин прибыл из Тавадейнты на берег озера Навада, чтобы потешиться приятным сбором лотосовых стеблей и корней! Уж, верно, мы не разгневаем его, если поведаем про обморок нашей госпожи!»

И вот без долгих колебаний пять фей-подруг смиренно направились к царевичу Эйндакоумме, но, не сумев преодолеть природной робости, до поры до времени укрылись в зарослях жасмина.

— О всемогущий властелин небесных натов! — начали они оттуда свою речь. — Прекрасная царица Велумьясва, благородная дочь государя-ната Малладевы, что правит на Горе Ароматов, однажды, пожелав нарвать цветов благоуханной мьиззутаки, которые она всегда так ловко доставала золотым трезубцем, спокойно шествовала крытой галереей с золочеными перилами, направляясь из Рубиновых покоев в Зеркальную беседку. Но лишь только госпожа наша вступила на бархатный ковер и оказалась под раскидистым шатром из золота нрани и забурей, как вдруг тенистый зонт неожиданно дрогнул, чуть сместились золотые пластины, в незримую для глаза щель беспрепятственно скользнул луч яркого света, шаловливый солнечный зайчик нескромно коснулся нежной царственной кожи... О сколь ужасна была разящая сила дерзкого луча!словно миллионом зеркал предомленный, он нарушил спокойный ток крови; и, не выдержав обжигающего зноя, госпожа наша потеряла сознание. Вот теперь мы и явились на берег зачерпнуть озерной воды, чтобы остудить этот пагубный жар, истребляющий небесную красоту. О всемогущий властелин, мы не смеем пройти по ступеням к воде, ибо сам государь и его спутники ненароком преградили нам дорогу. Проникнитесь же сочувствием к нашей несчастной повелительнице — ведь недуг ее столь опасен — и хоть на мгновение освободите нам путь!

Не успела еще отзвучать жалобная просьба небесных дев, а в душе Эйндакоуммы уже вспыхнуло желание узреть неведомую царицу. Не теряя попусту времени, он тут же призвал властителя нагов Эйяпатху и велел без промедления доставить ароматного снадобья из редкого сандала, что растет на Цветочном острове Маллау.

Кое-кто из сподвижников царицы был явно недоволен поведением придворных девушек Велумьясвы.

— Наш повелитель славен и могуч, негоже окликать его издалека, а надобно с почтением приблизиться и, низко склонившись, доложить о том, что ищете. Тогда, быть может, вам и будет оказана милость — лучезарный наш властелин поддержит вас своею царственной десницей!

При этих словах испуганные феи, робко прятаясь в

жасминовых кустах, что разрослись у подножия священной асоки⁸², принуждены были выйти из своего приюта. Униженно кланяясь, с мольбой складывая изящные руки, они плавно двигались, точно в грациозном танце, звонко восклицая:

— Да будет незыблемой ваша власть, да продлится бесконечно сладостный век! Пусть всем вам судьба предвещает лишь благо!

Тут вмешались юные сверстники царевича — справедливые Бахубалика, Тарасейтта, Тиримингала и Махазейя:

— Царственный внук государя Махаразейнды, могущественного правителя страны Яммании, что царит над всем островом Забу, наш пресветлый господин Эйндакоумма, обладатель небесного оружия, ниспосланный своей матушке Тиласанде самим владыкой неба Тиджаминном, услышав, что на свете есть прекрасная царевна-фея, обитающая в Рубиновом дворце на вершине Горы Ароматов, направил сюда свои золотые стопы, сопровождаемый свитой, с галоунами и нагами среди приближенных. Не препятствуйте же благородным жителям Горы Ароматов! Пусть они проследуют, куда велит им долг, и зачерпнут желанной влаги из озера Навада!

И тогда все пять небесных фей, поочередно склоняясь перед славным царевичем, вместе со свитой рабынь торопливо спустились на берег озера и, приблизившись к самой воде, наполнили золотые длиннорылые кувшины.

Между тем возвратился царь нагов Эйяпатха, с далекого Цветочного острова Маллаю он принес ароматного снадобья из редкого сандала и с поклоном передал царевичу, а тот призвал немедленно своего верного соратника Пинняхату и велел вручить с достойными речами дорогое благовоние обитателям Рубиновых чертогов на великой Горе Ароматов. Облеченный высоким доверием, ловкий Пинняхата, проследив, когда с наполненными кувшинами феи двинулись в обратный путь, будто случайно повстречался с ними и, приблизившись к пяти прелестным девам, так сказал:

— Ваша госпожа занемогла, сраженная оружием солнца; сильный жар сковал свободный ток благородной крови, жизнь прекрасной Велумьясвы в опасности. Вы надеетесь прохладной влагой озера Навада потушить пагубное пламя. Если же не совершится желаемое и вода царевне не поможет, то испыуйте другое средство. Вот баль-

зам, стоит лишь каплю его добавить в пенистый бурлящий кипяток, он тотчас же охладится. Эликсир этот — сок благовонного редчайшего сандала. Без колебаний пользуйте им свою страдающую госпожу! Мой благородный повелитель, царевич Эйндакоумма, сын государя неба Тиджамина, живя в невиданном доселе пятистенном граде, что воздвигла для него премудрая наставница его и фея Тураттати, услышал весть о целомудренной прекрасной деве, царевне с Горы Ароматов, и в сопровождении галоупов и нагов, со своей великолепной свитой соизволил прибыть на берег озера Навада и поселиться во Дворце Слоновой Кости...

Обо всем должным образом поведав, Пинняхата вручил придворным феям целебное благовоние со словами:

— Если будет от лекарства польза, мы надеемся услышать добрую весть!

Почтительно приняв целительный бальзам, источавший терпкий и пьянящий аромат, прелестные обитательницы Рубинового дворца любезно поблагодарили Пинняхату, смущенно промолвив:

— Доложим нашей госпоже обо всем, что вы нам милостиво открыли.

После этого все пять небесных фей одна за другою в сопровождении служанок, несших золотые кувшины с водою из озера Навада, пустились в обратный путь и благополучно прибыли в Рубиновый дворец. Тут охлаждающую влагу из золотых длинногорлых кувшинов, украшенных в три ряда по шейке ожерельем из желтых турмалинов, осторожно перелили в большую глиняную чашу, а из нее уж зачерпнули — не мало и не много — в богатый кубок тонкого металла с отделкой из невиданных рубинов. Потом озерною водою из кубка брызнули на бесчувственную царевну. Плающий жар чуть поутих, а капли влаги тут же высохли на разгоряченной коже; тогда всю процедуру повторили вновь и вновь, так много раз. Однако Велумьясва все еще не приходила в себя, и казалось, жизнь вот-вот покинет вялое и обессиленное тело. Когда же няня Ганатири велела принести еще воды, то фея Заюятана вдруг крикнула, что содержимое заветных кувшинов все истрачено и влаги из озера Навада нет ни капли.

— Теперь уж, если дурная весть дойдет до государя с государыней, нам тут всем в Рубиновом дворце придется худо! Ждет нас неминуемая кара! — горестно вскричала няня Ганатири.

Однако Заюятана стала успокаивать ее и рассказала, как встреченный на берегу Навады сказочно прекрасный царевич, которого называли Эйндакоуммой, властелин небесного оружия, изволил для царевны Велумьясвы прислать чудесное лекарство; оно теперь у Ятимоутты. Если в воду, кипящую ключом, только единожды капнуть благовонного бальзама, мгновенно кипяток остынет. А если жар царевны все не проходит, надо натереть ее чудодейственным средством.

— Сей царевич владеет дивным пятистенным градом, который возвела для него сама премудрая фея Туратта-ти! — прибавила служанка Заювунна.

— Странно мне все это, — заговорила тут кормилица Махатала. — Разве человек, пусть даже и благородный царский сын, способен достигнуть озера Навада? Ему прислуживают галоуны и наги, он добыл ароматного сандала, который как зеницу ока берегут на острове цветов Маллаю чудовищные людоеды-билу и устрашающие ракшасы⁸³. Как смог исполнить это человек? Так что же это за царевич? Не иначе как сам владыка неба Тиджамин проведal наконец о том, что наша госпожа лежит без чувств, и, сжалившись, решил в обличье царевича Эйндакоуммы послать бесценного сандала, дабы остудить недужный жар.

Так рассуждая между собой, прислужницы царевны Велумьясвы принесли огромный изумруд — три локтя в длину, три локтя в ширину — и няня Юпатара смешала на нем благовонное сандаловое снадобье с прозрачною водою, а придворная фея Падуматейнги зачерпнула эликсир драгоценным ковшом, отделанным диковинными рубинами зотирата. Окунув в целительный бальзам мягкую тычинку ароматной мьыззутакки, старательная фея слегка смочила все тоненькие жилки, проступавшие на изумрудной коже царевны... И вдруг — о чудо! — божественные вещества, спаленные неистовым огнем, образовались вновь и пробудили жизненные силы; набухли иссохшие сосуды, кровь заструилась под омертвевшей было кожей, жар недуга исчез бесследно. Чудодейственный аромат, напоивший в мгновение ока вялую плоть, вернул царевне прежнее здоровье. И вот уже, очнувшись, Велумьясва окликнула Ятимоутту.

— Где вы раздобыли столь сладостное благовоние? — спросила она.

В ответ Яtimoутта поведала о том, как властелин небесного оружия и будущий правитель острова Забу послал царя нагов на заповедную землю острова Маллаю за соком редкого сандала и как велел чудесным снадобьем пользоваться царевну.

Тут все няни и кормилицы Велумьясвы не выдержали и громкими восклицаниями прервали рассказ Яtimoутты.

— Ну разве не искусен в своих уловках славный и могучий Тиджамин? — в один голос вскричали они. — Его умение перевоплощаться не ведает границ. Помните, как он явился в обличье старого отшельника к прелестной Тузате, дочери царя Атуры? А царевна, не заметив божественного сияния, исходившего от пришельца, не узнала повадок небесного владыки. И вот теперь он вновь спустился из селений Тавадейнты, приняв облик прекрасного царевича: видно, задумал добиться благосклонности нашей госпожи, а всех кругом ввел в заблуждение! Судите сами: разве же по силам человеку достигнуть здешних мест?

— Ах, няня Махатала и все любезные подруги! — вмешалась тут фея Йоханамейтта. — Не следует вам говорить такое! Неужели вам неизвестно, что государыне-царице, матушке нашей бесценной госпожи, в ту ночь, когда была зачата царевна Велумьясва, привиделся чудесный сон? Ей приснилось, будто солнце и луна с большою свитой спустились по небесной лестнице из высшего селения Тавадейнта и задержались отдохнуть на вершине золотой мьиззутаки; а после солнце продолжало путь в страну людей, луна же проводила его взглядом, и, лишь только сияющий диск исчез из глаз, она проникла в грудь царицы... От испуга наша государыня уже более не могла спокойно почивать и тотчас же проснулась. Как только рассвело, государь Малладева призвал отца моего, брахмана Девадиту, и расспросил его. Вот что тогда ответил Девадита, астролог, мудрый предсказатель и государь — правитель натов: «Брату и сестре из небесного рода, жившим в счастливом супружестве в заоблачном царстве Ватаватти, по велению свыше суждено было возродиться к иной жизни среди людей. В час расставания задержались они на благовонном древе мьиззутака, а потом благородный небожитель, представший во сне государыне солнечным диском, отправился дальше в страну людей, и там уж в назначенный срок зачала дочь одного государя! Спутница солнца — луна, то

бишь небесная фея, ловко разняв нежную грудь нашей славной царицы, проскользнула в утробу, и с этого дня государыня Туваннаяти понесла».

Так объяснил мой отец Девадита странное и вещее сновидение. А еще от него я слыхала, что некая благородная царевна, будучи непорочной девой, зачала без соития, в девственной утробе носила полный срок и родила ниспосланное свыше дитя. Как я припомнила все это, так и решила: явившийся к нам царевич — вовсе не воплощение Тиджамина, он человек, родился и живет по законам людей. Правда, он самый могучий, мудрый и славный среди них, как говорится, и океан переплывет, и горы Мьинмо достигнет! Вот он каков. Если же с нашей госпожой, царевной Велумьясвой, соединится, слава их воссияет в веках, они станут владычествовать в мире, попирая других государей, будут царить на земле и в небесах! Юный царевич владеет небесным оружием, он всемогущ и преисполнен добродетели. У ног его ждут приказаний наги и галоуны, нет ему равных ни среди людей, ни меж натов. Но все же это не Тиджамин!

Так заключила фея Йоханамейтта, дочь мудрого ната Девадиты.

— Прежде никто из людей не смог бы добраться сюда, — снова заговорила няня Махатала. — Мне все же сдается, что это сам владыка небес. Он проникает во все заповедные земли, царь хитроумных нагов у него на посылках, ведомы юноше редкие зелья, исцеляющие все недуги; живет он на берегах Навады в нерукотворном Дворце Слоновой Кости. Разве это не деяния Тиджамина? О благородная госпожа, пошли Ятимоутту с подарком, и пусть она выведает, кто перед нами — лучший и славнейший из земных государей или небесный владыка Тиджамин!

К просьбе Махаталы присоединились и другие кормилицы, няни, подруги и служанки царевны. А сама Велумьясва была в замешательстве: слова Йоханамейтты вдруг точно всколыхнули в ее памяти какие-то неясные видения прошлого — образы другой, давно минувшей жизни; в душе ее стало неуклонно расти желание представить все, что было прежде, в иных мирах. Неведомая страсть уже рождалась в сердце, но царевна была еще слишком юна, чтобы понять любовь и разобраться в незнакомом чувстве. Изнеженное дитя Рубиновых покоев, возлюбленное чадо государей, невинное и шаловливое, она лишь начала про-

щаться с детскою наивною на пороге новой жизни, в которой суждены ей были иные чувства и желания. Едва поборов свою растерянность и чуть собравшись с мыслями, царица пролепетала:

— От страшного недуга, в который поверг меня коварный луч солнца, своим ожогом задержав ток крови, пришло спасение: целебный аромат чудесного сандала вмиг остудил палящий жар, я снова ожила... Того, кто мне прислал спасительное благовоние, хочу теперь же отблагодарить!

Тут царица связала тонкой изумрудной нитью два нежных стебелька цветущей мыззутаки и, передав их Ятимоутте, повелела:

— Вручи ему! — После чего тотчас ее отправила к царевичу-спасителю.

В окружении прислужниц Ятимоутта без промедления пустилась в путь и вскоре достигла дивных сверкающих палат слоновой кости на берегу заповедного озера Навада.

Царевич Эйндакоумма мирно отдыхал на драгоценном ложе под роскошным балдахином в прохладной галерее неподалеку от арки главного входа. Вокруг расположились его верные сподвижники, храня покой и радость государя, они услаждали его слух мелодичным пением яду⁸⁴. Тут неожиданно появилась Ятимоутта и поднесла ему в дорогой гранатовой вазе два чудесных соцветия мыззутаки.

— Лишь только нашу благородную госпожу натерли чудодейственным снадобьем, что изволил прислать государь, как ее недуг мгновенно прошел. Царица Велумьясва вновь здорова. Желая выразить свою великую признательность и благодарность, велела передать сиятельному владыке ароматные цветы. С тем я и припадаю к стопам вашего величества!

Так с почтением доложила Ятимоутта. Восторгом наполнилось сердце царевича, когда выслушал он слова посланницы. Увидев тонкую изумрудную нить, скреплявшую стебли мыззутаки, юноша тотчас же понял робкий намек благородной девы: «Любовь нас свяжет воедино, как эта нить связала два цветка!» Положив нежные цветы на царственную длань, он долго глядел на них, не отрывая взора, поглощенный созерцанием небесного дива. Потом едва заметно подал знак глазами Пинняхате и, легко касаясь перил, поспешно удалился по галерее во внутренние покои роскошного Дворца Слоновой Кости...

Глава седьмая,
в которой Ятимоутта
и Пинняхата
поочерёдно
рассказывают
поучительные
истории

Тогда Пинняхата приблизился к Ятимоутте и так сказал:

— Наш славный господин, могущественный обладатель небесного оружия, перед которым в почтительном трепете склоняются все государи острова Забу, появился на свет по воле владыки небесных натов Тиджамина. Это Тиджамин принес благородной царевне Тиласанде чудесный плод страстоцвета, от коего она и зачала. Когда же великомудрая фея Тураттати воздвигла для царевича невиданный доселе дворец и град за пятью стенами, подобный заоблачной обители Тудаттана, — подошло время искать нашему господину достойную подругу, которую было бы не стыдно ввести как государыню под золотой кров дворца. Готовясь отправиться на поиски невесты, потомок Тиджамина узнал вдруг о деве, обитающей на Горе Ароматов, и тут же пустился в дорогу, сопровождаемый нагами, галоунами и нами — преданными слугами, верными сподвижниками числом в целую тысячу. Весь долгий и опасный путь он проделал без труда и явился на место в тот же день, когда и отбыл из пределов своего государства. Вот сколь стремителен наш господин — царевич Эйндакоумма!

Уже немалый срок миновал с тех пор, как поселился наш властитель во Дворце Слоновой Кости на берегу заповедного озера Навада, однако государь по-прежнему далек от цели: два царственных лика все еще не повстречались, суженные так и не увидели друг друга! Выходит, дело затянулось. Но кто же и повинен в этом, как не мы, нерадивые слуги, коим будто недосуг исполнить предначертание судьбы и соединить царевича с царевной?

Вы — верные наперсницы хозяйки Рубиновых чертогов, всечасно при особе госпожи, точно ее глаза и уши; мы — преданные исполнители воли владыки Золотого града за пятью стенами, словно проворные руки, лишь почтительно ожидающие приказаний. Так отчего же все мы медлим? Ведь недаром говорится: коли вдета нить в игольное ушко — вмиг два полотнища по кромке можно сшить! Если слуги на месте, должны они блюсти интересы господина! А уж если господин доволен, то и слуге зачтется. Прибавишь свою лепту к царскому благополучию — пожнешь в будущем достойную награду! Не страшусь напомнить любезной фее: наш повелитель, царевич Эйндакоумма, терпеливо ожидает во Дворце Слоновой Кости на берегу прохладного Навады! Да сказать не смею, надолго ли хватит государева терпения!

Смирненно выслушав настойчивую речь Пинняхаты и собираясь наградить его достойным ответом, фея Ятимоутта, по воле случая все еще державшая в руках гранатовую вазу из-под цветов благовонной мыззутаки, протянула драгоценную вещицу юной служанке по имени Тириманда, стоящей позади нее. Тириманда потянулась было к вазе, да не успела подхватить ее, так как Ятимоутта уже выпустила вазу из рук, — и хрупкий сосуд, упав на гладкий пол слоновой кости, дал трещину и раскололся.

— Разбилась? — спросил наблюдавший внимательно всю сцену Пинняхата.

— Увы, я слишком поспешила, а Тириманда запоздала, вот и остались лишь осколки! — отвечала Ятимоутта.

«Вот случай, который упускать не стоит! — подумал Пинняхата. — Я говорил ей только что о нашем гоеударе, дела царевича не терпят промедления... Гранатовая ваза разбилась будто ко времени. Есть лишний повод напомнить им, что надобно поторопиться!» А вслух хитроумный Пинняхата сказал.

— Ах, милая барышня, тут виною не поспешность, а промедление. Судите сами, если бы служанка быстро пода-лась вперед, то непременно успела бы принять сокровище царевны и драгоценная ваза была бы целехонька. Нужна согласность в действиях. Об этом стоит поразмыслить... Так же и в делах любви. Важно все исполнить вовремя, не отставая ни на миг. Пока наш благородный господин еще не протянул царевне божественные дары любви — пусть-ка верные служанки украдкой шепнут своей владычице, как надо поступить, чтобы не уронить их!

Смекнув, что ловкий царедворец упорствует в своем намерении вступить с ней в сговор, Ятимоутта призадумалась: «Мне должно убедить его в противном!» И с почтительно-любезным выражением лица она заговорила:

— Внимая наставлениям достойного сподвижника государя Эйндакоумы, все же не осмелюсь последовать мудрому совету! Разве вправе мы поучать высокородную царевну? В присутствии царственной особы нам позволено лишь смиренно слушать да кланяться. Возражать или спорить скромной служанке вряд ли пристало. Все мы знаем, что многословие раба не украшает... Теперь, однако, слушая настойчивые речи искушенного царедворца, я не в силах промолчать и вот позволю себе вспомнить старинную притчу, подходящую к случаю и весьма назидательную: пусть же даст она пищу пылливому уму!

И после такого вступления Ятимоутта начала свой рассказ.

Что просто достается — с тем легко и расстаешься!

В давние времена у царя Локакету, правившего стра-ною Зейттахпура⁸⁵, было две супруги: в южном дворце жила старшая царица Маллавати, в северном — младшая царица Тиривати. В должный срок у царицы Маллавати родилась дочь — царевна Гандамайя, а у царицы Тири-вати — дочь — царевна Сандамайя. Обоих царских доче-рей природа наделила всеми пятью достоинствами женской красоты. И вот, желая уберечь их от зла и пагубы, царь Локакету приказал построить два дворца: царевну Ган-

дамайю он поселил во Дворце Южного Цветника, а царевну Сандамайю — во Дворце Северного Цветника. К каждой из дочерей он приставил бдительную свиту и охрану числом в пять сотен.

В то же самое время у государя страны Оуттамариззан по имени Тубатита и его супруги, царицы Забутоты, росло двое сыновей — Атевана и Тевана⁸⁶. Когда оба царевича слышали о красавицах из Зейттахпуры, то старший брат, Атевана, без долгих раздумий собрал тысячу воинов и отправился за пятьдесят юзан в далекую страну попытать счастья и встретиться с одной из царевен. По дороге Атевана остановился на почлег в доме охотника и птицелова Гоумбаситры и простодушно поведал хозяину о цели своего путешествия. Выслушав царевича, охотник сказал ему так: «У меня на посылках царь птиц — Такуна⁸⁷. Он смышлен, как человек, — надобно его немедленно отправить с поручением по вашему делу!»

Царевич согласился. Что сказано — то и сделано! На золотой пластине начертали любовное послание, в котором сообщалось о прибытии царевича Атеваны из страны Оуттамариззан. Пластину привязали на шею Такуне, и пернатый гонец отправился к царевне Гандамайе, жившей во Дворце Южного Цветника...

За первым письмом последовало второе, а там и третье... Так минул год. Царевич Атевана вновь и вновь писал царевне Гандамайе, настойчиво добиваясь ее расположения. Послушный Такуна был поверенным любви царевича, а юная красавица все колебалась и отвечала пылкому влюбленному словами, полными женского кокетства, вселяя надежду, но не давая обещания...

Тем временем младший царевич Тевана отправился из Оуттамариззана к старшему брату в Зейттахпуру. Долго ли, коротко ли — покрыл он расстояние в пятьдесят юзан и вместе с тысячной дружиной прибыл в Зейттахпуру. Там он поселился в саду Кевалаягоун в доме у Поуипхатари, придворной цветочницы царевны Сандамайи, жившей во Дворце Северного Цветника. Все расспросив и все узнав про дела своего брата, Тевана подумал: «Старшему братцу Атеване этак цели не достичь!» И решил он действовать по-иному. Дождавшись, когда в придворный сад явилась за цветами для убранства покоев няня и наперснида царевны Тукхация, царевич Тевана встретился с нею и, поведав о своей любви к царевне Сандамайе, вручил сговорчивой

служанке нить рубинов, сказав при этом: «Сделай так, чтобы царевна досталась мне!»

Проворная Тукхания хитрым словом, ласковым уговором ловко склонила свою юную госпожу, и та, не ведая сомнений, согласилась.

А царевич Тевана между тем явился в дом птицелова Гоумбаситры и, увидевшись со старшим братом, стал спрашивать о его делах.

«Да вот уже целых двенадцать месяцев посылаю с письмами хитроумную птицу, — ответил Атевана, — но, хотя царевна знает о моей любви и любит меня сама, никак мы не можем повстречаться!»

«Прошло лишь девять или десять дней, как я прибыл в эту страну, — сказал тут царевич Тевана. — В благоприятный час я отдал нитку рубинов прислужнице царевны — и вот уже получено согласие от прекрасной Сандамайи. Не лучше ли и тебе, братец, действовать по-моему?»

Тогда царевич Атевана купил за нитку рубинов у Гоумбаситры его хитроумную птицу Такуну и отправился к младшему брату. На рассвете в сад явилась за цветами няня Тукхания, и младший царевич Тевана сказал ей: «Мой старший брат давно влюблен в царевну Гандамайю из Дворца Южного Цветника. Целый год он посылает ей письма с ученой птицей и уже добился расположения царевны, но они никак не могут встретиться! Подумай, матушка, и о старшем брате!»

С этими словами Тевана вручил няне еще одну нитку рубинов. «Пусть старший господин пошлет свою птицу к царевне Гандамайе и попросит ее выйти на свидание в сад. А уж я постараюсь, чтобы обе наши госпожи явились вместе. Как только они покажутся, ваше дело — их схватить и увезти в свою страну!» Так сговорившись с братьями, ловкая служанка удалилась во Дворец Северного Цветника. А старший царевич Атевана послал к своей возлюбленной верную птицу Такуну, велел передать царевне, чтобы она вышла на свидание в сад.

А тем временем няня Тукхания направилась к царевне Сандамайе и сказала ей так: «Сегодня ваша старшая сестрица из Дворца Южного Цветника собирается на прогулку в большой сад — горожане уже расчищают дорогу для царского выезда. Не соблаговолит ли госпожа присоединиться к старшей царевне Гандамайе, дабы появился случай взглянуть на царевича Тевану?» — «Если сестрица

поедет в сад, то я последую за нею», — ответила царевна Сандамайя.

Тогда хитрая Тукхапия отправилась во Дворец Южного Цветника и там почтительно доложила Гандамайе: «Младшая сестрица вашего высочества, царевна из Дворца Северного Цветника, велела запрячь лошадей в две колесницы и приглашает вас прокатиться по саду Кевалаягоун. С тем и прислала меня, свою верную рабу!»

Тут же царевна Гандамайя вмиг сообразила, что ей представится возможность встретить Атевану (со слов ученой птицы Такуны она уже знала, что влюбленный царевич будет в саду!), и приглашение младшей сестры она тотчас же благосклонно приняла, решив про себя, что поедут они порознь каждая со свитой в пятьсот приближенных.

А вездесущая Тукхапия заторопилась в Северный Цветник, но по дороге заглянула к нетерпеливо ожидавшим вестей братьям-царевичам и, воздав хвалу их силе, могуществу, богатству, будто между прочим, проговорила: «Сегодня день благоприятный — загмится солнце; если не совершите задуманного, другого случая не будет!»

Когда обе царевны, каждая на своей колеснице и в сопровождении собственной свиты, прибыли в сад Кевалаягоун, их окружило двухтысячное войско братьев Атеваны и Теваны; а уж потом вся кавалькада направилась в страну Оуттамариззан.

Проехав тридцать юзан, решили братья дать передышку коням и отдохнуть в тени развесистого старого баньяна.

Между тем государь Локакету, правитель страны Зейттахпура, узнал о том, что обе дочери его похищены братьями-царевичами из Оуттамариззана, и тотчас же велел военачальникам собрать всю армию — пехоту, конницу, боевых слонов и колесницы, дабы преследовать и разгромить пришельцев. Молниеносно покрыв расстояние в тридцать юзан, несметное войско настигло похитителей, и вспыхнул неравный бой. Видя это, младший царевич Тевана сказал брату: «Нам не по силам биться с таким неприятелем: у государя Локакету больше воинов и лучше оружие, с их копьями и мечами нашим не сравниться. Если будем сопротивляться дальше, то поражение неминуемо. Надо без раздумий возвратить им обеих царевен!» — «Вы-

ходит, все мои мечты и надежды, целый год томительного ожидания — все было напрасно! — воскликнул царевич Атевана. — Нет, уж я скорей умру, чем отдам мою возлюбленную Гандамайю!» — «Братец Атевана, — принялся утешать его Тевана. — Жизнью рисковать из-за женщины не стоит! Ты просто не знал, как надобно действовать, вот и терпел целый год; а если взяться за дело умеючи, то, право, можно добыть себе жену в четыре или в пять дней! Теперь же отпусти царевну!»

Однако Атевана продолжал упорствовать:

«Моя решимость неизменна, как и сила моей любви. Пусть я погибну, но уж вместе с царевной!»

Тут младший брат Тевана подозревал царевну Сандамайю и так сказал: «Задумал твой отец недоброе, вот и наслал на нас полчища воинов, видно, хочет перебить всех, как заклятых недругов. Раз он меня не любит — могу ли я любить тебя? Да и к чему сражаться: ведь за какие-нибудь десять дней легко отыщешь путь ко всякой женщине, надо лишь постараться!»

И вот уже, долго не раздумывая, коварный Тевана схватил за руку царевну Сандамайю и вытолкнул ее на встречу воинам из Зейттахпуры: «Раз так, забирайте вашу госпожу назад! Но за ее сестру, царевну Гандамайю, вам придется заплатить своею кровью: мой братец Атевана станет биться до конца!» — И с этими словами царевич Тевана удалился с поля боя в сопровождении тысячи своих воинов.

Видя и слыша все это, старший царевич Атевана крикнул своей ученой птице Такуне: «Лети в страну Оуттама-ризан и расскажи обо всем моему батюшке!»

Вмиг очутился посланец Атеваны перед государем Тубатитой, и тот без промедления выслал на выручку царевича бесчисленное войско — пехоту, конницу, боевых слонов и колесницы — во главе с лучшими полководцами. А в ожидании подмоги царевич Атевана с тысячью своих воинов на смерть стоял против полчищ из Зейттахпуры. Лишь только помощь подошла, как войско Локакету отступило, увозя с собой царевну Сандамайю. Когда же возвратились в Зейттахпуру, то государь-отец с пристрастием допросил царевну и та поведала родителю, как провела ее бесчестная Тукхалия. За все свои грехи и козни недостойная служанка была примерно наказана. А царевич Атевана и царевна Гандамайя, за целый год хорошо узнавшие друг

друга, оказались связаны самой судьбой и счастливо прожили вдвоем всю долгую жизнь...

Вот потому и говорят: что легко достается — с тем легко и расстаешься. Такова эта поучительная история. Обоим нашим господам не худо бы помнить о ней. И негоже благородной царевне слишком торопиться навстречу могущественному государю Эйндакоумме, ведь это все равно, что, «не докопав колодца, требовать чистой воды»! Все в свое время. Пусть же юные царевич и царевна действуют осмотрительно, без легкомыслия и суеты! Ведь что легко возводится — то легко и рушится! А вы, мой сударь, лишь только прибыли, куда вам было велено, уже и сами повелеваете, памятуя лишь о пользе своего владыки. Да только, верно, позабыли, что наша благородная госпожа еще слишком юна и неопытна: не время с нею говорить о сватовстве! От непонятных и обманчивых речей она смутится, может все превратно истолковать, страшась и опасаясь неведомого, и ответом будет лишь детский лепет; тогда уже греха не оберешься — тому, кто начал эти речи, придется нелегко!

Так закончила свое повествование рассудительная Ятимоутта. Тогда заговорил Пинняхата, дотоле молча внимавший словам наперсницы царевны.

— Такие речи приятно слушать — все как будто справедливо. Однако невозможно согласиться с тем, что тише едешь — дальше будешь! Ежели медлить на стезе любви, то путь окажется чрезмерно долгим. А наш царевич жаждет выбрать наикратчайший — как от двери до порога! Ведь во имя желанной цели он так сюда спешил, для этого и поселился во Дворце Слоновой Кости с рубиновым и золотым убранством, на берегу недоступного озера Навада... Любезная фея поведала мне историю влюбленных, которые соединились, пройдя томительный и длинный путь. И все же, мне сдается, что долгая отсрочка доказывает лишь незрелость чувства, неясность мысли, неувсренность при выборе достойного супруга. В делах любовных надо действовать решительно и быстро, лишь тогда исход окажется благоприятным... Теперь же прошу со вниманием прослушать старинную притчу, в которой говорится о том, что промедление и долгое раздумье желанной пользы не сулят.

Действуя несмело, лишь загубишь дело

В давние времена правил страню Мингаланagara царь Язакаруня, живший в радости и согласии с царицею Пинсаламандой. От счастливого супружества родилась у них дочь — царевна Тувуннарей. Как вступила она в девичий возраст и достигла зрелости, царь-отец построил для нее дворец с семью башнями, поселил там дочь со свитою из пяти сотен прислужниц и окружил ее недремлющей стражей. А молва о невиданной красоте царевны разнеслась по всему острову Забу.

В ту же пору страню Эйндапатхана управлял великий государь Датадаммарей, у которого была супруга по имени Кхематанти и сын от нее — царевич Авиззана. И вот однажды, наслышавшись о прелести далекой Тувуннарей, царевич распрощался с родителями и вместе со своей дружиной в пять сотен воинов отбыл в страну Мингаланagara, а по пути нечаянно расположился на отдых в прекрасной роще, где жил отшельник Магари. Проведя в благословенной роще некоторое время, царевич Авиззана что ни день читал нараспев священные гатхи об искоренении вражды и о торжестве любви в подлунном мире. Уединившийся в пустынной роще аскет Магари каждодневно внимал пению царевича и как-то раз сказал: «Помоги мне понять священные веды, государь!» — «Зачем тебе в твоём уединении знать веды?» — удивился Авиззана. «По воле государя Язакаруни я отправляюсь всякий день в дворцовые покои и наставляю в книжной премудрости царевну Тувуннарей. Вот и хочу узнать заветные гатхи, чтобы учить им юную дочь государя». — «Не проще ли мне самому заняться обучением царевны?» — спросил тут Авиззана. «Тебе в царевнины покои доступа не будет, — ответил ему отшельник, — ведь царь-отец упрямо держит взаперти Тувуннарей и окружил ее недремлющей стражей, дабы охранить и уберечь девичью чистоту от мужского глаза!» — «Ну, коли так, — воскликнул Авиззана, — я стану обучать священным гимнам вед кого-нибудь из окружения царевны! Если прекрасная дева вдруг пожелает узнать божественные гатхи, пусть повелит учиться своим придворным и подругам!»

Отшельник передал царевне предложение Авиззани, и та вдруг загорелась жаждой знания: чтобы внимать свя-

щепным гимнам вед, она отправила на выучку к царевичу свою кормилицу Малладью. Занимаясь с няней, царевич Авиззани снискал ее расположение и как-то раз поведал о тайном своем намерении узнать прекрасную Тувуннарей.

«Слава о красоте царевны гремит повсюду. Вот я и не сумел противостоять соблазну, с тем и прибыл в Мингаланагару. Поможешь ли ты мне завоевать благосклонность юной госпожи?» — спросил царевич свою ученицу Малладью.

«О благородный государь, — отвечала та. — Не стоит торопиться! Я стану исподволь, намеками и лаской уговаривать царевну день за днем, час за часом, мягко и неспешно — так постепенно, глядишь, и настрою ее на нужный лад. Тогда уж ты, мой господин, и обретишь желаемое!»

На том и порешили. В дневное время Малладия внимала ведам у царевича Авиззани, а на ночь возвращалась к своей госпоже в заповедный семибашенный дворец. И всякий вечер хитрая служанка расписывала юной Тувуннарей достоинства неведомого пришельца: дескать, высокоученый царевич Авиззани, сын государя Датадаммарейя, что правит в стране Эйндапатхана, не только знает веды, но искушен и преуспел во всех восемнадцати науках мира⁸⁸. К тому же он прекрасен телом и лицом, будто небесный нат, изыскан, утончен и благороден, как и подобает отпрыску великого монарха. Так повторяла Малладия вновь и вновь, настойчиво внушая госпоже, что более достойного избранника невозможно и представить, что оба они — царевич и царевна — станут друг друга украшать, как изумруд и золото. И вот неопытная Тувуннарей, вняв обольстительным речам служанки, сдалась на уговоры и погрузилась в мечты о прекрасном царевиче.

В те же времена у государя Махейддики и государыни Зетатанти, властвовавших в стране Параяна, был сын — царевич Витарада. Как-то раз в сопровождении тысячи воинов отправился он на большое озеро Махандатита — поразвлечься и выкупаться в прохладных водах. Случайно в этот день на озеро явились супруги-билу⁸⁹ Кхиранъякха и Гандакоумби с малолетним сыном по имени Анука. Собравшись искупать Ануку, они вошли в воду — туда, где было мелко, но тут же на беду выпустили ребенка из рук. Вмиг большой волной подхватило Ануку, отнесло на глубину и скрыло из глаз. Оба билу запричитали и с воплем

бросились к царевичу Витараде: «О государь, спаси нашего сына! В награду мы исполним любое твоё желание!»

Тут Витарада без промедления отправил в воду всю тысячу своих дружинников; они нырнули и тотчас же спасли тонувшего Ануку. Радости Кхиранъякхи и Гандакумби не было границ: «Приказывай, о властитель наш, мы исполним все, что пожелаешь!» — «Слыхал я, что в стране Мингаланagara, — сказал тут царевич Витарада, — живет красавица царица Тувуннарей. Она так дивно хороша, что царь-отец заточил ее в уединенном дворце с семьёю башнями, чтобы никто не сумел к ней пропикнуть. Страна эта отсюда далеко, в целой тысяче юзан, не под силу обычным людям быстро одолеть такое расстояние. Да вот пришла мне в голову неожиданная мысль: хочу я за день достичь страны Мингаланagara!»

Лишь только царевич Витарада поведал билу о своём желании, как благодарные супруги тотчас поднесли ему волшебный летающий ковер. Благополучно возвратившись вместе с войском в Параяну, царевич Витарада испросил у государя с государыней согласия, а после, удобно поместившись на летающем ковре, велел ему лететь в страну своих грез Мингаланагару. В ту же ночь ковер-самолет домчал его до царства Язакаруни. Глянув с неба вниз, Витарада увидел пышный золоченый город, а в нем сверкающий дворец с семью башнями.

«Верно, это и есть обитель прекрасной царицы Тувуннарей!» — подумал он и стал искать глазами юную красавицу. Царица почивала в это время в главном покое дворца, в просторном зале с колоннами из слоновой кости, сияющем разноцветным хрусталем и мозаикой. Стены зала были обтянуты шелком и парчой, убранство внутренних покоев было из золота и серебра! Вокруг царицы все искрилось и переливалось. Ночная стража, многочисленная свита, верные служанки стерегли покой своей госпожи, которая нежилась в объятиях легкого сна.

Внимательно все рассмотрев, царевич Витарада незаметно для стражи спустился во дворец и ловко проскользнул в покои Тувуннарей. Приблизившись к ложу спящей царицы, он призадумался, как действовать дальше.

А юная Тувуннарей, с вечера наслушавшись рассказов няни Малладии о красоте, уме и мудрости знатока вед царевича Авиззани, уснула во власти соблазнительных посулов и уговоров хитрой прислужницы. В неясных гре-

зах, в затуманенном ее сознании уже безраздельно царил образ прекрасного юноши; исполненная любви к нему, Тувуннарей была готова дать свое согласие — в душе ее сиял восторг, а грудь теснилась от неведомых желаний. В порыве любовного томления она мечтала о свидании с возлюбленным избранником; в дымке сновидений ей грезился царевич из Эйндапатханы, как описала его красно-речивая Малладия. Но каково же было изумление царевны, когда, внезапно пробудившись, она вдруг увидала за пологом близ своего ложа Витараду. Без колебания решив, что это к ней явился учитель вед, царевич Авиззая, влюбленная Тувуннарей в истоме прошептала: «Матушка Малладия не говорила мне о том, что господин прибудет сегодня ночью. Она все развлекала меня приятною беседой, а я и задремала!»

Тут царевич Витарада смекнул про себя, что речь идет о ком-то другом, но притворился, будто понял, о чем говорит царевна, и решил вступить в игру. Прекрасная Тувуннарей, не окликнув и не разбудив Малладии, позволила ему приблизиться — и вот уже вся ночь на девственном ложе прошла в сладких утехах любви. Лишь перед самым рассветом царевич Витарада перенес задремавшую Тувуннарей на свой чудесный ковер, и оба полетели в страну Параяна.

Вот так все и случилось. Пока медлительный царевич Авиззая искусно плел свою интригу, обучая ведам Малладию, а та предусмотрительно готовила царевну к свиданию с прекрасным незнакомцем, расторопный Витарада ловко похитил доверчивую Тувуннарей. Поразмыслив над случившимся, незадачливый Авиззая испугался, как бы о его позоре не проведали на родине, и поспешил убраться восвояси, хоть и с пустыми руками. Тут и конец моему рассказу.

Недаром говорится: действуя несмело, лишь загубишь дело! Теперь вы видите, сколь пагубны нерешительность и промедление. Влюбленные ждут не дождутся заветного свидания — первая встреча, первый взгляд, первое чувство, тайные желания юной любви, истомы непознанной страсти; точно две золотые бабочки, стремятся друг к другу их сладостные мечты. Вправе ли мы, недостойные, мешать светлому счастью наших повелителей? Неужто допустим, чтобы кто-то чужой расстроил их грядущий любовный союз? Пусть же стремятся они к желанной цели, не зная

дурного, не видя уродливого, не слыша грубого; пусть все свершится легко и быстро! Ведь они уже знают друг о друге.

Аромат цветов приносит легкий ветер,
Весть о человеке нам приносят люди!

Не так ли? Еще не видя друг друга, юные царевич и царица внемлют нашим речам, жаждут услышать друг о друге. Смогут ли изведать радость их юные сердца, если мы не будем расторопны или станем воздвигать преграды? Расскажу еще одну притчу: сколь ужасен гнев от неудовлетворенного желания!

Исполнил не в срок —
на спине урок,
или всему свое время

Жил некогда в небесном царстве Тавадейнта один благородный нат по имени Деватандика. В отечестве своем он слыл сыном самого владыки Тиджамина. Не зная устали, все дни свои он проводил у ног могущественного властелина, служа ему верой и правдой, готовый исполнить любое поручение государя. И вот однажды повелитель неба изволил пожелать, чтобы в заоблачных селениях Тавадейнты распустились цветы морских кораллов. Немедленно призвал он Деватандику и повелел нарвать морских цветов.

«Исполню повеление в шесть дней, а на седьмой явлюсь с добычею к царственным стопам владыки!» — так обещал усердный нат и тут же пустился в путь. По истечении срока, на седьмые сутки, проворный Деватандика уже возвращался назад с коралловыми цветами. Добравшись до границы океана, он взглянул на небеса, и вдруг ему почудилось, что облака изрядно загрязнились. Решив угодить Тиджамину и заслужить высочайшую похвалу, прилежный нат оставил цветы на берегу и принялся снимать легкие облака с небосвода. Пока он чистил их и промывал водой из океана, пряный аромат коралловых цветов распространился на много юзан вокруг; и вот уж привлеченная соблазном большая рыба вынырнула из волн и вмиг проглотила чудесные цветы.

Так и пришлось незадачливому нату Девантандике вернуться к золотым стопам небесного владыки с пустыми руками. Когда он смиренно доложил обо всем родителю, могучий Тиджамин грозно захохотал. «На что мне глупое усердие, коли ты забыл о порученном?» — вскричал он. И в ярости избил недостойного ната ротанговым жерлом⁹⁰. Страдая от боли и стыда, несчастный Деватандика уж впрямь не смел подниматься в небесные селения...

Выходит, что услуга, оказанная не ко времени, лишь вредит делу, а отнюдь не сулит награды. Значит, надобно следовать послушною стезею повелений господина. Стоит ли говорить о том, сколь опасаясь я гнева могущественного государя Эйндакоуммы! Ах, все приметы грозы и бури нам подлинно известны; не в пример труднее угадать желание владыки! Разве вдруг заметишь зеленого попугая в густой листве? Белое на белом или черное на черном сразу и не разглядеть. При нашей службе надо ухо держать востро, беспрекословно выполнять любое поручение, чутко слышать веление золотого сердца господина. Разве я неправ?

— Все сказанное вами, конечно, справедливо, — проговорила Ятимоутта, когда Пинняхата закончил свою пространную речь. — Но я осмелюсь возразить... Ведь наши славные царевич и царевна сияют, точно солнце и луна. Разве можем мы, простые слуги, распоряжаться их судьбою? Отнюдь... Увы, теперь же нам пора и возвращаться в Рубиновый дворец, простите нас. Хотя ваши занимательные притчи слушать интересно и приятно, все же нас ожидают неотложные дела!

— У подданных не может быть иного дела, кроме святого долга служить во славу повелителя! — воскликнул тут Пинняхата. — Какие же дела у обитательниц Рубиновых чертогов, что все вы так спешите?

— О, мы торопимся не потому, что это нам самим так нужно, — поняв намек, ответила благородная фея Ятимоутта. — Ведь все мы день-деньской должны быть неотлучно при нашей юной госпоже. Всех поручений, обязанностей и забот не перечесть. То ухаживаем за ее божественными волосами: ароматным эликсиром из драгоценной чаши, от деланной девятью камнями, смачиваем каждый сверкающий волосок длиною в три с половиной локтя, они струятся и сияют, как изумрудные лучи, такие тонкие, прозрачные, словно нити-паутинки благовонной смолы. Едва мы покопчим с ртутью, как принимаемся расчесывать все несметное

богатство юной повелительницы гранатовыми гребнями с частыми и острыми зубцами, потом вплетаем в волосы цветные нити с украшениями из кораллов и делаем ажурную прическу.

Прелестное и нежное тело нашей госпожи также требует всяческого внимания и бережного ухода: прислужницы подносят золотую чашу, осыпанную рубинами различных оттенков, и пряною сандаловою мазью мы натираем гладкую и бархатистую, чуть влажную и прохладную кожу. Причесанная и умощенная, благоухает и сияет красавица Велумьясва, ее чистое сверкающее тело облегают легкие покровы — прозрачная рубашка с узкими рукавами цвета юной зелени, вся расшитая драгоценными жемчужинами, и верхние царские одежды, отделанные золотом, искусной вышивкой и узором из бриллиантов. И вот в ласкающем глаз наряде прелестная царевна возлежит на драгоценном ложе из сапфиров в уютном гроте-опочивальне, находящемся в самом сердце Рубиновых чертогов. А благородная Кинсанатари готовит ее высочеству на смену новое одеяние...

В прохладные покои проникает дыхание зноя; забывшись легкой дремотой, наша госпожа чуть разметалась на своем роскошном ложе. Сияние юной плоти не отличить от блеска драгоценных тканей. Приблизившись к благоухающей сандалом спящей Велумьясве, верная служанка Хемавати не замечает, что прозрачные покровы смялись и обнажили царственное тело. Однако бдительная Кинсанатари вдруг говорит: «Я не вижу рубашки, которую надевала госпоже Тинкхакальяни!» И, наклонившись к почивающей царевне, тотчас замечает, что едва заметный ветерок, поднятый легкими взмахами золоченых опахал, чуть коснувшись прозрачной рубашки царевны, смял оба ее рукава, так что они сбились под мышками, нескромно обнажив божественные руки Велумьясвы, благоухающие дивным ароматом. Хемавати и не догадалась, что пенистая дымка в солнечном сиянии — это измятые покровы царского наряда. Тут же строгая Кинсанатари велит переодеть царевну, и золотые опахала замирают...

Да будет вам известно, что одеяния ее высочества меняются по десять раз на протяжении часа; лишь сомнутся легкие покровы — глядь, уже рачительная Баттазани подносит свежую рубашку с искусно вышитым узором и отделкой из рубинов. Тотчас же осторожно снимают мятые

жемчужные одежды. Склоняясь к обнаженной госпоже, Кинсанатари чувствует, как пышет жаром от разгоряченного тела, и, прежде чем смягчить изумрудную кожу благовонной мазью, она решает легким взмахом веера прогнать докучный зной. Прохладный ветерок чуть морщит тонкую матерью, и край рубашки едва касается нежной кожи царевны, но мягкое прикосновение кажется ей мучительной пыткой, и будто от боли царевна вскрикивает... Кинсанатари в страхе, что случилось непоправимое, отпрянула назад, и вот уже бежит в погоню для прислуги, и не смеет более входить в опочивальню царевны...

Тут уж вспоминают обо мне — царевна на постели обнажена, ветерок от опахал и вееров свободно обдувает ее, принося неведомые беды. Мне надо торопиться. Рабу послали с поручением, а она замешкалась! Пора и честь знать. Меня зовут! Прощайте!

Поведав обо всем, преданная долгу Ятимоутта в знак уважения низко поклонилась прекрасному дворцу, где обитал царевич Эйндакоумма, и собралась идти.

А тем временем достойный отпрыск Тиджамина удобно возлежал на ароматном ложе из цветов в уютной маленькой беседке из слоновой кости, сплошь увитой зеленью, — точь-в-точь святилище астролога — и, невидимый, с интересом внимал беседе Ятимоутты и Пинняхаты. Наконец решив, что пришло время им расстаться, Эйндакоумма тихонько кашлянул, чуткий Пинняхата тотчас же уловил этот тайный знак и вкрадчиво заметил фее:

— Когда нас призывает господин, не стоит медлить — дело государя превыше всех других! Разве посмею вас задерживать? Могу ли я надеяться на встречу с госпожой?

— Среди таинственного Леса Ароматов стоит уединенный Дом Отдохновения, недалеко от мирной обители прославленного Садутакхи⁹¹. Это жилище моего отца — пата Эйдиدهвы. Если надумаете пожаловать, то милости прошу. Всегда найдется, кого послать в Рубиновый дворец царевны — меня без промедления известят.

Так все объяснив, рассудительная Ятимоутта еще раз поклонилась покоям царевича Эйндакоуммы и вместе с пятью сотнями служанок, сопровождавших ее, удалилась во дворец на Горе Ароматов.

Поднимаясь по каменным ступеням парадной лестницы, перила которой были украшены резными фигурами диковинных львов и невиданных птиц, которые, играя,

резвились среди удивительных цветов, Яtimoутта прошла под просторной четырехскатной крышей из стекла и направилась дальше — сквозь галереи, залы и покои под сенью тридцати больших пьятта и пяти сотен малых — прямо в Алмазные чертоги, где за створками дверей из яркого стекла на возвышении, огражденном резной балюстрадой с украшениями из дорогих алмазов и редких кроваво-красных гранатов величиной с огурец, посреди роскошного ложа, покрытого многослойным бархатом, томно раскинувшись и едва касаясь мягких подушек, в небрежно-грациозной позе полулежала благородная царица Велумьясва. Еле слышно, тихим, серебристо-нежным голосом подозвала она своих придворных фей и каждой изволила вручить по золотистому цветку благоуханной мьиззутаки. Тут в опочивальню и явилась Яtimoутта.

— Хвала небесам, вот наконец и ты! — с обидой проговорила юная царица. — Отлучилась на мгновение, а пропадала целую вечность. Мне совсем не по душе, чтобы мои подданные где-то попусту гуляли!

С этими словами она своей прелестной ручкой гневно кинула провинившейся Яtimoутте цветок мьиззутаки в крошечной вазе из дорогого изумруда.

— Ваше высочество, видно, забыли, что сами и послали Яtimoутту. Теперь же вдруг ее и вините! — почтительно вмешалась придворная фея по имени Йоханамайта. — Пусть вы неблагоприятны к ней и не имеете расположения одарить бесценной мьиззутакой, все же она усерднее и достойнее всех нас!

— Это почему же? — удивилась царица.

— Ну как же?! Ведь ей пришлось отправиться с цветком-подарком к самому царевичу, поселившемуся во Дворце Слоновой Кости на берегу озера Навада! А там, набравшись смелости, благоразумная Яtimoутта должна была вступить в долгий спор во имя пользы вашего высочества! Как же не считать ее достойнее прочих ваших подданных?

— Ах, так ведь я сама туда ее послала! — вдруг спохватилась царица и тут же серебристо засмеялась, желая обратить все в шутку. — Ну, уж если нашу Яtimoутту отправили к мужчинам, где уж скоро ожидать ее обратно! Там и веселье, и увлекательные споры, и состязание в остро словии, и любезное обхождение — это быстро не наскучит!

И вот уже царица вновь надула губки, вспомнив о своей обиде.

— Милостивая моя госпожа, — осмелилась разомкнуть уста Ятимоутта. — Хотя я старалась говорить с ними со всеми кротко и приветливо, беседа наша затянулась: нам было трудно прийти к соглашению, но каждому хотелось остаться правым. Про такое говорится: это помудреннее, чем в золотую чашку снять сливки с молока от львицы! Нешутное дело! О чем уж только мы не спорили! Зато узнала я, что юный государь, владеющий оружием Тиджамина, с царями нагов и галоунов, с воинами, которым нет числа, изволил поселиться в драгоценных чертогах Дворца Слоновой Кости, просторных и богатых, на берегу таинственного озера Навада; что царевич собою прекрасен, статен, могуч и почитаем, как молодой побег от древа Тиджамина. Поэтому ваша скромная служанка не посмела попросту, без должного почтения явиться прямо перед ним, а долго ожидала, робко и смиренно, с бьющимся от страха сердцем, трепеща и холодея. Но наконец, памятуя о высоком поручении госпожи, дрожа всем телом, прошла я в покои царевича и преподнесла гранатовую вазу с драгоценной мьиззутакой.

А потом ко мне приблизились благородные сверстники царевича, окружили и стали расспрашивать. Я вначале совсем растерялась, низко опустила голову, отвечала тихо. Но потом собрала с духом и оправилась от первого смущения. Тут-то и представился мне случай убедиться в высоком благородстве и добром снисхождении прекрасного царевича.

Юные герои из свиты Эйндакоуммы отправили почтенного ната, надзирающего за озером Навада, на Северный остров, чтобы достал для них пасхоу⁹² с чудотворного древа желаний падета⁹³. Бедняга нат, пыхтя и отдуваясь, с трудом принес им царские одеяния, исполнив поручение немедленно. То были и впрямь роскошные пасхоу причудливых расцветок и с золотой отделкой. Но юные соратники царевича остались недовольны: «Отчего ты принес нам пасхоу ценою в тысячу, а не в сто тысяч золотом? По-твоему, для наших чресел хороши и такие?»

Рассерженные молодцы схватили незадачливого ната и гибкою лианой привязали к стволу гвоздичного дерева. Несчастный старец кричал от боли и призывал на помощь, но ему заткнули рот шершавым клыком из мясистых тычи-

нок с пряной пылью от цветов ганго⁹⁴. Нат извивался и мычал, и его тоскливые стенания наконец достигли золотых ушей царевича.

«Не смейте трогать ната! — повелел тут милосердный Эйндакоумма. — Пусть мирно продолжает жить в своей обители. А уж я своею властью добуду для вас лучшие пасхоу из ткани небесных облаков ценою в атиндже⁹⁵ — ведь вы должны прилично одеваться... Но вашим поведением я недоволен: как могли вы поступить столь грубо и жестоко? Запомните, что сердце государя исполнено любви; доброта и сострадание соперничают в нем, и без ответного чувства я не в силах наслаждаться жизнью. Оттого покинул я свой дивный пятистенный град, оттого и поселился здесь, в лесной обители из бивней диких слонов. Разве неведомо вам это?»

Так изволил наставлять их царевич Эйндакоумма. А горемычный нат, вновь получив свободу, был рад без меры и, счастливый, тотчас же убрался восвояси.

Слушая и наблюдая это, ваша раба не могла сдержать трепета в груди: дыхание мое затмилось, в глазах неожиданно все померкло, какой-то страх сковал меня, по телу поползли мурашки... Перед собой ничего не видя и слова дельного сказать не в силах, а лишь бессвязно что-то бормоча, я протянула благовонные цветы навстречу золотому лику. Приблизиться же к благодатному владыке не смогла... И тут услышала я дивный глас: «Мне ведомо, что благородная царевна, отправив всех вас с важным поручением, нетерпеливо ожидает возвращения. Не медлите ж, к чему ее тревожить! Пусть не узнает ваша госпожа ни суеты пустых волнений, ни горечи напрасных ожиданий!»

Вняв мудрому совету, я тут же, не замечая ничего вокруг, с почтением поклонилась и распрощалась. А после, кликнув всех служанок, без промедления пустилась прочь, покинув дивные чертоги Эйндакоуммы, спешила к золотым стопам моей любезной госпожи...

Внимая утешительным словам красноречивой Яtimoутты, юная царевна Велумьясва мало-помалу совсем успокоилась и вскоре безмятежно задремала на мягком и роскошном ложе.

Как только рассвело, царевич Эйндакоумма призвал своего преданного сподвижника Пинняхату и повелел:

— Попытайся проникнуть в город на Горе Ароматов.

С готовностью приняв поручение, Пинняхата немедленно собрал испытанных соратников — таких, как Яммания, Балананда, Дейббатота, Даммавата, Тиссаназа, Тамбавара, Тукхамана, Таббазейя, Пурейттара и многие другие, им не уступающие, — и во главе тысячи воинов отбыл к Горе Ароматов.

И вот как только две верные подруги царицы Велумьясвы — Падуматейнги и Ятимоутта — вышли из Благовонных покоев Обители Отдохновения ната Садутакхи, направляясь мыть волосы, то сразу же неожиданно-негаданно и встретились с воинами Пинняхаты; сам военачальник тем временем выспрашивал дорогу в Обитель Садутакхи. Остановившись в подобающем отдалении, скромная Ятимоутта склонилась в почтительном приветствии и тут же осведомилась о цели путешествия столь многочисленного отряда воинов. На это Пинняхата сказал:

— Мой славный повелитель желает знать, известно ли царице о нашей давешней беседе? Как приняла ваша прекрасная госпожа благие доводы и предложения? Вот с этим царевич и послал нас. А здесь мы остановились и пытаемся выяснить дорогу в обитель вашего отца!

Сообразительная Ятимоутта миг поняла, что ей не подобает — да и не под силу! — одной беседовать с пришельцами, а потому тотчас же незаметно отправила догадливую Падуматейнги в жилище ната Садутакхи известить о появлении тысячи воинов во главе с Пинняхатой и попросить о помощи. Та же, исполнив просьбу, без промедления вернулась — уже со свитой в пятьсот прислужниц. Зорко наблюдавший за этим Пинняхата с усмешкой проговорил:

— Оказывается, прелестные жительницы Рубиновых чертогов, раскинувшихся на вершине Горы Ароматов, не только славны обходительностью и всеми пятью достоинствами женской красоты, они к тому же еще сообразительны, умны, хитры, ловки, все чувствуют, предвидят, успевают, все как должно обдумают, решат, исполнят... Однако трудно вам тягаться с юным властелином всех царств на острове Забу, владеющим магическим оружием, которое побеждает любых врагов, и чудотворным кристаллом — даром самого божественного Тиджамина! Ведь благодаря своей безмерной власти и силе сверхъестественного знания парит он и над всею твердью земной, и над водой, искусно управляя и людьми, и гаюсунами, и нагами, ибо суждено

ему в будущем стать не кем иным, как Просветленным. И вот сей славный государь, движимый всецельной любовью к владетельнице Рубинового дворца, проделал дальний путь и наконец приблизился к заветной цели. А вы, капризные создания, всё не желаете и пальцем пошевелить, чтобы устроить его судьбу и счастье своей владычицы. Ну если будете упорствовать и впредь — пеняйте на себя: снотворный потомок Тиджамина взойдется ввысь и, золотыми шагами шаг измерив небесное пространство, появится на Горе Ароматов, подхватит юную царевну и унесет с собою. Не этого ль вы жаждете?

А то еще наш благородный господин способен прорезать земную толщу, как лист пергамента, и уйти вглубь на двести сорок тысяч локтей; прокравшись под землей, он может внезапно выйти на поверхность и тайком похитить прекрасную хозяйку Града Ароматов. Не этого ль вы ждете?

Ужель вам непонятно, что царевич и царевна предназначены друг другу судьбой, что наш властитель любит и делает мечту соединиться по любви в браке с госпожой Рубиновых чертогов. Потому он и решил великомудро, что будет действовать согласно, мирно, с почтительной любезностью и лаской, дабы осуществить задуманное?! Однако среди вас нет ни одной, которая хоть словом или намеком помогла бы начатому делу. Ну, как тут не подумать, что всем вам более по праву власть и сила?! Когда царевну унесут по воздуху или сквозь землю, вы вряд ли сможете препятствовать чудесному деянию...

В своем искреннем негодовании Пинняхата все больше распалялся.

— Конечно, где уж нам тягаться с властелином небесного оружия! — вступила тут в беседу рассудительная Падуматейнги. — Если ваш могучий и неукротимый государь задумает прибегнуть к силе, как вы нам только что сулили, кто помыслит о сопротивлении? Однако если он и впрямь исполнен добродетели, радеет лишь о благе, то должен действовать по справедливости: искреннее чувство и нежное сердце всегда его направят на путь смиренной надежды, терпеливой ласки, мягкой настойчивости. Не грех и вам всем поступать в согласии с высокими порывами души, памятуя о снисхождении. Вы же печетесь лишь о том, как поскорее заполучить желанную добычу. Грозите, что господин ваш явится из-под земли или примчится по

небу, чтобы украсть царевну. Ужели вам неизвестно, что, совершив такое, сн счастья не добьется? Но нет, я твердо верю, что славный ваш повелитель, если он и впрямь велик и мудр, поступит иначе: неспешная надежда, мягкое упорство и хитроумная уловка доставят ему желанную победу.

Да разве вам на память не приходят старинные истории, предания и притчи, поучительные повести и назидательные речи древних мудрецов? А в них неоднократно говорится, что действующий силой, идущий напролом лишь нарушает общее согласие и терпит поражение. Ведь принуждением успеха не добьешься. Восторжествует лишь тот, кто мягок, спокоен и разумен. Теперь же, о благородный Пинняхата, благоволите со снисходительным терпением выслушать одну старинную, весьма подходящую к случаю историю.

Силою ворвешься — толку не добьешься!

В давние времена прекрасная кейинари⁹⁶ по имени Ятанамари жила в супружестве с небесным государем-на-тем Бейттано⁹⁷ и родила ему шесть дочерей. Их звали Сандахема, Тейнкхаанза, Тотакалья, Поупихатида, Раммагива и Гандатура. И были эти шесть царевен столь блистательны и прекрасны собой, как будто шесть светил из знаменитого небесного созвездия⁹⁸. Радея о спокойствии и благе дочерей, отец их, государь-нат Бейттано, выбрал на бескрайних просторах Хемавунты⁹⁹ свободное пространство — сто юзан в ширину, сто юзан в длину — и возвел дотоле невиданный город — точь-в-точь гигантский лабиринт с бесчисленными извилистыми улицами, запутанными, как паутина, и весь украшенный стеклом. В середине города воздвигли шесть дворцов и поселили в каждом юную царевну с тысячею прислужниц. Так как Бейттано забесился о добродетели и чистоте своих невинных дочерей, то на каждом из тысячи поворотов города-лабиринта, во всех углах, он приказал поставить для охраны по шесть десятков чудищ-билу. А вход в заветный город был сделан лишь один. Вокруг диковинного лабиринта текла глубокая река в три гавоу¹⁰⁰ шириною. Так все устроив, небесный государь-нат Бейттано почувствовал себя спокойным, решив, что уж теперь ни один мужчина не сможет проник-

нуть в чертоги его бесценных дочерей. С той поры во все времена года он мирно почивал в своем дворце, не зная ни тревог, ни огорчений.

В те же времена в шести известных царствах правили могущественные государи: Кутала — в стране Тейнгиния, Тиссара — в стране Писсаяпхали, Тэккисса — в стране Атейтхара, Катхана — в стране Туватти, Тахава — в стране Манита, Сария — в стране Танъямо. И вот однажды все шестеро царей, как будто сговорившись, отправились каждый со своим войском — пехотою, конницей, слонами и колесницами — в леса на брачную потеху. Неблизкий путь привел все армии в заповедный лес Хемавунта. Нежданно и негаданно шесть государей столкнулись друг с другом у стен причудливого города-лабиринта. Сверкающий стеклом чудесный горд было видно издалека со всех сторон. Сквозь прозрачное стекло пришельцы разглядели с расстояния в сто юзан все шестьдесят тысяч чудищ-билю, стоявших бдительно на карауле, и шесть прелестных девственниц-царевен вместе с их свитой, живших в своих шести великолепных дворцах.

От сильного желания и неумной страсти шесть царей недолго могли стоять спокойно и тут же стали совещаться друг с другом, как им проникнуть в город: кровожадных стражей-билю оказалось слишком много — силою оружия их не одолеть, и надо было действовать с умом, постараться прибегнуть к хитрости. Отправившись к подножию высокой горы Дейттахадур, они случайно натолкнулись на гнездо гигантской птицы-слона¹⁰¹: голодные птенцы нетерпеливо звали своих родителей, улетевших на поиски добычи. Досыта накормив прожорливых птенцов мясом подстреленных оленей и косуль, все шесть царей остались дожидаться возвращения старших птиц, а те вернулись к своему гнезду лишь с наступлением ночи. Отец, который звался Газалейнга, и мать по имени Хаттхилейнга, летавшие за пищей для детей, вдруг обнаружили, что их покинутые сын и дочь давно насытились.

«О благородные государи,— спросили тут птицы-слоны шестерых царей,— что привело вас в эти места?» — «Хотим достигнуть леса, где растут волшебные деревья, плодоносящие прелестными красавицами-феями!» — ответили все шестеро. «Мы вам поможем,— сказали птицы.— Теперь накормим и напоим наших птенцов, а поутру, чуть свет, доставим щедрых государей в заветный лес!»

Лишь только рассвело, как обе гигантские птицы пробудились, Газалейнга посадил к себе на спину трех царей, а Хаттхилейнга взяла к себе трех остальных. И вот, повелев своим войскам стать лагерем у подножия горы Дейтхадур, все шесть государей удобно расположились меж крыльями огромных птиц-слонов и полетели в чудесный лес и к ночи уже прибыли на место.

«Повремените с возвращением,— попросили шестеро царей у птиц,— завтра утром пустимся в обратный путь!» А сами, захватив мечи, полезли на большое дерево. Тихонько подобравшись к прелестным девам, висевшим, точно диковинные плоды, по веткам и сучкам, ловкие охотники схватили каждый по красавице и, крепко их обняв, нарочно громко закричали: «Мы с добычей! Теперь мы оживим чудесные плоды и проведем в блаженстве здесь семь дней, пока не утолим желанья!»

Хотя феи дерева и владели искусством колдовства, все же вырваться из рук царей им оказалось не под силу. Тогда уж они стали просить пощады: «Отпустите нас, и мы исполним любое ваше желание!»

Тут цари обещали девам свободу, но пожелали взамен научиться разным волшебствам. И вот к рассвету следующего дня каждый из них овладел каким-нибудь чудесным умением: царь Кутала мог одним прыжком покрыть расстояние в сто юзан, царь Тахава мог вселяться в любой предмет и оживлять любую вещь, царь Сария своим проникновенным голосом мог тут же вызвать сострадание и любовь, царь Тиссара мог проходить сквозь землю, царь Тэккисса мог менять свой облик и принимать любую внешность, царь Катхана научился мастерски стрелять из лука.

Довольные тем, что сделались сведущими в тайной магии, все шестеро, лишь только рассвело, уселись на двух огромных птиц-слонов и возвратились к подножию горы Дейтхадур. Собрав своих воинов, расположившихся лагерем поблизости, цари приказали им возвращаться в родные земли, а сами невдалеке от града-лабиринта воздвигли для себя новую крепость и в ней обосновались. Потом, вооружившись лишь мечами, все шестеро царей пришли к стенам заповедного города шести царевен.

Долго не раздумывая, царь Кутала подпрыгнул в небо и, пролетев по воздуху, благополучно опустился в покоях царевны Сандахемы. Обернув нежную красавицу в свое

роскошное пасхоу ¹⁰², расшитое сапфировыми цветами, опутут же вновь поднялся в воздух и с драгоценной ношей помчался прочь. Вдруг от порыва сильного ветра его великолепное пасхоу лопнуло и упало в воду той реки, что окружала город-лабиринт, а сам царь Кутала, почувствовав невыносимую боль, сразу стал слабеть. Вмиг обессилив, он вместе с царевной Сандахемой рухнул вниз, и оба погибли.

Царь Тиссара проник под землю и незаметно прокрался в город-лабиринт. Явившись прямо в покои царевны Тейнххаанзы, он схватил ее и, не теряя времени, пустился тем же способом в обратный путь. Но под землей он неожиданно столкнулся с царем нагов Бумибалой. Свиристый змей ударил Тиссару и убил, а сам похитил царевну Тейнххаанзу.

Царь Тэккисса, научившись ловко менять свой облик, превратился в змею, прополз в запретный город и добрался до покоев царевны Тотакалы. Обвинив красавицу своим сильным хвостом, Тэккисса потащил ее с собою, но царевна громко закричала от ужаса. На крик ее сбежалась стража, и злополучную змею тотчас же принялись стегать плетью, бить палицами — так царя Тэккиссу и забили насмерть.

Царь Катхана, искусно владевший луком, избрал своим посланцем стрелу. «Лети в запретный город-лабиринт, проникни во дворец царевны и добудь ее!» — с такою мыслью он и выпустил стрелу из лука. Послушная стрела домчалась до покоев царевны Поупихатицы и ловко похитила ее, но на обратном пути, скользя по воздуху, столкнулась в небесах с досужим натом; недовольный нат поймал и тут же переломил стрелу, а плененную красавицу царевну, не долго думая, взял и унес к себе. Так как волшебная стрела не возвратилась к Катхане, а другой он в запасе не имел и больше стрелять не мог, то и пришлось незадачливому государю остаться ни с чем.

Царь Тахава, покинув свое тело в зарослях Хемавунты, проник бесплотный в город-лабиринт. Невидимым духом явился он в покои Раммагивы и стал думать, как же похитить царевну. Хорошенько оглядевшись, он заметил фигуру огромного чхинте ¹⁰³, сидевшего у парадной лестницы дворца. Без долгих колебаний Тахава вселился в неподвижное тело, и диковинный зверь тотчас ожил, вскочил, кинулся к царевне и вместе с нею пустился прочь из двор-

ца. Весь долгий путь похищенная Раммагива пронзительно кричала и плакала; наконец выбравшись из города, Тахава посадил несчастную царевну на толстую ветку красной тейндуки ¹⁰⁴, а сам тем временем помчался к тому месту, где оставил свое тело. Войдя в него и приняв свой прежний облик, царь побежал назад, но, сколько ни искал, не смог пайти то дерево, где посадил царевну. А бедная Раммагива, измученная тяжелыми переживаниями и опасной дорогой, так и умерла на ветке без пищи и воды.

Царь Сария, умевший привораживать своим дивным голосом, при звуках которого в сердцах женщин тотчас рождалась любовь, спустился к реке шириною в три гавоу, окаймлявшей стеклянный город, и собрался переплыть ее. Едва заслышав просьбу царя Сарии, крокодил, живший в воде, мгновенно проникся участием к обладателю сладкого голоса и перевез царя на противоположный берег. Пройдя единственные ворота города и вступив в лабиринт, Сария достиг перекрестка и сразу же столкнулся с шестью десятками чудовищ-билу, стоявших здесь на страже. Кротко, ласково и нежно царь поведал им о цели своего прихода, и после этого — о чудо! — смягчившиеся, умиленные людоеды-билу с любовью и приветом приняли царя, досыта накормили и отпустили, объяснив дорогу.

Так, переходя от перекрестка к перекрестку, от одного угла к другому, миновал царь Сария всю тысячу поворотов, прошел по всем улицам города-лабиринта и, познакомившись с шестьюдесятью тысячами билу, нашел у них приют и ласку. И вот спустя три месяца и двадцать дней добрался он наконец до дворца царевны Гандатуры. Едва услышав чудесный голос Сарии, все пять сотен прислужниц, нянек, стражников царевны вмиг ощутили нежное участие к судьбе пришельца. Тут же стали они потчевать его, потом дали отдохнуть с дороги, а спустя немного времени сами помогли царю проникнуть к прекрасной Гандатуре — указали пужную дорогу и даже провели к покоям царевны. Чувства Сарии и Гандатуры оказались взаимны, любовь их крепла день ото дня, а счастье и блаженство не ведало границ. Когда же царь Сария пожелал вернуться в свою страну, то, лишь обмолвился об этом вслух, вся пятисотенная свита, не колеблясь, согласилась проводить его до самого дворца. Обратный путь по лабиринту был легок: стражи-билу на перекрестках помнили царя и с почестями пропускали всю процессию. Так, не ведая препят-

ствий и осложнений, царь Сария благополучно выбрался из города-лабиринта и вместе с прекрасной Гандатурой возвратился в страну Танъямо, где они вдвоем и царствовали всю жизнь в любви, согласии и счастье.

История шести царей нас учит многому. Пример же государя Сарии достоин подражания. Спокойно все обдумав, действуя лишь просьбою и лаской, пусть ваш господин попробует сначала заручиться одобрением и поддержкой подданных и свиты. А там уже с их помощью достигнет он цели, не сходя с золотой стези любви и добродетели, — лишь тогда соединятся в счастье и радости две царственные судьбы. Но если ваш прославленный властитель решит, что по дороге к цели все средства хороши, применит силу на пути к успеху — его деяния будут недостойны, желаемого он не добьется, а звание высокое уронит. Ведь даже в делах военных лучше действовать не силой, не оружием, а мирным вразумлением: не нужна разящая десница, нужен ароматный ветер мира!

Если припомнить старину, заглянуть в прошлое, то можно в древних книгах найти немало полезных советов и наставлений. Например, негоже на поле брани сражаться знаменем — порвешь полотнище, сломаешь древко, а врага не одолеешь. Или еще: при рубке леса, какое бы ты дерево ни выбрал — толстое, тонкое или среднее, бить по стволу с одной лишь стороны не стоит, а надо обойти вокруг и сделать прорубки со всех сторон — вот дело и пойдет на лад! Ну, словом, одной лишь грубой силой, без разума и дельной сноровки задуманного не исполнить. Напролом же стремится лишь глупец!

На этом Падуматейяги закончила свою пространную речь.

— Давайте ж поразмыслим хорошенько! — воскликнул тут задетый за живое Пинняхата. — По старинной притче, которую изволила нам рассказать любезная фея, выходит так: если действуешь решительно и прямо, всецело полагаясь на свою силу и умение, то успеха для себя не жди; победа достается лишь тому, кто следует кружным путем — знакомится со свитой, обольщает слуг, советуется с подданными, все осторожно, исподволь, не торопясь... В долгом ожидании тянутся бесконечные дни, только и остается, что с кем-нибудь держать совет, испрашивать чье-либо согласие, опасаться кого-то обидеть. Уф! От такого наш славный и могущественный царевич придет в

уныние и станет сетовать на свой удел. Ну, как же тут не вспомнишь историю царевича Падейгги! Прекрасным феям не приходилось ее слышать? Нам негоже запутывать дело и принуждать наших достославных повелителей к вечному ожиданию. А ежели вам надобны примеры из жизни, то можно их привести немало! Ароматный и вкусный плод лучше с ветки сорвать до времени, незрелый, он доспеет под вашим заботливым взглядом и не сгниет... Если же его оставить дозревать и наливаться на дереве да ждать, пока он сам упадет на землю, то уж наверняка дикие птицы это заметят раньше вас и склюют его... Куй железо, пока горячо! А уж про то, стоит ли всегда доверяться дружбе, поведаю вам одну притчу. И вы, любезные феи, сами решите, справедлива ли эта история!

Коль не поспешишь — дела не решишь

В давние времена царь слонов Схаддантагаза взял на себя заботу об аскете Нагатанте, жившем уединенно в Хемавунте, и каждодневно доставлял ему пищу и все необходимое. Как-то раз, нарвав на озере Манонанда стеблей, корней, зеленых почек и бутонов лотоса, подвижник Нагатанта обнаружил среди них большой бутон, в котором чудесным образом уже завязался плод. Аскет бережно хранил и пестовал дикий лотос, и вот по истечении срока из распустившегося цветка явилась на свет прелестная дева, отмеченная всеми дарами женской красоты.

При виде красавицы аскет был в затруднении и тут вел своему верному Схаддантагазе взять ее и вместе со стеблями, лепестками и корнями лотосов кинуть в озеро Манонанда. Лишь только слон исполнил порученное, отшельник тотчас произнес магическое заклинание — и вот неведомые силы уже свершили волшебство: на месте брошенных в воду лotosовых стеблей, корней и лепестков из озера вдруг поднялся многоярусный дворец, по форме напоминающий гигантский лотос высотой в сто локтей; а в том дворце уютно поселилась юная дева, явившаяся из лotosового бутона. Все это наблюдая, отшельник Нагатанта так сказал царю слонов Схаддантагазе: «Любезный сын мой Схаддантагаза! Если об этой юной деве ты не станешь

печью, то ей грозит неминуемая гибель. Я же аскет, не подобает мне при исполнении священного долга и заповедных обрядов находиться близ женщины. Во имя моего спокойствия и благоденствия будь же внимателен к невинной дочери лотоса и не оставь ее своей заботой! Она пугается в любви и ласке».

Почтительно выслушав Нагатанту, царь слонов с готовностью принял поручение и стал усердно исполнять свой долг: кормил, поил и одевал, ласково пестовал и берег красавицу, следуя обычаям людей. За нежность, красоту и обаяние дал Схаддантагаза этой непорочно зачатой и рожденной деве имя Нилоумбани, что значит «Красный лотос». Когда она уже достигла зрелой поры, то сделалась сказочно прекрасной, не уступая в прелести небесным феям. И тут уж царь слонов, не зная устали, берег ее как зеницу ока, любя, точно родную дочь, окружая заботою и лаской в ее невиданном Лotosовом дворце.

А святой отшельник Нагатанта в своем уединении собирал в кущах Хемавунты прелестные наряды — легкие кофты небесных фей и пасхоу натов, а также драгоценные украшения небожителей — и посылал все это верному Схаддантагазе для юной Нилоумбани.

В те времена у царя Дамматейтхи и царицы Буннавати, правивших страню Ратхапура, был сын — царевич Падейгга. Однажды, испросив согласия у государыней, он отправился на охоту в леса Хемавунты и задержался на ночлег под огромным старым баньяном, звавшимся Титаласхайя, что означает «Прохладно-тенистый». А на вершине дерева свил себе гнездо попугай Тамараттха. И вот случилось так, что одного из двух его птенцов — маленькую дочь по имени Кейтта — похитил из гнезда жестокий коршун по прозванию Кора. Когда злодей схватил свою добычу и поднялся с нею в небо, убитые горем попугай слетели вниз к царевичу Падейгге и взмолились: «Спаси ее, о государь!»

Царевич был искусным стрелком из лука, в тот же миг он, натянув тетиву, выпустил стрелу в коршуна. Злобный Кора был ранен в грудь и камнем упал на землю. А Падейгга поднял несчастную Кейтту и возвратил ее попугаям-родителям. Их радости не было границ.

«Будь благословен, о государь! — вскричали они. — Ты спас жизнь нашей дочери. Не знаем, как и отблагодарить тебя достойно! Послушай, государь, нам ведомо место, где

живет дева, прекрасная, как фея. Хочешь ли отправиться туда, дабы воочию узреть красавицу?» — «Соблазн велик, и я отвечу вам согласен», — сказал царевич. — А где же это место?» — «Здесь, в заповедном лесу Хемавунта, — закричали попугаи, — посреди озера Манонанда в диковинном Лотосовом дворце ста локтей в высоту живет царевна по имени Нилоумбани, сияющая красотой, точно небесная фея. Святой аскет просил царя слонов заботиться о ней. Если государь согласен посетить Манонанду с намерением взглянуть на Нилоумбани, то не худо бы сперва свести знакомство с царем слонов Схаддантагазою. А в этом уж мы тебе поможем!»

Выслушав посулы болтливых птиц, обрадованный Падейгга немедленно собрал тысячу своих воинов и приказал им на себе нести все поселение попугаев, после чего все двинулись к лесному озеру Манонанда. Когда пришли на берег, хитрые попугаи сказали царевичу: «О государь, чтоб завязать знакомство с царем слонов, тебе бы надо сперва попотчевать его. А мы тем временем слетаем к царевне и уговорим ее: пусть выйдет к тебе навстречу! Но только, если это дело затянется, ты понапрасну не унывай!» — «Да отчего же мне унывать, раз я рано или поздно, а все равно добуду красавицу царевну? — воскликнул простодушный Падейгга. — Пусть хоть целый год пройдет — мне ждать не надоеет!»

Следуя советам попугаев, царевич послал всех своих воинов нарезать сладкого тростника, накосить сочной соловьей травы, а затем уж устроил Схаддантагазе богатое угощение.

«С чем прибыл к нам благородный царевич?» — спросил его правитель слонов. «Только из желания познакомиться и подружиться с тобою!» — ответил сообразительный Падейгга.

И вот с той поры что ни день по приказу царевича готовили корм и потчевали царя слонов Схаддантагазу. А попугаи Тамараттха каждый день прилетал к прелестной Нилоумбани и рассказывал ей про царевича Падейггу: сколь он могуществен, сколь славны государь-отец и государыня-матушка, как богата их столица и как прекрасен золотой дворец в ней. Так он без меры восхвалял Падейггу и его семейство, убеждая красавицу отдать царевичу свою любовь и благосклонность. После долгих бесед и уговоров прелестная Нилоумбани мало-помалу начала

соглашаться и наконец решила так: «Пускай царевич сперва подружится с царем слонов Схаддантагазой!»

А царевич Падейгга тем временем прилежно кормил прожорливого слона и вот как-то раз решил просить его о своем деле. Услыхав такое, слон подумал: «Я не смею позволить ему видаться с Нилоумбани!» И тогда на просьбу царевича Схаддантагазы ответил так: «Ах, любезный мой друг царевич Падейгга! Исполняя повеление аскета Нагатанты, я нахожусь при царевне неотлучно и с младенческих лет пекусь о ее благополучии. Теперь она уже достигла совершеннолетия, и пора подумать о супруге для нее... Ухаживай за мною, корми, заботься, как я забочусь об исполнении ее желаний; вот тогда и я за твою дружбу не останусь перед тобою в долгу...»

С того дня усердный Падейгга старался еще сытнее кормить слона, без усталости обхаживал его, все думая о встрече с красавицею Нилоумбани. Однако время шло, тянулись дни за днями, воины царевича уж более не в силах были выносить лишений и трудов на благо слона Схаддантагазы. И вот многочисленное войско стало постепенно таять. Часть беглых воинов после долгих скитаний достигла страны Манораммы, где правили царь Тамутияза и царица Поуппхавати, подарившая государю сына — царевича Гунатару. Узнав о появлении в стране беглецов из войска Падейгги, царь Тамутияза расспросил их подробно о делах их господина, а те все рассказали без утайки.

Царевич Гунатара был решительного нрава и не ведал колебаний: он быстро собрал тысячное войско, выступил в поход, позвав с собою и беглых воинов Падейгги. Прибыв в леса Хемавунты, Гунатара направился на берег озера Манонанда, где повстречался с царем слонов Схаддантагазой.

«Куда путь держите?» — спросил царь слонов. «Пришли, чтобы подружиться с тобою, — ответил ему царевич Гунатара. — Мы несем тебе богатые подарки, и есть среди них один особый дар, но сразу мы его тебе не отдадим!» — «Что же это за особый дар?» — заинтересовался слон. «На вкус приятен, сладок и душист, его пряный аромат обжигает, возбуждает и бодрит, сладость подобна нектару, нежна и аппетитна, по словами это не опишешь, надобно попробовать. Однако боюсь, что эта амброзия небесных натов слишком опьянит тебя и ты потопчешь нас. Если же дашь отведать нашего угощения, позволь остановить тебя

железом. А то желание и мужская сила возрастут, старческая немощь вмиг покинет тебя и ты омолодишься, сразу почувствуешь двенадцать благодатей¹⁰⁵, тогда и удержи тебе не будет — вот что может сделать наш чудесный дар! Лишь железным бодилом с острым крюком мы попытаемся тебя остеречь, чтобы спало твое возбуждение. Тебе же самому о последствиях заботиться не стоит, отведаешь нектара — и наслаждайся опьянением, сразу поймешь, какое это счастье!» — «Любезный мой царевич! — сказал на это слон Схаддантагаза. — Если так, без колебаний втыкайте в мое тело острые стрекала, зацепляйте кожу железными крючьями. Я готов. Ведь силы мои слабы, я стар, а так хочется вновь стать молодым и ощутить былую мощь, поэтому и жажду отведать божественной амброзии, доставляющей все двенадцать наслаждений!»

Не успел слон закончить свою речь, как тысяча острых жал впилась в его тело, вмиг весь он был утыкан железными крючьями и уже не мог двинуться. От невыносимой боли царь слонов Схаддантагаза дико затрубил: «О добрый мой царевич, мне больно, скорее дай мне небесного нектара!»

Но вместо обещанного питья натов слон получил сухого сена и прелых листьев. Ярость его была неистова, а гнев ужасен, но Схаддантагаза оказался бессилён: ведь двинуться-то он не мог — царевич Гунатара велел своим людям не освобождать слона от крюков. Вот с той поры, наверно, у слона на коже и сохранились отметины от зубцов бодила!

Пока безжалостный Гунатара подвергал мучительным истязаниям царя слонов Схаддантагазу, Падейгга, верный слову, продолжал печься о благополучии своего друга и усердно заготавливал в зарослях Хемавунты обильный корм, чтобы в надлежащий срок попотчевать опекуна Нилоумбани. А тем временем жестокий Гунатара приказал воинам тянуть и дергать железные бодила-крючья, впившиеся в тело Схаддантагазы, передвигаясь то на север, то на юг, то на восток, то на запад. Вся тысяча дружинников взялась за рукояти железных крюков и стала дергать, а Гунатара ухватился за конец веревки, привязанной к слону. Обезумевший от неистовой боли и страшных мучений Схаддантагаза рванулся из последних сил и кинулся в озеро Мансанди, увлекая за собою царевича и всю тысячу его воинов. Очутившись в воде, царь слонов поплыл

прямо к Лотосовому дворцу, где жила Нилоумбани. Красавица обрадовалась случаю просить у старого опекуна согласия на встречу с царевичем Падейггой: соблазненная посулами хитрых попугаев, она уже втайне решила связать свою судьбу с достойным юношей...

Когда же Нилоумбани увидела Схаддантагазу вместе с незнакомым государем и его огромным войском, она подумала, что это прибыл за нею сам Падейгга (откуда же ей было узнать правду — ведь царевича Падейггу она никогда не встречала!), поэтому без возражений и согласилась ехать с Гунатарой. А тот немедленно перевез ее на берег и, захватив слона, отправился на родину, в Манорамму.

Так наш медлительный и простодушный Падейгга, не вдумываясь в суть дела и не догадываясь о том, что происходит, без пользы и успеха провел бесчисленные дни и ночи на берегу озера Манонанда, добиваясь дружбы со слоном Схаддантагазой. Недаром мудрость древних говорит: сам не поспешишь — и дела не решишь! О том и поучительная притча.

Любезная фея нам только что поведала историю о том, как патиск и грубая сила терпят поражение, а ласковая вкрадчивость одерживает победу: те государи, что обладали умением летать по воздуху, проходить сквозь землю, менять облик, вселяться в любое тело или владеть магической стрелой, успеха в своих делах не достигли; у цели оказался лишь сладкогласный, покорявший всех и каждого чарами своих речей. По-вашему, выходит, только нежной лаской, кротким смиреннем можно достичь заветной цели! Царь Сария привлек всех встречных волшебным сладкозвучием, разжалобил униженными просьбами; вам кажется, что был он кроток и безропотен, однако втайне все же действовал настойчиво, с расчетом, без колебания стремясь к желанному предмету. А вот в моей истории царевич Падейгга тоже был почитителен и ласков со слоном Схаддантагазою, кормил его и холил, не помышляя о насильи, да только оказался слишком робок и медлителен — время прошло, а все его усилия и старания пропали даром... Кто же прав? Что истинно? Медлительная кротость или стремительное упорство? Если призадуматься, то можно вспомнить немало притч, в которых говорится о пользе быстрых действий... Судите сами! Позволю себе вновь, не соблюдая очередности, напомнить вам еще одну историю о том, как промедление мешает благополучию.

Пока время тянется — и красоты не останется

В давние времена у государя Затарупы, правившего в стране Инисалави, и его супруги, царицы Кинсанадеви, была дочь-царевна по имени Памоуттагива. Когда она достигла брачного возраста, то уже владела всеми пятью достоинствами женской красоты и трудно было найти ей соперниц. И вот предусмотрительные родители, стремясь уберечь свою дочь от мужского глаза, поселили ее в недоступном дворце из золота нарани в окружении пятисотенной свиты.

В ту же самую пору четыре родные сестры — небесные феи Бирани, Тукханги, Кальяни и Випами, дочери некоего ната-гандаббы¹⁰⁶, — одновременно понесли от соития с государем натов Манутихой. И вот на десятый месяц им приспело время родить. Бирани произвела на свет сына, блиставшего и сверкавшего, точно золото, красотою своей затмившего всех отпрысков богов, и нарекли его за это Рупатара, что означает «Прекраснотелый». Кальяни произвела на свет сына с нежным и ласковым голосом, покрывшим и ухо и сердце, будто волшебное пение царя птиц Гаруды или баюкающие речи государя Брахмы¹⁰⁷, и нарекли его за это Таддатара, что означает «Сладкогласный». Випами произвела на свет сына с чудесной кожей, гладкой и нежной, манящей и успокаивающей, мягкой, словно бархат, пушистой, точно мех, и нарекли его за это Пхоттапатара, что означает «Ласковокожий». А Тукханги произвела на свет сына, пленяющего дивным ароматом, перед которым не смог бы устоять никто из смертных, и нарекли его за это Гандатара, что означает «Благоуханный».

Когда все четверо младенцев подросли и вступили в пору юности, их отец, царь натов Манутиха, сказал им: «О возлюбленные мои сыновья, отправляйтесь в мир людей и там, найдя себе достойную супругу, обзаводитесь домом и семьей!»

И вот четыре небесных юноши, вооружившись обоюдоострыми мечами, спустились в мир людей и прибыли в великую страну Инисалави. Очень скоро среди жителей страны пошла слава о юных пришельцах — их красоте, благоуханности, сладкогласности и мягкости кожи.

Царь Затарупа как-то раз спросил про четырех юно-

шей и услышал в ответ: «Это, верно, сыновья государя-пата Манутихи!» — «Значит, все они отпрыски высокого рода!» — решил царь и велел приблизить их к своей особе.

И вот однажды государь страны Иинсалави, видя столь высокие достоинства в каждом из братьев, задумал сосватать их своей дочери — царевне Гамоуттагиве. Однако, равно любя и почитая всех четверых, он сам не смог остановить свой выбор ни на одном и в затруднении, призвав небесных юношей, так им сказал: «Каждый из вас любим моему сердцу и дорог, как родной сын. И вот решился я с вами породниться, отдав в супруги свою дочь-царевну. Однако если я женю на ней одного из четверых, то остальные трое могут быть в обиде. Но мне, так все вы одинаково достойны Гамоуттагивы, и я бы даже не решился предпочесть кого-нибудь другим. Пусть же избранником окажется тот, кто сумеет завоевать любовь и благосклонность самой царевны. Ступайте все в ее дворец и попытайтесь соблазнить мою неприступную дочь!»

И вот с благословения государя все четверо братьев отправились в золотой дворец царевны Гамоуттагивы. Первым поднялся в ее покои Таддатар — «Сладкогласный». Нежным своим голосом, изысканною речью привлек он внимание царевны, стал восхвалять ее красу, а уж после со всею пылкостью поведал о своей любви. Завороженная Гамоуттагива молча внимала его словам и, охваченная неведомым ей чувством любви, в порыве сильного желания, жаждая увидеть нежногоголосого юношу, распахнула «Львиные двери» своих комнат. И тут она узрела дивную красоту другого брата — Рупатары — «Прекраснотелого». Не в силах оторваться от небесного видения, царевна все смотрела и смотрела — теперь уже любовь ее предназначалась лишь ему. Но вдруг неожиданно подул легкий ветер, и ласковый его порыв донес до Гамоуттагивы чудный и пьянящий аромат, исходивший от третьего брата — Гандатары — «Благоуханного». Вдыхая сладкий и манящий запах, царевна уже была под обаянием нового чувства и всем существом стремилась к Гандатару, любя лишь его, помышляя только о нем.

Наблюдая все это, четвертый брат, Пхоттхаппатара — «Ласковокожий», подумал: «Трех моих братьев царевна уже полюбила! Пора теперь действовать и мне!»

И тут, сделав вид, будто хочет поддержать усталую деву, он как бы невзначай слегка коснулся ее руки, потом

незаметно обнял юную красавицу и прижался к ней. Ощувив мягкое и ласковое прикосновение, почувствовав нежное тепло и щекочущую дрожь бархатистой кожи юного небожителя, царица вздрогнула, точно неведомый ток пронизал все ее тело до самых костей. В мгновение ока любовный взор и страстное желание смятенной Гамоуттагивы обратились к Пхоттхапцатаре, теперь она уже могла считать избранником его.

Вот так благодаря своим чудесным качествам все четыре сына небесного государя Манутихи легко завоевали благосклонность высокородной царицы Гамоуттагивы. Тогда и оказалось, что дочь царя Затарупы не может отринуть ни одного из братьев, ибо ни к кому из них не питает отвращения и каждый ей по-своему дорог и мил. Слушая первого, она радостно ему внемлет: глядя на второго, она не в силах отвести восторженного взора; вдыхая аромат третьего, она томится любовною жаждой; а лишь коснувшись четвертого, уже готова отдать себя ему. Как же было ей выбрать достойного мужа? Любя их всех, царица в отчаянии гадала, кого же предпочесть, кто из четверых ей дороже и желаннее! Прикидывая и так и этак, десятки раз меняя свой выбор, царица, как ни старалась, была не в состоянии отвернуться от троих ради четвертого. Вот и жила она в одиночестве в своем роскошном золотом дворце, не ведая, как поступить. А между тем время шло, тянулись бесконечные дни, царица старилась, и красота ее заметно увядала... Что же до братьев, то им наскучило смиренно дожидаться выбора царицы, терпение их постепенно иссякало, любовь слабела и хирела. И вот однажды, собравшись вместе, они посоветовались и решили искать себе супругу в других местах. Расставшись миролюбиво, по-братски, они разошлись в разные стороны. А царица Гамоуттагива, точно дитя, пристрастившееся к сладким плодам, думала уже только о четырех братьях и всю жизнь любила лишь их одних.

История эта весьма назидательна, не так ли, мои благородные слушательницы? Разве подобное не может случиться и с вашей госпожой? Всю жизнь проводя в заповедном граде, как царица Гамоуттагива в золотом дворце Пинсалави, и ожидая достойного супруга, вдруг встретится с тремя или четырьмя женихами сразу: один ее привлечет внешностью, другой понравится силой своей, третий покорит добродетелью! И вот она полюбит одновременно

нескольких, как полюбила Гамоуттагива, а главное — не решится выбрать самого желанного. Что же ей тогда делать, как не сидеть до старости в одиночестве или согласиться выйти замуж за кого попало?!

Хоть стран и государств на свете много, все же во владениях Тиджамина, не говоря уже о четырех великих островах, включая остров Забу, вам не сыскать — выбирай вы даже из сотен тысяч! — столь славного, мудрого и сильного героя, который бы посмел соперничать с великим нашим господином Эйндакоуммой! Однако помните: пусть он праведен, мудр, терпелив — все же не стоит бесконечно испытывать его благосклонность; ведь не ровен час, а может случиться, как в только что изложенной вам притче!

На этом хитроумный Пинняхата, увлекшийся собственным красноречием, и закончил свое повествование.

— Милая Падуматейнги, — заговорила тут Яtimoутта, намеренно обращаясь лишь к своей подруге, — мы должным образом подумаем, всё обсудим и решим, как нам устроить судьбу наших славных властителей — царевича и царевны, дабы их любовь никогда не пришла в упадок. Впредь у нас еще не однажды будет случай поболтать, пошутить, рассказать поучительную притчу и выслушать собеседника. Хорошенько поразмыслив, вновь постараемся убедить наших искусных противников в споре, показав им примеры, достойные подражания. Правда, от задуманного до желаемого и от желаемого до исполненного еще очень далеко. И разговорами делу не всегда поможешь! К тому же все женщины, как принято считать, в серьезных спорах не сильны. Хотя напомним, что обитательницы Рубиновых чертогов — и сама хозяйка, и ее рабыни — знакомы со святыми книгами, читали сочинения мудрейших и потому в словесных битвах небезоружны.

Подобно тому как у хитроумных законников, пронырливых судейских, которые не знают затруднений в спорах и беседах, а доводы свои приводят бесконечно, точно срываю́т желанные плоды с невиданного дерева падста¹⁰⁸, на все готов ответ, так и у наших новых знакомцев речи искусны и умелы, в запасе всегда есть назидательные притчи, сказки или басни, истории с намеком, ловкое присловие. За словом в карман они не лезут. Где уж нам, неумелым и робким, возражать таким противникам?!

Недавно, когда, прибыв на берег озера Навада и стыдясь явиться перед золотым ликом благородного владыки,

мы скромно стали поодадь, вдруг ни с того ни с сего нам начали грозить, страшали грубой силой. И так, увы, бывает часто! Нас слушать не хотят, а коли слушают, не понимают, почитая наши речи вздором... А ведь, когда на днях Йоханамейтта и Гандамала в почтительной беседе намекнули благородной нашей госпоже, она, хоть и была во власти любовного мечтания, все же при мысли о встрече с государем Эйндакоуммой сильно испугалась и устыдилась — вдруг как-то даже вся поникла. Теперь-то, верно, уже оправилась от сильного испуга...

Так сетовала Яtimoутта в своей речи к Падуматейнги. Но тут вмешался слушавший ее внимательно Пинняхата:

— О достойные феи, преданно исполняющие свой долг перед госпожой! Вы изволили столь лестно отозваться о моем скромном знании назидательных примеров из древних книг, сравнили даже с хитроумным законником... Однако в ваших взволнованных речах я уловил неодобрение: вот, дескать, все, как сказано у древних, «слова пустые, точно дерево без сердцевины, а льются безудержно, как талые воды...» Но долее не стану злоупотреблять вашим терпением. Я теперь уже понял, что своими поучительными рассказами любезные феи стараются убедить, будто спешить не стоит: пусть время тянется подольше — об этом все вы только и печетесь! Впрочем, сколько мы тут ни говорим, как рьяно ни спорим, к согласию все никак прийти не можем! Сейчас хочу лишь одного: из ваших уст услышать, как чувствует себя царевна и что она изволила сказать.

Отвечать дотошному Пинняхате решилась юная, но рассудительная Падуматейнги.

— О благородный Пинняхата,— начала она,— поведаю о том, что случилось в Рубиновых чертогах нашей милостивой госпожи. Но прежде надобно представить великолепие царевниных покоев. В Янтарном зале, где стены сделаны из разноцветного стекла, с резными украшениями в виде цветов и листьев из девяти драгоценнейших камней¹⁰⁹, искусно перевитых нитями прекрасных изумрудов с вкраплением невиданных алмазов, стоит роскошное царственное ложе. В основании его — гигантский рубин зотирата двенадцати пядей в длину четырех локтей в ширину¹¹⁰; на этом редком рубине сидит, опираясь на все четыре лапы, мощный манутиха¹¹¹, а рядом с ним, у изголовья, где собирается взлететь причудливая нара¹¹², ловко

вырезанная из клыков и кости, на переливчатом рубине матараган, над тем заветным местом, куда кладется царская подушка, выгнув шею, парит небесная птица Гаруда. Сама постель воздушна и мягка, как та небесная ткань, что носят наты, словно ковер из нежных и юных лепестков золотого лотоса: поверх плотной львиной шкуры положены подушки из пушистого войлока, а выше в сто слоев расстелен нежный желтый хлопок, доставленный из царства га-лоунов,— будто золотистокрылые мушки мирнадами стелились в густую шерсть горного яка. На ласковую гладь верхнего слоя, туда, где царственная щека касается подушки, стелют особую ткань — прозрачный и легкий шелк небесных натов — словно морская пена, многослойно вздымается он над изголовьем. Вот на таком-то невиданном ложе в Янтари-см покое изволит почивать наша юная госпожа...

Лишь только сладкая дрема смежила ее веки, под бархатный полог, струящийся вниз от стеклянной крыши, неожиданно-негаданно впорхнула откуда-то красивая бабочка, яркая и блестящая, словно выточенная из небесного золота тейнганей. Испуганно заметавшись под балдахином ложа царевны, она носилась с юга на север и с севера на юг; нежные ее крылышки мерно ударили по воздуху с чуть слышным шорохом, а от стремительного полета вдруг поднялся едва заметный ветерок, подобный легкому дыханию ребенка. Ласковый зефир пробежал над ложем Велумьясвы, шевельнул и приподнял крохотный вымпел, так что он своим краем задел изумрудный цветок балдахина,— и вот на мгновение рыбая тень упала на нежную кожу царевны; почувствовав холод, госпожа тотчас вскрикнула во сне. Дыхание зефира коснулось тонкой паутины едва заметных жилок на изумрудной коже — тут уж царевна пробудилась и стала жаловаться, что мы-де не закрыли резного оконца, богато украшенного гирляндами камней в целых пятьсот рядов. Вот ветер и проник, а с ним и холод!.. Тогда придворные девушки, няни и служанки засуетились; подозревая, что неожиданный ветер не мог ворваться через окно, все уцепились за драгоценные подвески, чтобы не качались, и стали пристально следить за пологом. Тут и заметили злополучную бабочку.

«Ах, милостивая госпожа, единой, даже самой узкой щели нет в оконной нише, завешанной в пятьсот рядов драгоценными бусами. Мы и сами в толк не можем взять,

как это под кров дворца, куда ни ветер не пробьется, ни пыль не пролетит, вдруг впорхнула бабочка. Что это значит — почему она проникла сквозь плотный балдахин? От взмаха ее крыльев и поднялся тот легкий ветерок, несущий холод!» — так донесли царевне верные служанки во главе с Забутоундари.

У нашей юной повелительницы вдруг возникло неотступное желание самой взглянуть на бабочку. «Поймайте мне ее немедленно!» — повелела тут она.

Заюятана, Дигакета и другие девушки схватились за концы дорогого полотенца с золотою бахромой и принялись ловить непрошенную гостью с криком и гамом; но хоть они и суетились, махали веерами перед балдахином, все же бабочка успела сделать над царевной четыре или пять кругов, и от дуновения зефира, вновь возникшего при взмахе легких крыльев, расшитая изумрудными соцветиями тонкая рубашка с узким рукавом цвета багряных облаков вдруг распахнулась, и — о ужас! — расторопная бабочка стремглав метнулась вниз, проскользнула по складкам одеяния и села на нежный островок среди вздымающихся волн шелка; устроившись на грудь царевны, она уже далее лететь не собиралась.

«Ах, как красиво! — прошептала тут няня Ганатири, но мигом спохватилась: — Ох, прости меня, любезная госпожа!»

И, протянув руку, она уже хотела поймать бабочку, да успела лишь слегка коснуться крыльев. Испуганная бабочка тотчас взлетела и, плавно кружась, стала подниматься все выше, пока не достигла золоченых сводов дворцовой крыши, — и там вдруг пропала.

«Я хочу эту бабочку, дай же ее мне поскорее, матушка Ганатири!» — Нежный голосок ее высочества стал вдруг резок и требователен, детский каприз был усилен желанием. «Да ведь я только тронула ее...» — начала шепотом оправдываться огорченная Ганатири.

И вот, не смея оставаться в бездействии подле нашей госпожи, мы все опять засуетились в тщетной надежде разыскать злополучную бабочку; а юная повелительница вновь повторяла свою волю, требуя от нас невозможного. Но тут раздался голос Йоханамейтты: «Как поведал мне когда-то мой батюшка Девадита, в сладких и туманных грезах можно увидеть то, что будет после наяву — ведь сон и явь сплетаются неразрывно: некогда, в иной жизни,

влюбленные, не знавшие разлуки, теперь стремятся друг к другу. Прославленный царевич из Дворца Слоновой Кости движим неслабеющей любовью и жаждет встречи со своей суженой. Пусть вы пока в отдалении, но чувства ваши постоянны и прочны, судьбы ваши связаны уже давно, а прежняя любовь — залог будущей. И вот как знак напоминания о минувшем и грядущем царевич к вашему высочеству послал гонца любви. Теперь же этот мотылек пустился в обратный путь к чертогам из слоновой кости — зачем же преграждать ему дорогу? Пусть мотылек спокойно ворочается к тому, кто его сюда отправил!»

Так хитроумно и умело объяснила все догадливая Йоханамейтта.

«О милостивая госпожа, — сказала тогда Ятимоутта, — раз уж прилетела сюда эта бабочка, значит, царевич Эйндакоумма принял твердое решение явиться к вашей особе. Няня Ганатири здесь так суетилась, исполняя ваше повеление, что подняла невообразимый шум; вот почему я никак не могла доложить вашему высочеству о близящемся событии».

«Царевич Эйндакоумма боготворит вашу милость, — подтвердила Гандамала, — и горит желанием хоть раз взглянуть на вас. Ни днем ни ночью не ведает он покоя, старается как можно больше о вас услышать и узнать — и потому уж, верно, возвращению этой бабочки будет рад безмерно! Да, может, лучше мне теперь самой отправиться к благородному государю и пригласить его? Тогда уже не только мотылек, а наш царевич собственной персоной пожалует в Рубиновые чертоги, можете не сомневаться! А ваши подданные пусть как должно украсят все покои дворца. Исполнить поручение я готова, велите, госпожа!»

При этих неожиданных словах придворной фен Гандамалы все остальные девушки царевны, все няни, кормилицы, служанки оживились и захлопотали — начали судить да рядить, строить догадки, шушукаться, обмениваться намеками.

«Опомнитесь, что за вздор вы затеяли, что за детские шалости? Это все так унизительно... Если вы скажете еще хоть слово — я расплачусь!» — Голос царевны был тихим и утомленным, горькая укоризна звучала в ее жалобе. Чуть повернув нежную шейку и склонив прелестную головку, она щебетала, как усталая райская птичка. Расшалившиеся девушки и сама Гандамала тотчас прикусили языки, зама-

хали друг на друга руками, в испуге не зная, что предпринять. А благородный лик нашей повелительницы был нежен и прекрасен, точно розоватая жемчужина; по дивной глади юной щеки блестящими бусинками стекали ароматные капли пота, словно струйки благовонного нектара. Видя, что на яркое светило спустились тени, все мы замолчали и притихли.

Чтобы не смущать покой царевны, мы больше уж не смели весело болтать...

А ведь прежде бывало, и не раз, лишь наступят сумерки — в покоях госпожи зазвучит музыка, придворные танцовщицы игрою тонких рук надолго завладеют вниманием царевны; под звуки дудок, цимбал, нежной лютни, разных барабанов и барабанчиков, тарелок, веселого патталы¹¹³ поются песни, протяжные и сладостные для царского уха, а после нежной колыбельной царевну станут убаюкивать. Тут уж время к вечеру, пробьют первую стражу¹¹⁴, и наша повелительница начинает готовиться ко сну — чуть приподнявшись на царственном ложе, прощается со свитой на ночь. Мы все гурьбой, довольные и веселые, почтительно склоняемся до земли в знак обожания и преданности, а сами между тем толкаемся и спорим, стараясь протиснуться вперед, поближе к царственной особе. Тут без смеха и веселых шуток не обходится, однако все мы знаем меру, помним о придворном этикете и вольностей себе не позволяем; хотя в иное время нашей резвости, забавным перепалкам, хохоту и шуму не видно конца. Вот хотя бы взять тот раз, когда достойнейшая Ятимоутта возвратилась из Дворца Слоновой Кости, — помните, она носила ароматные цветы волшебной мьиззутаки вашему господину Эйндакоумме после того, как юная царевна исцелилась от солнечного удара с помощью снадобья из редкого сандала?! Уж тогда мы себе дали волю: лишь только Ятимоутта доложила царевне обо всем, наговорив с три короба, как начались догадки, разные предположения, споры. Забыв про стыд, шутили и смеялись, так что наша госпожа даже притворилась, будто сердится, и не пожелала слушать наших шуток! Запомните же, господин мой, что шум и многолюдье смущают юную царевну, в присутствии чужих она и слова не промолвит... Все же свое время и место, не стоит забывать, о благородный господин Пинняхата! Сколь пагубно доставить огорчение нашей юной повелительнице! Надобно как следует и не однажды все продумать, прежде

чем действовать... И то сказать, на белом свете нет жемчужины дороже и ценнее! К тому же она еще совсем дитя: беспечна, неопытна, наивна, не в силах пока расстаться с детскими причудами, капризами, с игрою и забавой — и в мыслях и в делах своих еще ребенок! Ей надо все прощать и многого не требовать! Ну, а уж если намерения ваши серьезны, речи и действия почтительны, то при благоприятной возможности мы тоже не останемся безучастными. Теперь же я позволю вам напомнить, что пора расстаться. Выполняя божественную волю вашего властелина, мы без промедления доложим нашей госпоже, и, как только будет на то ее соизволение, ваш государь направит золотые стопы к Рубиновым чертогам на Горе Ароматов; а после, к обоюдной радости, они соединятся в любви и счастье. Нам всем такая будущность желанна и приятна. Однако нынче еще не время, счастливый час пока не пробил — заветное свидание еще не близко, надобно, терпения набравшись, ждать и ждать... Так, нам кажется, думает и сама царица. А по прошествии отмеренного срока любовь и верность укрепятся, тогда мы все склонимся к царственным стопам владыки Эйндакоуммы, на всю оставшуюся жизнь с надеждой обретем приют в тени его великой славы...

Так завершила Подуматейинги под одобрение Ятимоуты и всей свиты речь свою к достойному Пинняхате.

На это Пинняхата счел своим долгом дать ответ.

— О драгоценные мои феи! Намерения ваши серьезны, а поведение достойно, как и подобает небесным девам высокого рода, царским дочерям. Предвидя грядущее, вы рассуждаете мудро; внемлющий вашим словам получит урок здравомыслия и благонравия. Но разве не памятна вам истина: долг исполняя высокий, пользу получишь двойную? Ведь если желаешь добра другому, то и себе невольно сделаешь добро. Эта истина проверена в веках. Когда чувства верны и любовь постоянна, а в душе нет сомнений, то медлить нельзя! Если все вы так твердо решите, сердце и разум помогут вам в ваших деяниях. Всякий, кто стремится к заветной цели, кто без усталости старается исполнить свой долг, пусть действует благородно, помня одно: дело ближнего — это твое дело! Истинный, преданный друг — и сейчас, и прежде, и после — друг и в печали, и в радости... Худо, если в глаза он льстит, а за спиною мстит — как говорится: на языке мед, а под языком лед...

Все вы, любезные мои собеседницы, полны благого рвения исполнить долг, отдав делу и мысль, и чувство, и силы, дабы свершилось задуманное. Вот и хочу, чтобы вы в ваших стараниях последовали бы примеру древнего царя черепах Сейттасулы — так же беззаветно служили добру, за что и были бы по заслугам возвышены. Об этом есть достойная внимания притча. Хоть вам она давно известна, даже, может быть, и надоела, все же позволю ее напомнить. Послушайте же меня, о благородные девы!

Службу исправно несешь — пользу свою соблюдешь

В давние времена правил в стране Мандабоумми царь Туриясанда, живший в любви и согласии с супругою своею, царицей Зарунандой, не ведая о разлуке. Но вот однажды наскучило им безвыездно сидеть в царских покоях золотого дворца, и решили они поразвлечься: под охраной воинов, в окружении свиты, пышной и многолюдной, с придворными и министрами отплыли они на большом судне к острову в бухте Велурия, у подножия горы Хмойоун. Путешествие по морю было приятным и сулило всем много радостей и удовольствий. Но лишь только царская ладья вышла в открытое море, погода начала портиться: подул сильный ветер, согнал тяжелые тучи, небо почернело, все вдруг потонуло в темной мгле, налетел ураган, один за другим стали взметаться к небу морские валы высотой с целую гору. Судно, на котором были царь Туриясанда с царицею Зарунандой, ее служанками, со всеми воинами и свитой, затрещало и распалось. В бухтах или устьях рек укрыться уже было невозможно; в страшном отчаянии все кричали и плакали, царственные супруги безуспешно призывали друг друга, спасения не было, надвигалась неминуемая беда. Поняв, что всем грозит гибель, государь обратился к небу и произнес заклинание: «Пусть морские волны не посмеют разорвать цепь нашей будущей жизни, пусть с моей милой супругой мы будем всегда неразлучны, пусть любимая государыня вечно хранит мне верность!»

Воскликнув так, царь Туриясанда, не проронив ни слова ропота, без единой жалобы, в тоске и скорби принял смерть.

После гибели царя Туриясанды душа его покинула бренное тело и продолжала свой долгий путь. И вот в стране Тириятана, где правил государь Дазэггазана, зачала супруга его, царица Кальянасари, и родила сына, которого нарекли Таддаммой, что означает «Явившийся по высшему закону». В те же сроки в царстве Тириятана были зачаты и родились на свет одновременно многие младенцы мужского пола. То были погибшие вместе с Туриясандой в волнах океана его полководцы и воины — в царстве Тириятана все они вновь стали дружинниками юного царевича Таддаммы.

А тем временем царица Заруванда, погрузившаяся в морскую пучину, вместе с пятью сотнями своих прислужниц возродилась в драгоценной сверкающей пене океана и была зачата в раковине-жемчужнице, одной из тех, в которых рождается прекрасный белый жемчуг. Что ни день покровительница моря могущественная фея Манимекхала неусыпно пеклась о них, а когда минул положенный срок, из нежной пены, как прекрасные россыпи девяти драгоценностей, явились на свет юная царевна с пятью сотнями своих прислужниц. Тут уж заботливая фея Манимекхала в устье реки своего имени прямо над водою с помощью божественной силы и чудесного умения возвела невиданный дворец с тридцатью башнями, положив в основание его волшебный камень, исполняющий любое желание и держащий дворец на воздухе. В том дворце, день и ночь неустанно заботясь, неусыпно пестуя, добрая фея кормила и растила юную царевну с ее свитою; а когда наступила пора зрелости и царевна налилась, точно спелый плод, всеми пятью соками женской красоты, фея Манимекхала нарекла ее именем Титалапаппа, что означает «Из Прохладных Вод Вышедшая».

«В то время когда утонул славный царь Туриясанда, — размышляла фея Манимекхала, — наслаждалась я небесным счастьем на веселом празднике натов в дивном дворце Тиджамина. Вот потому и не успела прийти на помощь гибнущим, оттого и не знаю, в какой стране, в чьем облике возродился достойный Туриясанда!»

Задумавшись, Манимекхала глянула божественным оком и узрела юного царевича Таддамму в стране Тириятана.

«По чьему желанию он явился?» — вновь спросила себя фея и, призвав на помощь высшую мудрость, тотчас

же открыла его происхождение, поняв, что перед нею тот, кто был прежде Туриясандой.

За великую его праведность и добродетель решила фея вознаградить царевича: открыв своей воспитаннице Титалапаппе все прошлое царевича Таддаммы, предсказала: «Этот юный государь непременно за тобою прибудет!»

После этого справедливая фея призвала царя крокодилов Тантумару и велела ему исполнить ее приказ: «Вместе с подданными своими ты станешь стеречь лукоморье. Как только в бухту явится царевич с намерением проникнуть в драгоценные чертоги Титалапаппы, ты доставишь его вместе с его дружиной к воротам парящего дворца. Ну, а я тем временем отправлюсь отдыхать и наслаждаться мирным счастьем в благодати небесных селений!»

И с такими словами фея Манимекхала удалилась в свои небесные покои. А между тем царевич Таддамма, высокородный отпрыск государя Дазэггазаны и супруги его Кальянасари, предавшись воспоминаниям о прошлой своей жизни, в вещем сне увидел все, что было прежде, и понял, что его погибшая в волнах супруга ныне живет в парящем над лагуною дворце близ устья реки Манимекхала. Узнав об этом, царевич испросил согласия у батюшки с матушкой и во главе своих воинов прибыл на берег моря, где в него впадала река, чтобы далее уже переправиться в летящий дворец, стоявший на волшебном камне. Повстречавшись с правителем крокодильевого царства Тантумарой, юный царевич стал просить, чтобы тот переправил его в чудесные чертоги. На это крокодил ответил: «О государь, небесная фея Манимекхала наказала мне: „Если прибудет, то перевезешь“, и вот я здесь, на берегах этой бухты, и день и ночь на страже... Давно уже ничего не ел, и силы мои иссякли. Если хочешь, чтобы я перевез тебя ко дворцу, отдай мне на закуску каждого десятого из твоих воинов!»

«Любезный властитель крокодилов,— воскликнул тут царевич Таддамма,— негоже из-за меня гибнуть моим воинам! Уж поднатужься как-нибудь и одного меня доставь в чудесный дворец. А я, лишь только ворочусь на родину, стану каждый день посылать тебе любого мяса, дичи, всякой снеди, буду всю жизнь кормить по твоему желанию. Теперь же постарайся!»

Так просил и обещал царевич Таддамма, но крокодил не соглашался и стоял на своем: «Если сейчас накормишь — перевезу в парящий дворец!»

Тогда отважный Таддамма решил: «Осмелятся ли волны принести мне гибель? Сражусь с судьбою!» И с этой мыслью он пошел на риск: воинам приказал остаться на берегу и терпеливо ожидать его возвращения, а сам, сжав в руке острый меч, напряг все силы, призвал на помощь все свое умение и прямо с берега прыгнул в морскую бездну, вздымавшуюся огромными валами. Когда он, рассекая волны, проплыл лагуну и оказался на расстоянии в одну утабу¹¹⁵ от заветного дворца, как раз в это самое время царица Титалапаппа, вспомнив предсказание феи Манимекхалы о том, что на берег реки придет царевич, вдруг надумала проверить, не появился ли желанный гость. И вот, находясь в Рубиновом покое парящего над лагуною дворца, она соизволила взглянуть в подзорную трубу с увеличительным стеклом из магического лунного камня, благодаря которому возможно было видеть то, что отстоит на расстоянии в сто юзан, причем так явственно и четко, будто это рядом. Лишь глянув в заповедное отверстие трубы, она тотчас заметила царевича, который, выбиваясь из последних сил, упрямо рассекал морские воды. Всплеснув своими нежными ручками и прижав их к груди, царица, долго не раздумывая, кликнула черепаху-привратника Сейттасулу и отправила его на помощь к изнемогающему от усталости Таддамме. Когда же Сейттасула благополучно доставил царевича во дворец, радости Титалапаппы и Таддаммы не было конца: счастьем и любовью наслаждались они вдвоем в Рубиновом покое дворца, а по прошествии семи дней из небесной обители натов спустилась к морю заботливая фея Манимекхала и скрепила брачный союз влюбленных.

Узнав о поведении крокодила, которому было поручено везти царевича, фея Манимекхала призвала его вместе со всеми его подданными и грозно спросила: «Как смел ты нарушить обещание и не исполнить долга?»

В гневе схватила она крокодилиный язык и вырвала его с корнем, лишив навсегда Тантумару способности чувствовать вкус и наслаждаться едой. Потом, собрав всех воинов из дружины Таддаммы, могущественная фея, пользуясь своим божественным умением, перенесла их вместе с диковинным дворцом, с царевною и царевичем в страну Тиритану. А там уж царевич Таддамма в благодарность за исполненную службу и спасение его августейшей жизни от неминуемой гибели пожаловал верному Сейттасуле

благодатное озеро Тусигеймман протяженностью в сто юзан, полное прекрасных лотосов со вкусными корнями и сочными стеблями, и сделал преданного своего слугу царем черепах и владыкою всех водяных существ под титулом «Сейттасула-раза», что означает «государь Сейттасула». В знак любви и признательности благодетельнице — фее Манимекхале — растроганный царевич построил уютную кумирню на главном крыльце своих чертогов и, дня не пропуская, усердно молился ей и делал подношения...

Разве не стоит запомнить эту притчу, любезные мои феи? А коли призадуматься, то уж, вне всякого сомнения, должно следовать примеру Сейттасулы! Ведь всем ясна мораль: службу исправно несешь — пользу свою соблюдешь! Мы призваны здесь действовать на благо высокородного царевича, славного властителя острова Забу. Хотя цель близка, усердия не занимать, а вот успеха нет как нет! Не кажется ли вам, что в наших жарких спорах, когда мы вновь и вновь подробно обсуждаем, как нам быть, пора бы уж от раза к разу становиться мягче и уступчивей, дабы наконец достичь обоюдного согласия? Прошу вас, поразмыслив над изречениями мудрых и взвесив то, что собираюсь еще сказать, прийти к благоприятному решению! Я твердо убежден и всей душою верю: коли мне теперь явиться к моему владыке и доложить о том, что долгожданное согласие получено и нынче же он может прибыть сюда, то суждены мне и царевича милость, и благосклонная награда, и почет. Но если стану я и дальше расточать перед царевичем пустые обещания, делать туманные намеки, не поминая об успехе, тут уж, верно, мне несдобровать: от монаршей кары не уйти, и вряд ли дело ограничится угрозами или порицаниями, боюсь, как бы не стерли в порошок! Вот почему и обращаюсь к вам с призывом. Мы ведь теперь не просто случайные встречные, мы хорошо друг друга знаем: я рад был познакомиться с достойными феями и прошу считать меня вашим преданным другом; а если так — давайте уж говорить начистоту, все взвесив и обдумав!

В следующий раз, когда вы соберетесь нас навестить, я, без сомнения, сразу проведу вас к особе властителя. Так будьте же благоразумны, действуйте во имя нашей общей пользы — с умом и осмотрительностью, помня о высокой цели, не отступая с избранного пути ни здесь, ни там, — нигде, ни в чем!

Так завершил свою пространную тираду Пинняхата. На это Падуматейнги и Яtimoутта сказали:

— Когда бы в месяце тазаунмоун¹¹⁶ вы сумели принести для украшения покоев царевны в Рубиновом дворце цветы тараби¹¹⁷ с золотистой пылью, что раскрывают почки и распускаются к началу лета¹¹⁸, то уж тогда вы смело, не колеблясь, смогли бы доложить его высочеству о том, что нынче срок благоприятный, согласие получено и приглашения в Рубиновый дворец недолго дожидаться!

При таких словах находчивый Пинняхата от удивления застыл на месте, ушам своим не веря: пусть даже предложение небесных фей на первый взгляд невыполнимо, но если уже речь зашла о цветах в подарок, то, значит, дело близится к развязке, притом благополучной. Тут радости его не было границ, и он вскричал:

— Что стоит сведущему в магии царевичу достать зимнюю летние цветы? Мне довелось когда-то собственными глазами видеть, как хитроумный Эйндакоумма (еще тогда мы жили на родине в Яммании) силой своих чар заставил расцвести засохшую от старости смоковницу, хоть это было вовсе не по времени, — все дерево покрылось тут же пышными цветами! Так будет и теперь: если появилась в том нужда — ко времени или нет, — а уже непременно добудем сколько надо цветов тараби. Что тут сомневаться? Вот, например, однажды приключилось, что в северном саду не плодоносило старое сандаловое дерево; прошел уже долгий срок, и ждать плодов не стоило. Но вот царевич повелел: «Пусть тотчас же все дерево покроется спелыми плодами, как заповедное древо желаний!» — и с этими словами метнул в сандаловое дерево волшебное копьё: молниеносно острие впилося в плотную древесину, глядь! — на полусохших ветвях вдруг стали появляться во множестве плоды, вбирая живительные соки, как щенки, которые сосут, изголодавшись, мать; потом они мгновенно созрели и налились... Выходит, как наш государь задумал — так и будет! Если у любезных фей имеются еще желания, то без стеснения пусть выскажут их все. Когда возникнет сильная потребность и душа чего-нибудь возжаждет — отриньте иные помыслы и стремитесь лишь к желанному. На этот раз вы долго колебались и упорствовали, словно страхась чего-то, а мы и вовсе пали духом... Однако после этих ваших слов уж для расстройства более нет причин!

Слушая торжествующего Пинняхату, феи явно присми-
рели — уже теперь они жалели об опрометчивости своего
хитроумного предложения: ведь они-то рассчитывали заве-
сти в тупик и ловкого царедворца, и его господина.

— Вы запугали нас могуществом и славой вашего вла-
дыки. Как бы магическая власть и сила не принесли нам
бедствия! Мы ревниво тщимся исполнить долг, соединив в
любви высокородных ната солнца и фею луны. Задача не
из легких. Недаром говорится: семь раз примерь — один
раз отрежь! Не стоит горячиться и спешить, а лучше тща-
тельно и кропотливо все проверить. В длинной-то веревке
и запутаться недолго. Осторожность не помеха! Лишь
терпеливым уговором добьешься толку. Вот потому уж
будьте осмотрительны, как станете докладывать царевичу,
не допустите какой-нибудь досадной промашки! Все, что
достойно внимания, представьте тонко и умело, чтобы рас-
положить к себе и к нам...

Беседуя так между собой, придворные девы Велумь-
ясвы и сподвижники царевича Эйндакоуммы не скупились
на разные примеры, назидательные притчи, изречения,
поочередно стараясь склонить собеседников на свою сто-
рону.

Тем временем уже спустилась ночь, и благородный
сверстник царевича Пинняхата в сопровождении своих
воинов покинул град на вершине Горы Ароматов и пустил-
ся в обратный путь на берег озера Навада к золотым сто-
пам владыки своего Эйндакоуммы.

А в это время царевич Эйндакоумма как раз устроил
потеху: велел собрать наловленных его дружинниками в
лесах Хемавунты диких зверей — леопардов, тигров,
львов, он приказал стравить их, дабы звери померились
друг с другом силою; пока они до изнеможения сражались
парами и грызлись, зрители бились об заклад, ставя, кто
на одного тигра, кто на другого, — тем и развлекались...

В самый разгар потехи как раз и прибыл Пинняхата
со своим отрядом. Не приступая с расспросами к послан-
цу, его высочество изволил удалиться в роскошные чертоги
из слоновьих бивней, ибо солнце уже зашло и наступила
ночь. Прошествовав в свои покои, царевич перед сном
устроил прощальный прием для многочисленных придвор-
ных и, возлежа на мягком ложе, благосклонно расспросил
Пинняхату о деле во всех подробностях. А преданный слу-
га поведал государю о том, что было и что слышал, ничего

не пропуская, начав с того, как от взмаха крыльев мотылька поднялся ветер, подувший на царевну, пока она спала на драгоценном ложе, как от ветра распахнулась легкая рубашка и как потом царевна долго капризничала и сердилась. Выслушав до конца доклад ретивого посланца, властелин небесного оружия воскликнул:

— О любезный братец Пинняхата, поведай снова о твоих великих победах!

При этом юный царевич от радости хлопал в ладоши и громко хохотал, так что даже поперхнулся бетелем, который держал во рту. Но вот, успокоившись, довольный, опять припнулся за расспросы, а верный его сподвижник, скромно склонив голову, вновь и вновь почтительно пересказывал царевичу события сегодняшнего дня.

Глава восьмая,
в которой
рассказывается
о том, как
придворные феи
развлекали
царевну Велумьясву

А Падуматейнги и Яtimoутта возвратились в Рубиновый дворец, когда солнце уже зашло и на небе сияла луна. Поднявшись по массивным золотым ступеням крытой лестницы, над которой вились огромные наги и, сложив крылья, сидели диковинные кейннары, обе феи в сопровождении служанок прошли в покои царевны. Дворцовая опочивальня блистала изысканным великолепием убранства: все девять видов драгоценных камней, вкрапленных ровными рядами, напоминая причудливые тыквы, сверкали в отделке дверей и окон, впуская в залу свежий ветерок; под просторным шатром восьмискатной крыши с украшениями из алмазов и изумрудов на роскошном ложе в форме дивного цветка ганго¹¹⁹, мягком и теплом, как самый лучший белоснежный войлок из Китая, нежилась юная Велумьясва. Вокруг нее живописными группами расположилась ее свита — все девы были в ярких, переливавшихся всеми цветами радуги юбках, отделанных золотом, слегка прихваченных на тонких талиях, и в ажурных кофточках, сшитых руками небесных фей и украшенных изумрудными подвесками.

Для улады царственных ушей придворные музыкант-

ши Хемамалла, Вунпазота, Хемавела, Неза и другие исполняли пленительные мелодии, в которых искусно сливались звуки нежной лютни, печальной скрипки, призывных барабанов и веселого патталы¹²⁰. В музыку придворного оркестра причудливо вплетались песни, томные и ласковые, — их пели юные девы из Дворца Ароматов. В этих песнях говорилось о том, как прекрасный царевич славного рода из некоей неведомой страны соединился узами брака с прелестной дочерью властителя золотого дворца, нежностью и чистотой соперничающей с дивными лотосами райских садов. И вот в изумрудных чертогах, на ложе, сверкающем рубинами, они познали радость наслаждения. Под мерно льющиеся любовные песни усердные служанки, стоя на почтительном расстоянии, обмахивали юную царевну несущими прохладу опахалами и веерами. А песня все текла и навевала сладостные грезы...

Тут к царевне приблизились ее верные подруги — феи Падуматейнги и Ятимоутта. Тотчас ласкающий и нежный голосок Велумьясвы спросил:

— Ушли с утра и только ночью вернулись! Отчего бы это?

В словах царевны слышался укор, и Ятимоутта начала почтительно оправдываться:

— Мы, ваши рабыни, царевна, были в столь сильном беспокойстве и смятении, что даже позабыли о времени — день на дворе или ночь, не помнили, где очутились и куда нам идти, — вот и не смогли вернуться вовремя. Ах, нет ни сил, ни разумения поведать госпоже о том, что с нами произошло!

— Ну, все теперь понятно, — притворясь обиженной, проговорила царевна. — Когда государь еще молод и занят в золотом дворце лишь детскими забавами — то бьет в барабан, то шумно играет, думая лишь о своих прихотях или капризах, — слугам раздолье: хотят — уйдут, хотят — вернуться, в самую рань — уже за оградой, а к ночи появятся — не ведают, где были, не помнят, с кем встречались... Не верю я ничему! Будь добра, матушка Махатала, расспроси Падуматейнги и Ятимоутту!

Услышав повеление царевны, Махатала, настроившись на нужный лад, принялась вышучивать опоздавших девушек. Видя, что Велумьясва, внимая ее речам, изволит улыбаться, она продолжала:

— Милые мои, что же это с вами стряслось? Видно,

и впрямь вы заблудились! Может, зрение подвело или вдруг отшибло память? А может, наши обольстительные девы оказались в обществе высоких особ? Не кривите душою, поведайте нам о приятном знакомстве!

— Ох, любезная моя госпожа, — обратилась няня Махатала к царевне, — скорее всего здесь кроется какая-то тайна!

Тут в опочивальне поднялся невообразимый шум и смех, посыпались вопросы — один каверзнее другого, шуткам не было конца. Когда же понемногу все утихомирились, Ятимоутта наконец сказала:

— В серьезных делах шутить негоже! А уж подругам, право, не к лицу так смеяться над чужими бедами!

Тогда няня Махатала, решив, что уж теперь настало время говорить степенно, зашептала почтительно юной царевне:

— Сдается мне, милая моя госпожа, девушкам есть что порассказать о встрече с государем, властителем небесного оружия, который недавно прислал вашему высочеству ароматного сандала, или с его соратниками и слугами! Однако, хоть мне и было повеление выведать у Падуматейнги и Ятимоутты о случившемся во всех подробностях, — все же им, как видно, неохота отвечать при посторонних. Должно быть, есть там много деликатного — они ведь обе так о госпоже пекутся! Похоже, что порученное дело их расстроило, — у бедных такой понурый вид!

Так на ушко своему любезному дитяти шептала преданная няня Махатала.

— Чего же им печалиться о чужих делах? — оживилась Велумьясва. — Ну, говорите же скорее, я жду!

Не смея ослушаться царевну, Ятимоутта смиренно приблизилась к драгоценному ложу и почтительно доложила:

— Уж если речь зашла о ваших верных рабынях, то мы всей душой преданы госпоже и служим только вашему высочеству. О постороннем, о чужих заботах мы и не помышляем. А думаем всечасно и печемся лишь о вашей пользе, лишь о ваших радостях, удобствах и благополучии. Да разве стоило бы держать никчемных слуг, если бы они вдруг не стали соблюдать господскую выгоду? Однако мы в своем усердии не можем преуспеть и все стараемся напрасно...

— Что-то не пойму твоих намеков! — в нетерпении пе-

ребила ее царевна. — О каких делах и о чьей пользе идет речь? И почему вы стараетесь напрасно? Говори понятнее, а то уж и вовсе заморочишь мне голову!

Но хитроумная Ятимоутта остереглась поведать прямо обо всем, что случилось, а повела свою речь окольным путем:

— Осмелюсь я напомнить вашему высочеству про поговорку «Если господин благосклонен, то и слуге вольготно». Когда все совершается по доброй воле и с согласия государя, то не о чем говорить; но если золотые уши не внемлют донесению раба, если ложная гордыня делает владыку недоступным и гневливым, тут уж за всякое слово верного слугу ожидает кара и наказание. В надежде на ваше милостивое внимание, чтобы пояснить свою мысль, осмелюсь поведать госпоже историю, названную:

Гнев господина — беда подданному!

Рассказывают, что в давние времена на озере Пауккхарани жила и властвовала золотая птица — хинта¹²¹ по имени Инзани с пятью сотнями своих подданных. Известно было также, что в то же время царь журавлей, которого звали Ниявутта, частенько проводил время и кормился в окружении многочисленной свиты на озере Таббакала. И вот однажды в той местности разразилась гроза, дул сильный ветер, хлестал дождь; молоденькая хинта по имени Уяни из окружения царицы Инзани заблудилась и, опасаясь урагана, не посмела лететь дальше. Потеряв дорогу на озеро Пауккхарани, она случайно залетела к берегу Таббакалы. Спустившись на воду, прелестная хинта тотчас нарядилась в одеяние из пяти лотосов¹²² и принялась беспечно резвиться в камышах. Тут и заметил ее царь журавлей Ниявутта. Решив добиться расположения юной красавицы, он обратился к ней с любовными речами, но Уяни отвечала так: «О царственный властитель журавлей, на озере Пауккхарани изволит править своим народом государыня Инзани. Лишь одна она достойна быть подругой венценосного владыки!»

И, сказав это, она полетела на свое родное озеро Пауккхарани.

С того дня как царь журавлей Ниявутта услышал о прекрасной хинте по имени Инзани, он потерял покой — не мог он уж более наслаждаться привольной жизнью, все тосковал и грезил лишь о царице озера Пауккхарани. И вот в один прекрасный день собрался Ниявутта и вместе с пятьюстами приближенных полетел на озеро, где властвовала Инзани. Прибыв туда, вся стая журавлей тотчас же опустилась на воду и начала кормиться. Заметив незваных гостей, царица-хинта прокричала: «Журавлям не место на нашем озере!» — «Любезная хинта, — ответил ей царь журавлей Ниявутта, — наше озеро Таббакала живописнее и красивее этого, к тому же у нас растут лотосы всех пяти лучших сортов. Их цветы так украшают озеро! Полетим туда со мною, о прекрасная хинта, будем вместе наслаждаться жизнью!»

Услышав зов Ниявутты, красавица Инзани рассердилась: «Не хочу лететь с вами, журавль и хинта не пара друг другу!» Тут-то и вмешалась юная Уяни: «О царица, на днях был сильный ураган, я сбилась с пути и случайно попала на озеро Таббакала. Там такая чистая, прозрачная вода, и все озеро покрыто драгоценными цветами лотоса. Озеро это прекраснее, чем заветное Нанда в стране натов. Вот в каком райском месте обитает славный царь журавлей Ниявутта со своим журавлиным народом. Поселились бы парой — были бы точно золото подле изумруда! Послушайте моего совета: без колебаний летите на чудесное озеро Таббакала! Супружеская жизнь с государем Ниявуттой сулит лишь счастье и наслаждение!»

Так убеждала юная хинта свою госпожу и царицу Инзани.

«Да разве журавль и хинта под стать друг другу? — вскричала властительница Пауккхарани. — Не к лицу мне такой союз!» И велела она своим подданным побить крыльями несносную Уяни. А сама царица гордо отвернулась. И сколько ни молил, ни уговаривал ее достойный Ниявутта — так согласия и не добился. Пришлось ему ни с чем возвращаться восвояси на озеро Таббакала.

Но вот однажды охотник Балабеда из страны Баянати¹²³ пришел к озеру Пауккхарани, расставил силки и начал ловить беспечных хинт. Что ни день, убивая пойманных птиц, он варил их и поедал. Видя все это, царица Инзани и ее приближенные уже более не смели оставаться на озере Пауккхарани и полетели прочь. Однако жить вдали

от воды им было невозможно, вот и опустились они на берег озера Таббакала, чтобы хоть немного подкрепиться. Увидав на поверхности воды прекрасные цветы пяти лотосов, Инзани поняла, что здесь и обитает благородный царь Ниявутта со своим журавлиным народом. Полная раскаяния и смирения, царица-хинта в сопровождении свиты явилась к Ниявутте с повинной, прося приюта и защиты. Повелитель журавлей с радостью простил ее, и с этого дня жили они до самой смерти в любви и счастье среди подданных своих — журавлей и хинт, также мирно и счастливо соединившихся в супружестве, не зная тягот и огорчений. И в эту пору безмятежного счастья, посреди любовных утех прекрасная царица Инзани вспомнила о жестокой судьбе юной хинты Уяни: в раскаянии своем, стремясь загладить несправедливость, супруга Ниявутты окружила изгнанную прежде хинту почетом и любовью и что ни день ее хвалила и ласкала...

Вот и выходит, что юная Уяни желала своей владычице лишь блага и советовала ей от чистого сердца, да поплатилась за искренние речи, так как госпожа была задета за живое и рассердилась, в гордости своей не зная меры. Потому и говорится: в гневе господин — виноват подданный. Ох, любезная моя царевна, надобно об этом хорошенько помнить и поступать осмотрительно. От слепящих лучей яркого солнца можно спастись, укрывшись за пологом, а от царственного гнева повелителя спасения нет. Столь он пагубен и опасен, что уж лучше поостеречься! Вот почему и не смею до конца поведать о моем деле!

На этом Ятимоутта прервала свою речь.

— Вот уж это мне странно, — обиженным голосом говорила царевна, — все вы печетесь о моей пользе, ходите за мной со дня моего рождения, служите верно и преданно, никогда я вас ничем не попрекала... Что бы вы ни подумали, что бы ни сказали — разве в силах я причинить вам зло? Если дело полезное, а речи достойные — зачем же отмалчиваться? Говорите, что надобно!

Притворно надулась царевна Велумьясва, но, по-детски наивная, не смогла она сдержать любопытства и поспешила дать милостивое согласие: кокетливо лепеча, она тут же повелела Ятимоутте продолжить свой рассказ, и та наконец, будто решившись, хоть и делая вид, что трепещет от страха, полная почтительной преданности и искреннего

благоволения, осмелилась слегка намекнуть о главном, осторожно приоткрыть завесу над сокровенной тайной, дабы настроить юную владычицу на нужный лад. Обдуманно и ловко подбирая выражения, сметливая Ятимоутта поведала царевне обо всем, что с ней произошло, придав событиям особый смысл и присовокупив подробности божественного свойства, на вымысел не поскупившись.

— Вчера, лишь только рассвело, мы с Падуматейнги, получив высочайшее разрешение, отлучились из дворца. Выйдя за дворцовую ограду, вблизи уединенной Обители Отдохновения ната Садутакхи мыли волосы и приводили себя в порядок. Там задержались, и вот пришлось нам быть свидетелями... В общем, оказалось, что благородный царевич, властелин небесного оружия, который соизволил поселиться во Дворце Слоновой Кости на берегу заповедного озера Навада, задумал переслать вашему высочеству божественный подарок — дивный цветок небесного растения атавати, что на земле зовется «страстоцветом». Для этого призвал он двух небесных натов, брата и сестру с Медной горы, и, приказав: «Сорвите дивный страстоцвет в дар прекрасной владычице Рубинового дворца!» — отправил обоих в царство небожителей. Узнав о поручении от прибывших натов, властитель неба Тиджамин, могучий Эйнда¹²⁴, воскликнул: «Коли этого желает мой любимый сын, то пусть они возьмут небесный дар!» Тогда уж нат — хранитель той заповедной горы, на которой произрастает атавати, без промедления сорвал и принес божественный цветок любви, пожалованный Тиджамином. Видя это, прекрасная фея, дочь одного из правителей страны Садумахаре¹²⁵, вдруг полюбопытствовала: «В какое царство, в чей дворец доставят этот благодатный цветок?» — «Властелин небесного оружия, могущественный и прекрасный, желает поднести его в подарок благородной царевне из Рубинового дворца, стоящего на вершине Горы Ароматов. Для того сей страстоцвет и сорван!» — ответил усердный нат-хранитель.

«О, тогда я знаю, это царевич Эйндакоумма из страны Яммании изволит посылать свой дар любви и сердца Велумьясве, прекрасной хозяйке Рубиновых чертогов! Не так ли?» — «Точно так, это дар любви в надежде на благосклонность!» — был ответ. «Передайте же благородному отпрыску всемогущего властелина небесных натов это по-

слание на золотой пластине!» — сказала фея из селений Садумахарей, и на тонком листе драгоценного золота за- бурей она начертала слова:

«Дивный цветок атавати, который ты замыслил послать в знак любви той, что обитает на Горе Ароматов, я у себя оставляю. Если сочтешь это дерзким и, распалась от злобы, явишься за цветком в царские чертоги страны Садумахарей, то в благодарность придется тебе, не зная снисхождения, усердно обтирать своими волосами золотые стопы Тиджамина^{126!}»

Вручив золотую пластину натам-посланцам, вздорная фея отправила их на берег озера Навада.

Явившись пред светлые очи царевича Эйндакоуммы, наты послушно исполнили порученное: сообщив о письме, они признались, что цветка не принесли. «Как вы посмели, повинувась женскому капризу, оставить дивный атавати, предназначенный в дар прекраснейшей из дев?» — В великом гневе царевич расколол на куски золотую пластину со злополучным посланием и разбросал их вокруг, а натов повелел наказать.

Верные слуги царевича схватили несчастных гонцов и, не ведая жалости, исполосовали им спины до крови и мяса, так что жутко было смотреть. Не в силах вынести муку и боль, брат и сестра, вырвавшись из рук истязателей, бежали прочь, и вот примчались искать спасения в обитель мудрого Садутакхи. Следом за ними явились воины царевича, а во главе их был преданный сподвижник Эйндакоуммы, круглолицый Пинняхата, с которым мы встречались прежде, когда на днях вручали дар нашей госпожи — цветы благовонной мьиззутаки. Тут мы и спросили Пинняхату о причине погони. Он же сказал: «Нужно примерно наказать дурных и безмозглых натов. От заслуженной кары им нет спасения! Раз был дан высочайший приказ — поймаем и воздадим по заслугам!»

Несчастные беглецы с окровавленными и вздувшимися спинами заплакали и стали молить о пощаде. Став на колени, взывали они к нам, моля о защите. Без сострадания на них невозможно было смотреть: жалкое зрелище — избитые наты.

«Пощадите же их, о достойнейший из подданных!» — обратились мы смиренно к жестокому мучителю. «Если сможете доложить обо всем вашей благородной госпоже и станете молить о снисхождении, распластавшись у ее ног,

так, чтобы, вняв мольбам, царевна благосклонно простила столь опасных преступников,— вот тогда им будет воля!» — ответил неумолимый Пинняхата.

Жалостью переполнились наши сердца, когда смотрели мы, как сочилась кровь по нежной коже брата и сестры; не могли мы вынести вида этой пытки, взяли грех на душу и крикнули злодею: «Остановись!»

Однако, явившись к вашему высочеству, не посмели открыть всю правду. А уж раз пришлось нам таиться, то поневоле уклонились мы от прямого ответа, так и попали, будто в тиски: куда ни двинься — всюду жмет!.. А уж то, о чем велел сказать Пинняхата, и вспомнить-то боялись. Расстроившись, и вовсе голову потеряли!

Так описывала волнующие события красноречивая Ятимоутта, втайне надеясь добиться хитростью от царевны благоприятного решения.

А юная Велумьясва, в томной неге раскинувшись на царском ложе, как будто пребывала в легкой дреме — рассеянная улыбка лишь временами скользила по ее прелестному и нежному лицу. Но вот, чуть приподнявшись на мягкой подушке, слегка опираясь на тонкую, почти бесплотную царственную ручку и обратив затуманенный дремотой взор к своим подданным, тихим, утомленным голосом проговорила:

— Неужели вы, бедные мои подруги, так старались, хлопотали — и все из-за меня? Как вам не надоест твердить все об одном? Оставьте же наконец ваши шутки. Об этом более ни слова!.. Недавно, когда срывала я ароматные цветы мыззутаки, обожгло меня солнечным лучом — в благодарность за душистое снадобье, столь удачно исцелившее меня, послала я в подарок драгоценные цветы. А вы все как будто только этого и ждали: тотчас же принялись за наставления, судили да рядили, и так и этак восхваляли царевича — намеки, предсказания, вразумительные притчи, чего я только не наслушалась от вас! И Падуматейнги, и ты, Ятимоутта, не обо мне вы печетесь, обе радеете о благе того царевича, который поселился во Дворце Слоновой Кости на берегу озера Навада! Да только попусту стараетесь!.. Ну, разве это не чудовищно — столь преданно служить чужому господину?

— О ваше высочество,— воскликнула тут Падуматейнги,— благородный царевич, о котором вы изволили упомянуть, ищет встречи с вами, а ведь в будущем ему суждено

сделаться властителем острова Забу с окрестностями, а может быть, даже и всех стран на четырех великих островах... Коль скоро юные супруги соединятся в любви и счастье, нам, вашим подданным, иной радости в жизни и не надо. Все мы только и ждем милостивого согласия вашего высочества, одна лишь благосклонная улыбка — и будем удовлетворены: ведь если господин не знает огорчений, то счастлив и слуга! Лишь к этому мы все стремимся, лишь об одном все наши помыслы... Сколь счастливы и благодарны небу были бы ваши верные рабыни, если бы две судьбы оказались связанными навеки, если бы взаимная любовь, могущество и власть соединили прочными узами две благородные жизни! Однако речи наши не убеждают, а доказательствам нет веры. Ну, как тут не прийти в уныние? Невольно на ум приходит притча, в которой рассказывается о подобном происшествии. Наша доля так же незавидна, как и судьба лягушки из этого старинного рассказа. Будьте же снисходительны, ваше высочество, и соблаговолите выслушать историю.

Ближних возлюбишь — себя погубишь!

В давние времена в ручье Тандака, населенном золотистыми рыбками из породы змееголовых¹²⁷, жили в счастливом супружестве царь рыб Тейнганейккхама и царица Наликая. И вот однажды, когда долго лили сильные дожди и вода в ручье поднялась, так что не было уже ни мелей, ни порогов на всем пути от истока до устья, обрадованная царица Наликая, наслаждаясь полноводьем, заплывала случайно в незнакомый ручей, а оттуда в пруд, известный под названием Гиссхая. Не ведая о времени, беспечная Наликая весело резвилась на новом месте. Между тем пора дождей миновала, наступила жаркая засуха, от палящего зноя появились широкие мели, обнажилось песчаное дно. Возвратиться в свой родной ручей Тандака рыбка Наликая уже не могла, так и пришлось ей остаться в пруду Гиссхая.

А тем временем царь Тейнганейккхама все разыскивал пропавшую супругу — плывал по течению и вверх и вниз,

но ни в воде, ни в иле не мог ее найти и оттого печалился и тосковал.

Несчастливая же Наликая все безуспешно пыталась выбраться из мелеющего пруда Гиссая: переползая по песку из лужи в лужу, она вконец изнемогла и выбилась из сил. В отчаянии, не зная, что и предпринять, лежала обессиленная Наликая на песке, положив голову на край берега, когда заметила ее лягушка по имени Мандука, случайно прыгнувшая в пруд Гиссая.

«Зачем ты высунула голову на берег? — спросила она у Наликаи. — Верно, забыла, что можешь очутиться в клюве у цапли или ворона?»

Тут незадачливая золотая рыбка поведала лягушке о своей печальной участи.

«Дорогая Мандука, не сможешь ли добраться до ручья Тандака и рассказать царю Тейнганейккхаме о том, что здесь со мной случилось?»

Лягушка сжалась над золотой рыбкой и отправилась в ручей Тандака. Разыскав царя, она передала ему все, что наказала ей злосчастная Наликая.

«Ах, милая Мандука, — воскликнул тут царь рыб Тейнганейккхама, — природа даровала тебе и твоему племени громкий и призывный голос; стоит вам собраться и хором завести свою песню, как дождевые наты, слышав просьбу о дожде, сразу начинают веселый праздник — скачут, прыгают и пляшут за облаками, а с неба сыплются прохладные брызги, стучат тяжелые капли, льются дождевые струи... Так ведь бывает каждый год. Дорогая Мандука, сжался над нами, начни свою призывную песню, пусть прольется дождь на землю!»

Искренне и слезно просил лягушку царь рыб — безысходная тоска по возлюбленной супруге была в словах Тейнганейккхамы. Жаль стало Мандуке несчастных рыб, не посмела она отказать настойчивой просьбе и решила так: «Ведь не ради своей корысти, а из любви и сострадания к разлученным супругам! Пусть же поскорее они соединятся, пусть живут, как прежде, не ведая печали!»

И вот, наконец решившись, завела лягушка свою песню, громко заквакала, обращаясь к небесам. Показалось ей, будто небо потемнело, будто начали сходить дождевые тучи. Тут уж, собравшись с силами, принялась лягушка квакать во все горло, не давая себе отдыха ни на мгнове-

ние, — лишь бы вновь соединить несчастных супругов! Так старалась и так надсаживалась Мандука, что, не выдержав, лопнула от натуги...

Вот и мы, как эта несмышленная лягушка, устали не зная, стараемся оказать благую помощь, дабы встретились на пути любви и счастья ваше высочество и благородный царевич; чтобы, познакомившись, полюбили друг друга, сочетались бы на всю жизнь для вечного блаженства, жили бы всегда в богатстве и радости, не ведая ни разлуки, ни печали... Все наши думы и заботы лишь о вашем счастье — ради вас готовы на любые лишения, больше ни о ком и ни о чем не смеем и помыслить, всю нашу нежность и ласку без остатка приносим к ногам госпожи...

Так закончила свою речь Падуматейнги. Озабоченно выслушав благородную деву, юная царевна кротко улыбнулась и сказала:

— Все дело в том, что ты, дорогая Падуматейнги, и ты, милая Ятимоутта, — обе вы, не переставая, твердите мне лишь о царевиче, который поселился во Дворце Слоновой Кости. Хотя это и странно, но ни о чем другом вы со мною говорить не желаете. Давно уж мы не развлекались. Соскучилась я без песен и без танцев. Вот мы с сестрицами и нянюшками немного и посмеялись над вами. Теперь уже я нисколько не сержусь и больше не стану вас вышучивать. Да только стыд и страх меня не покидают... А вы еще меня всячески разыгрывали, не мудрено, что я в душе досадовала. Вы уж впредь извольте воздерживаться от глупых шуток, нечистых намеков про возлюбленных да суженых, про разные любовные дела, про страсть и ревность. Мне это неприятно. Не старайтесь же вперед дразнить меня и обижать! А то уж было вовсе лишили меня покоя: будто сговорились, собрались вокруг и все толкуете лишь об одном — эта восхваляет, другая запугивает, третья сочиняет небылицы. Из-за ваших рассказов и басен я совсем потеряла голову... Ведь я еще так неопытна — не понимаю, что и почему. Наслушаюсь тут ваших наущений, пустых советов моих неразумных сестриц, да и соглашусь на любовное свидание — ведь вам же будет хуже: государь мой батюшка меня-то не тронет, зато уж вам не поздоровится — только сестриц и обвинят в моем грехе, дескать, сами расчистили путь соблазнителью! Тут уж вас жестоко покарают, на пощаду не надейтесь! Хочу разом всех моих подруг предостеречь: сколь бы ни были искрен-

ни ваши чувства, преданна ваша любовь ко мне, добры ваши намерения, вину возложат лишь на вас, уж помяните мое слово!

Когда царица кончила, то Ятимоутта не посмела ничего сказать в ответ, а лишь молчала, низко опустив голову; тут не выдержала и вмешалась Йоханамейтта:

— О, сколь достойно сожаления все это! Мы, ваши преданные слуги, стараемся все делать вам на благо, а вы, ваше высочество, грозите нам расправой, не суля прощения!

— Помилуй, ведь я же говорю это без гнева и злорадства,— поспешно возразила ей царица.— Не от меня исходит наказание. Осудит и покарает вас мой батюшка. Пусть даже стану я просить о снисхождении, бурный гнев его не смирится... Увы, и мне самой все это радости не обещает!

— Ах, ваше высочество,— не унималась Йоханамейтта,— неужели ваш могущественный батюшка, государь-пат Малладева, сможет осудить нас лишь за то, что, преданно служа вам, мы без усталости печемся о царском благополучии, за то, что всей душою любим вас и почитаем, в усердии своем не зная меры?

— Увы, боюсь, что так,— вздохнула царица.— Хотя я и дочь венценосца, все же и надо мною есть власть! Как же посмею противиться родительской воле?

— Полно, моя благородная госпожа, все не столь уж опасно — есть выход и здесь,— продолжала Йоханамейтта,— стоит вам только хитроумною речью защитить ваших ревностных слуг, если, конечно, в душе вашей родится искренняя любовь и милостивое сострадание к несчастным. Покров тайны нас охранит от государева гнева!

— Ну, коли так,— оживилась Велумьясва,— то поведайте мне, любезные сестрицы, как уберечься от наказания и смягчить неукротимый нрав моего родителя! Выслушав вас, верно, стану умнее!

— О ваше высочество,— воскликнула тут Йоханамейтта,— средство к спасению найти не так-то просто. Разве посмею давать вам советы? Однако позвольте поведать вам притчу: поразмыслив над мудростью древних, сами почерпнете нужный намек! Прислушайтесь же благо-склонно к истории.

Речи родительской кротко внимай —
с хитростью пользу свою соблюдай!

В давние времена жили в счастливом супружестве царь Бахоуттуда, правивший страню Яммапура, и царица Сейттаганди; в должный срок родилась у них дочь — плод любовных утех и брачного рвения. Когда достигла она совершеннолетия, за острый ум, глубокое знание и невиданную смекалку дали ей имя Нандамайя, что означает «Хитроумная». Была царевна не только умна, но и прекрасна — владела всеми дарами женской красоты. Именно по этой причине царь-отец Бахоуттуда решил: «Никто из смертных недостойн моей дочери-царевны!»

И с этою мыслью повелел он воздвигнуть для Нандамайи дворец, сколь роскошный, столь и неприступный: в покои царевны был сделан лишь один вход с единственной дверью и лестницей, ведущей к этой двери, только с одной стороны можно было попасть во дворец, окруженный глухой и высокой стеною, чтобы никто из мужчин даже и не помыслил проникнуть туда. Любя и оберегая свое драгоценное чадо, государь страны Яммапура сам надзирал за дворцовым порядком и каждый день, каждую ночь являлся в покои царевны с доглядом.

В то же время страной Зеябуми правил государь Наратаба, у которого от супруги его, царицы Кетани, был сын — царевич Занейя. Вот услышал царевич Занейя о достоинствах царевны Нандамайи, испросил согласия у батюшки с матушкой и, собрав пять сотен воинов, захватив золота, серебра, драгоценных камней, отправился в далекую страну Яммапуру. Благополучно прибыв туда, стал он расспрашивать и разузнавать, где бы можно было найти подходящее место для лагеря; тут счастливый случай и свел его с кормилицей царевны по имени Панама. Откровенно, со всеми подробностями поведав ей о цели своего прибытия, не поскупился царевич на богатые подарки, а при этом наказал кормилице: «Уговори, матушка, свою юную госпожу, пусть согласится на свидание со мною! А уж после, если достигну своего, отблагодарю тебя по-царски!» Хитрая служанка долго не рядилась; лишь расставшись с Занейей, явилась в покои царевны и без проволочек принялась за дело: начала в один прекрасный день задушевный разговор — сначала исподволь, потом украд-

кой, а уж там, глядишь, — и в открытую; стала она улащать царевну, соблазнять, приводить счастливые примеры из мудрых книг. Так вот с легкой руки настойчивой Панамы юная царевна Нандамайя воспылала страстью к незнакомому царевичу Занейе и однажды согласилась на свидание с ним. Расторопная Панама поспешила в лагерь царевича с радостным известием: дескать, дело сделано, и цель уже не за горами. Тут же обо всем договорилась; нянька рассказала Занейе, как ему пробраться во дворец, а сама, довольная, вернулась в покои своей юной госпожи.

Лишь настала ночь, царевич Занейя, вооружившись обоюдоострым мечом, пустился в путь, следуя указаниям кормилицы Панамы. Добравшись до заповедного дворца Нандамайи, он ловко обвязал себя золотой веревкой, а поджидавшие его наперсницы царевны разобрали пол в опочивальне и в широкое отверстие втащили царевича Занейю. Очутившись наедине в покоях Нандамайи, царевич и царевна не тратили слов напрасно, а в молчаливой тишине прильнули друг к другу и с пылом юной страсти предались любовным утехам; девственность и юность в наслаждении обретали зрелость. Упоенные любовью, оба не заметили, как подошло время еженощного обхода, который совершал государь-отец в покоях дочери. Тут уж пришлось Занейе прервать любовный пир и возвращаться восвояси: вновь вскрыли пол в опочивальне и на веревке опустили царевича на землю. Лишь только он покинул дворец царевны, Нандамайя призвала свою няню Панаму и, томно улыбаясь, проговорила:

«Ах, матушка, твой царевич вконец меня измучил. Как он только не изощрялся — ласкал меня и целовал, гладил и шипал, живого места на теле моем не оставил, всю пере-пробовал до кончиков пальцев на руках и на ногах. Я уж почти лишилась чувств, только и могла, что стонать да бессвязно бормотать. Была бы я цветком — то вмиг увяла бы. Но, к счастью, женской доблестью природа меня не обделила — а то бы и несдобровать!»

Слушая царевну, кормилица Панама, а с нею все подруги и служанки не могли удержаться от смеха. В разгар их веселого хохота и явился во дворец проведать Нандамайю государь-отец Бахоуттуда. Еще на лестнице отчетливо услышав неурочный шум, слова царевны и голоса служанок, он сильно обеспокоился и, поспешно поднявшись в опочивальню, встревоженно спросил: «Что это за

царевич, про которого тут шла речь? Откуда он явился и кто его впустил?»

На это царевна Нандамайя, не изменившись в лице ничуть, так что даже не дрогнул ни один мускул, спокойно и безмятежно отвечала: «Ах, батюшка, все это лишь сонный лепет! Мне приснилось, пока я почивала на мягком ложе. Во сне я очень испугалась и тут же пробудилась. А на самом деле не случилось ровно ничего. Все это только призрачные страхи!»

Столь простым объяснением царевна вмиг рассеяла все опасения государя. Решив, что нет причины попусту допрашивать о сновидениях, царь Бахоуттуда успокоился и тотчас удалился в свои чертоги.

А царевич Занейя, страдаемый любовным голодом, день ото дня становился все более пылким и необузданным — как говорится, «без страха и боязни шел на приступ, смело протянув десницу»! Что ни ночь пробирался он с мечом в руке в покои прелестной царевны и тайно находил приют в опочивальне Нандамайи. Но вот, коль скоро любовное блаженство царевича с царевною не прерывалось и в усердии своем они не знали меры, случилось то, что неминуемо должно было случиться: царевна Нандамайя зачала...

Посоветовавшись с наперсницами, Нандамайя сговорила, как доложить о происшедшем государю, и тут же распорядилась отослать царевича Занейю на родину, в страну Зеябуми.

Царь Бахоуттуда, узнав о случившемся, был вне себя от гнева.

«Из какой страны этот царевич и кто посмел его сюда привести? Да и как он смог пробраться во дворец царевны?» — приступил он с допросом к придворным девушкам и страже Нандамайи. «Не видели, не знаем, государь!» — был их дружный ответ.

Тогда, затаив свой гнев, Бахоуттуда попытался ласкою и участием выведать правду у самой царевны.

«Ах, государь мой батюшка, в мои покои из посторонних людей никто не проникал! — сказала ему дочь. — Но вот зато, лишь только солнце заходило и опускалась ночь, как вдруг откуда ни возьмись влетал в опочивальню диковинный шмель, который мог изъясняться человеческими словами. Он опускался на мою постель и вел такие речи: „Коли полюбишь ты царевича Занейю, благородного сына

государя Наратабы и супруги его Кетани, главной царицы из Южного дворца, что правят в стране Зейбуми, коли станешь его женою, то будете вы оба, живя в любви и счастье, властвовать над всем островом Забу!»

Так повторялось много ночей подряд. Этот шмель все прилетал, с настойчивым жужжанием кружился над моею постелью и всякий раз пускался в уговоры, не жалея ни слов, ни чувства. А я от этих его речей слабела и наконец заглазно полюбила царевича Занейю.

„Как же мне быть?“ — спросила я тогда шмеля. „Без колебаний поклянись в любви к царевичу Занейе и дай согласие на встречу с ним!“ — отвечал мне говорящий шмель.

В тревоге и смятении не знала я покоя и все расспрашивала странного посланца любви; он же без стеснения все повторял мне: „Люби его, люби!“

С тем вдруг и пропал... Когда же на следующий вечер закатилось солнце и опустилась ночная темнота, я задремала на мягком ложе, и тут мне явственно пригрезилось, будто на моей постели оказался неведомый царевич Занейя, стал меня ласкать и нежить, а под конец вошел ко мне... Тогда я и проснулась. Осмотрелась кругом, все обыскала, но не нашла никого. Так и решила вновь дожидаться ночи. Лишь стемнело, сон с меня долой, нарочно не ложусь, уселась в ожидании. Долго так прождала. Потом уже, как стало меня клонить ко сну, я задремала, а после уснула крепко и проспала спокойно всю ночь одна-одинешенька. И больше про этого Занейю ни слуха ни духа — ни во сне его не видела, ни наяву не дождалась... Но оттого, что со мною тогда случилось, стыд меня сдает что ни день...»

Вот какую басню сочинила царица Нандамайя. Выслушав рассказ любимой дочери, государь Бахоуттуда про себя решил, что царевич, сумевший преодолеть все кордоны, открыть все запоры и проникнуть в заповедные покои царицы, и впрямь искусен, знает магию, владеет волшебством превращения. Поэтому не худо бы разыскать его, ибо зятем он будет достойным и породниться с ним не стыдно. С этою мыслью отправил он придворных гонцов в страну Зейбуми...

А когда две царские семьи породнились, стали их государства Яммапура и Зейбуми точно две золотые пластины, спаянные в одну: зажили в тишине и покое, спра-

ведливо решая все дела государей, подданных и соседних стран, не ведая ни распрей, ни раздоров.

А ведь не Расскажи царевна волшебную сказку, царь Бахоуттуда ни за что не отдал бы ее за простого смертного, пусть даже и по любви. И умная Нандамайя это понимала. Вот и пришлось ей постараться, чтобы вернее убедить отца. Недаром она ловила тонкие намеки хитроумных рассказчиков, прислушивалась к житейским советам, расспрашивала своих придворных и размышляла, как ей поступить. Ведь женский род хитер на выдумки! Следуя советам и подражая опытным подругам, избежала она риска и спаслась от строгой кары. И что же? Два любящих создания счастливо соединились, два царских трона с той поры были прочно связаны между собой тесною дружбой, и оба государства шествовали золотой стезей мира. Сколь велика и благодатна оказалась польза! Разве не стоит вашему высочеству серьезно поразмыслить над действиями царевны Нандамайи? Ведь, если хитроумно поступить, возмездие не страшно!

Так наставляла юную царевну ловкая Йоханамейтта.

— Что же, мне, выходит, надо научиться вашим плутням и обману? Влюбиться в какого-то царевича да еще и лгать на каждом шагу, притворяться, чтобы наверняка угодить во все четыре страшных места наказания¹²⁸! Нет уж, благодарю покорно, я на такое не способна! — решительно проговорила царевна Ведумьясва.

— Ах, ваше высочество, милая наша госпожа, — сказала тут Йоханамейтта. — Неужели вы могли подумать о нас так дурно? Дела людские требуют заботы — о том, что происходит в мире, должно поразмыслить... Мы все печемся и о вашей пользе, и о благе государства, где царствует ваш батюшка. В нашем старании нет ни лжи, ни плутней! В чем вы усмотрели хоть на волос обмана? Ваш батюшка не прогневится, лишь только все о благородном Эйндакоумме узнает. Он тотчас же изволит припомнить, что поведал ему когда-то мудрый Девадита, подробно объясняя вещий сон царицы, вашей матушки. Коль скоро вы с царевичем связаны самою судьбой, прошлой и будущей любовью, то ваш союз желанный и достойный!

Юная царевна с полной серьезностью внимала словам Йоханамейтты, однако все еще стыдилась и робела — столь уж близко касались заветных тем. К тому же смысл речей и возражений Ятимоутты, Йоханамейтты и других при-

дворных дев до детского ее сознания еще не доходил. Хотя Велумьясва и силилась сдержать свои порывы, опасаясь выдать чувства опрометчивым признанием, все же мысль о прежней жизни, о любви в селениях натов, о суженом невольно наполняла ее душу счастьем и радостью грядущего блаженства. Не умея и не смея выразить столь сложное переплетение восторга, робости, сомнения, страха и надежды, она все более смущалась. Но вот умолкли феи, и с нежною улыбкой забылась царица легким сном на драгоценном ложе.

Когда же свет зари вновь окрасил небо, верные прислужницы, как и подобает, приготовили своей царственной госпоже прозрачную и освежающую влагу для омоения, смешав ее с благовонным нектаром жасмина.

Прелестная Велумьясва лениво и томно нежилась на мягком и роскошном ложе, сверкавшем бриллиантами, изумрудами и золотом. Легкие прикосновения быстрых пальцев небесных дев ласкали и чуть щекотали царственную кожу, и, наслаждаясь, юная царица еле слышно весело смеялась. Еще тончайшие сапфировые гребни не кончили ажурную прическу, а уж появилась дорогая чаша с искусною отделкой из «кошачьих глаз»; от чаши исходил чарующий аромат всех пяти самых лучших притираний и мазей ¹²⁹, что были в ней с должным тщанием смешаны. Но едва атласный пальчик, чуть окунувшись в благовонный состав, влажный от душистых капель, приподнял драгоценные нити сверкающих волос и нежно коснулся царственных висков, как юная царица вдруг прошептала:

— Не надо благовоний, мне что-то дурно, уберите гребни, голова кружится...

— Ах, ваше высочество, любезная наша госпожа, — стала тут увещевать ее няня Юпатара. — Когда увидит вас благородный муж, вам будет стыдно, оттого что не причесаны и не умащены благовониями! Не ленитесь же, отриньте неохоту! Запомните, что днем ли, ночью ли вы должны быть царственно прекрасны: наряжены как подобает, причесаны, надушены, умыты, а стало быть, негоже вам отказываться! Сегодня же тем паче!

— Это отчего же? — спросила ее царица. — Что за день сегодня? И кто посмеет назвать меня ленивой? На что ты намекаешь?

— Неужто вы забыли, — продолжала Юпатара, — что вам поведала вчера Иоханамейтта о благородном царевиче

Эйндакоумме? Так вот, любезная моя госпожа, сегодня выпадет благоприятный случай расцвести золотому цветку любви. Царевичу уж, верно, донесли, и он незамедлительно прибудет во дворец на Горе Ароматов. Эту новость потихоньку все друг другу передают. Если станете капризничать или будете продолжать детские причуды, то как сможет могущественный Эйндакоумма оценить ваше высокое благородство? Вам стоит побеспокоиться о том, чтобы произвести на юного героя должное впечатление!

— Ах, кто мне скажет, хорошо все это или дурно? Сколь опасны и пагубны эти хитроумные речи? На что тут решиться? А если пожалует сюда, в жилище наше на Горе Ароматов, этот царевич, вина падет лишь на вас, неразумных советниц, неумелых наставниц. Я же, будто в тумане, ничего не ведаю! — так задумчиво рассуждала вслух юная царевна.

Слушая ее, Яtimoутта за спиной Юпатары незаметно тронула няню рукою: это был условленный знак.

— Милое мое дитя, наша благородная госпожа, — говорила снова няня Юпатара. — Ежели и впрямь царевич прибудет в Рубиновые чертоги, неужто вы станете избегать его и прятаться, неужто не встретите суженого? А уж коли не скажете ни словечка, то будет стыдно перед посторонними... Негоже быть такой равнодушной, бесчувственной и неприветливой, не подобает забавляться любовью столь великославного и всемогущего властителя небесного оружия... Вот это уж стыд так стыд, срам так срам. При виде этакого нам, вашим верным слугам, останется лишь прятать лица да молить о снисхождении!

— Ах, няня, ну что случится, если я не стану говорить с царевичем Эйндакоуммой, скажи на милость! — осведомилась тут царевна.

— О госпожа моя и повелительница, — отвечала ей няня Юпатара, — вы, верно, все никак не можете взять в толк, чего мы вам желаем? Быть славною супругой властелина всех смертных, пред коим с почтением и робостью склоняются государи окрестных царств, ибо правит он всеми землями и странами людей, владея на пяти великих горах — Живописной, Чудотворной, Ароматной, Черной и на Вершине Смелых. Усердные рабыни пытаются помочь вам достигнуть заветной цели. Худо будет, если, сюда явившись с благою мыслью, с добрым чувством, преодолев преграды и невзгоды, терпеливо прождав томитель-

пый и долгий срок, наследник Тиджамина так и не получит желанного ответа на призыв любви, без пользы, без успеха будет принужден воротиться в свои пределы. Сколь печален и горестен такой жребий! Разве госпожа не станет терзаться, коря себя за напрасную жестокость? А ведь до промаха недалеко! Об этом есть и старинная притча...

— Да я ведь ничего не замышляла против! И не звала его совсем. Он явился в наши края по своей воле. Ему не повезло, весь долгий срок прождал без пользы. Однако почему же мне надобно жалеть его и чувствовать свою вину? Вот этого уж в толк я не возьму никак! — возразила няне царевна Велумьясва.

— Беды не будет, если госпожа моя и благородный царевич из Дворца Слоновой Кости встретятся и узнают друг друга. Ведь эта встреча предопределена и высшею мудростию предсказана. Противиться же промыслу небес опасно. Чтобы убедиться в этом, госпожа моя, послушайте-ка своими золотыми ушками, что я вам поведаю. Есть старая и мудрая история.

Сдержи свои причуды — самой же будет худо!

В давние времена у царя Пандиты, правившего страною Тэккариззан, и супруги его, царицы Пандоуппалы, с которой он жил в любви и согласии, родилась дочь. Лишь достигла она совершеннолетия, как засверкала всеми лучами женской прелести, и за свою несказанную красоту была названа Тиримьюте, что означает «Сияющая драгоценность». Государь-отец безмерно любил и берег свою дочь-царевну. Заботясь о ее благополучии, он поместил красавицу в золотой дворец с пятью башнями и приставил для охраны пять тысяч слуг.

Тогда же у царя Кетумалы, правившего в стране Пурандамани, и супруги его, царицы Винандатамы, был сын-царевич Кхаттия. Как только пришла ему пора жениться, решил он отправиться на поиски достойной невесты. Пожелав объездить много стран и городов, царевич снарядил большое судно с командою в пять сотен матросов, нагрузил его золотом, серебром, драгоценными камнями и роскошными вещами, а также лучшими товарами, так что весь

груз оказался поистине бесценным. В должный день отплыл царевич по реке в океан. Долго проплавав и побывав в различных странах, Кхаттия вдруг услышал о красавице из царства Тэккариззан. И вот, направив судно нужным курсом, прибыл он в Тэккариззан и причалил к берегу в удобном месте.

Как раз в это время государь страны Тэккариззан, великий царь Пандита, решив устроить праздник на воде и разные потехи, в окружении воинов и свиты развлекался, глядя на морские состязания, на гонки лодок и пирог при рокоте барабанов и громе гонгов. Тут он и заметил царевича, прибывшего по морю из страны Пурандамани...

Пока шел праздник и государь Пандита наслаждался живописным зрелищем, царевич Кхаттия, не теряя даром времени, стал раздавать свои богатства — золото, серебро и камни — министрам и сановникам Пандиты и многих щедро одарил. При этом он рассказывал каждому придворному о своем деле, стремясь подарком, уговором или лестью склонить его на свою сторону и заручиться поддержкой. Так он сошелся со многими и вскоре обзавелся верными друзьями.

И вот министры и военачальники, начиная с самых высших, приняв подношения от царевича Кхаттии, вдруг все в один прекрасный день почтительно доложили своему владыке о намерении прибывшего посвататься к прекрасной Тиримьюте. Выслушав придворных, царь Пандита воскликнул: «Если я не отдам свою дочь за благородного человека, так не за ната же мне ее сватать? Однако женщины, все без исключения — высокого рода или низкого, капризны и строптивы. Ко всякой нужен подход — искусные уловки, уговоры, прельщающие речи и, конечно, время — днем не обойдешься! Когда уж речь зашла о благородном побеге царствующей династии, о моей наследнице, как могу отринуть советы верных подданных? Правда, это лишь мое согласие. Но если благосклонна будет и царица, то предложению моих преданных слуг противиться не стану!» В ответ на речи государя министры и полководцы Тэккариззана сказали так: «Дабы убедиться, сколь приятен нашей госпоже этот царский сын, позволь же, о государь, попытать ему счастья. Пусть соблазнит царицу, а там уж и за свадьбу!»

И тут же царь Пандита изволил дать высочайшее разрешение.

Министры и военачальники тотчас же поспешили к царевичу Кхаттии и принесли ему благую весть: «Согласие получено!» — за что немедленно были вновь щедро одарены. А после, возвращаясь во дворец, захватили к государю и самого царевича Кхаттию.

В тот же день царевне доложили, что батюшка ее, щедрый в любви и милости своей, соизволит представить ей государева сына из страны Пурандамани. Юная дева с детских лет о мужчинах ни слова, ни намека не слыхала, живя в заточении, и вот теперь, как громом пораженная, была в смятении и страхе. Невнятно пролепетав: «Хорошо, согласна!» — она попросту не смела отказать отцу, хоть сама и желала бы крикнуть: «Нет! Ни за что! Пусть не приходит! Не люблю!» Увы, такого ответа дать ей не пришлось — надо было лишь помалкивать. Она только постаралась надежнее укрыться в своем дворце: убежала в дальние покои и там затаилась.

А царевич Кхаттия тем временем все прикидывал да дожидался благоприятного дня, чтобы явиться к царевне. Так и прождал он больше года. Как ни старался Кхаттия прельстить красавицу, как ни соблазнял, свидания не добился, пропали попусту его старания и речи. От страха и стыда царевна Тиримьоте все упрячилась, как вздорное и неразумное дитя, никак не соглашалась допустить его к себе. В большом недовольстве и раздражении царевич Кхаттия проводил без счета долгие и томительные дни. А между тем придворные, получив немало подарков от царевича, успокаивали его: «Царевна еще совсем дитя, в нежной и неопытной юности своей чужим словам с охотою не внемлет, а свидания так попросту боится... Вот тут-то самое время поднести ей что-нибудь диковинное в знак любви и обожания. Пусть золото ей не по нраву, бесценных камней она не желает — все же надо чем-нибудь ее порадовать, развлечь и поразить. Пускай это будет нечто удивительное, такое, чего в мире людей и не сыщешь, чтобы в миг заворожило царевну! Постарайся и разыщи, о царевич!»

Со вниманием выслушав своих советчиков, царевич Кхаттия, полюбивший царевну Тиримьоте искренне и сильно, воскликнул: «Я отыщу диковинный подарок для царевны!»

Тотчас он воротился на свое судно и немедленно отплыл в океан. Достигнув лесистых берегов Хемавунты, он заме-

тил удивительное дерево в полном цвету, усыпанное множеством разнообразных соцветий: на каждой ветке их распустилось до десяти сортов — красные, белые, синие, золотисто-желтые — каких тут только не было расцветок! Вдохнув пряный аромат невиданных цветов, царевич и его спутники вдруг ощутили странный зуд, и вот через мгновение носы их чудесным образом выросли и удлинлись до размера целого локтя. «Ох, верные мои друзья, — горестно воскликнул царевич Кхаттия, — меня и прежде-то не жаловала красавица Тиримьоте, теперь же, с этим чудовищным носом, как я посмею воротиться в ее страну?» — «Не кручинься, государь, — отвечали ему его спутники, — лучше вырвем это дерево с корнем. Вот тебе и первая диковинка!»

Не долго думая, они подкопали дерн и вытащили странное дерево вместе с корнями, а после посадили его в землю на своем судне.

Проплыв вдоль берега дальше, увидели еще одно диковинное дерево: причудливая форма его напоминала многоярусную башню, по широким и плоским листьям можно было взбираться, как по ступеням. Но вот от легкого морского ветра дерево закачалось и вдруг дохнуло пряным ароматом; стоило царевичу и спутникам его понюхать, как тотчас же их длинные носы укоротились и сделались, как прежде, ни больше, ни меньше. Тут уж Кхаттия без колебаний решил вырыть и это дерево; вскоре спутники царевича перенесли и посадили чудесное растение на судне рядом с первым. А затем пустились по морю в обратный путь и в должный срок благополучно возвратились в страну Тэкарризан.

Решившись поразить диковинкой царевну, Кхаттия велел послать ей цветок с первого дерева, поставив в золотую вазу, а вазу поместив в длинный ларец слоновой кости с плотной крышкой, которую он собственноручно закрыл и запечатал своей печатью. «Дорогой подарок доставьте царевне Тиримьоте, да по пути не смейте открывать!» — приказал он слугам государя, имевшим доступ в царевнины покои.

Прибыв во дворец Тиримьоте, посланные доложили:

«Царевич Кхаттия изволил прислать в подарок чудесный и доселе невиданный цветок! Взгляни же на цветок и вдохни заморский аромат, о госпожа!» — вскричали они хором, видя, что царевна колеблется от смущения.

Юная Тиримьоте отомкнула крохотный замочек ларца, открыла золотую крышку и, достав драгоценную вазу, узрела диковинную ветвь, на которой распустились десять разноцветных цветков, источавшие все разом дивный аромат.

«Понюхай же, о благородная царевна!» — напомнили нетерпеливые придворные, которым тоже хотелось отве-
дать аромата заморских цветов. И вот лишь только успела царевна Тиримьоте, а вслед за нею и вся свита, вдохнуть манящий запах, как тотчас же носы их зачесались, и вскоре у всей тысячи придворных в золотом дворце царевны, начиная с самой хозяйки, носы вытянулись и сделались длиною в целый локоть.

«О ужас, горе нам!» — возопили все они, поглядев друг на друга: странные и жуткие носы, напоминавшие разбухшие слоновьи хоботы, заполнили весь дворец. И пугающие слухи мгновенно распространились по столице, затем по всему царству, а после и за его пределами.

А тем временем царевич Кхаттия отплыл на своем корабле на родину, в царство Пурандамани. В стране же Тэккаризан государь Пандита, узрев новый облик Тиримьоте, принялся обо всем с пристрастием допрашивать придворных и наконец узнал правду. Понял тут царь Пандита, что, не видя исхода своей безнадежной любви к царевне Тиримьоте, решился царевич Кхаттия на безрассудное дело. А поняв это, государь-отец подумал так: «Отправлю-ка я длинноносою царевну со всею ее длинноносою свитою до единой служанки в страну Пурандамани, на родину царевича Кхаттии. Пусть женится на моей дочери!»

Так решил и так повелел царь Пандита. Юная же Тиримьоте, боясь унижения, стыдась огласки и уязвления гордости своей, была принуждена отправиться со свитою на чужбину в Пурандамани — кланяться царевичу, просить о благосклонной милости...

Печальная история, не правда ли, любезная моя госпожа? Стоит ли подражать примеру той царевны Тиримьоте: когда ее униженно просили о согласии министры и придворные царя-отца, уговаривали и соблазняли, она отказывалась, свои капризы именуя стыдом или смущением. И так почти отвергла чувства царевича Кхаттии. За это и была она наказана судьбой. Неужели моя славная госпожа станет ждать, пока царевич Эйндакоумма поступит так же хитроумно, как действовал когда-то Кхаттия,

и хитростью своею унизит нашу госпожу, доставив ей одни лишь огорчения?

Достоин сожаления и осмеяния тот заносчивый гордец, который в спеси своей не желает слушать почтительное обращение к нему: «О высокочтимый создатель храма!» — зато немедля спохватывается и тотчас отвечает на грубый окрик того, кто в раздражении назовет спесивца детским именем: «Эй, Аун Джо!»¹³⁰. Тут уж и выходит, что, отвергая почести, приемлешь поношение! Из-за своих причуд себе же доставляешь неприятности! Прислушайтесь же к моим словам, любезная госпожа! Коль скоро благородный царевич предан вам душой и телом, обращается с речами, полными любви, почтения, искреннего чувства, — исполните приятный долг, ответив ему с достоинством и царственной лаской. Тогда уж о высоком вашем благородстве, о разуме, душевной чистоте пойдет повсюду добрая слава. А если вознамеритесь рядиться да ломаться, отказываясь от встречи под предлогом страха или смущения, то неминуемо окажетесь на месте Тиримьюте, придется тогда выпрашивать и белый зонт, и золотой дворец. Тут уж прощения и жалости не ждите!

И вот еще чего страшусь я, о юная моя владычица: когда, не пожелав ответить благосклонно на ласковый привет царевича и любезно встретить его приход, вы уклонитесь от свидания, то этим унизите гордость и достоинство царственного отпрыска самого Тиджамина. Тогда уж одно небо знает, какой напасти следует нам ожидать! Внемлите же милостиво бесхитростным, но искренним советам вашей рабы. А то ведь гордостью своею накличете беду!

Терпеливо выслушав все, что изволила поведать няня Юпатара, царевна Велумьясва наконец воскликнула:

— Ах, матушка, ну что ты все толкуешь об одном? Чем же столь замечателен, могуществен и славен этот царевич? И где же тот диковинный цветок, который Кхаттия так удачно раздобыл в лесах Хемавунты?

Царевна тут лукаво усмехнулась, а няня Юпатара вновь принялась за объяснения:

— Негоже, милая моя госпожа, беспечно шутить в подобном деле. Скажу вам честно и напрямик, такого супруга вы себе не вдруг отыщете! Судите сами. Недавно он изволил прислать вам душистого сандала с далеких остров Маллаю, туда ведь людям путь заказан! А какой царевич прежде посмел бы поселиться на берегу заветного

озера Навада? Он мчится по небу на золотой крылатой колеснице Тиджамина, объезжая океан, великую гору Мьинмо и шесть миров небесных натов. Он владеет магическим оружием, которое получил в подарок от самого владыки мира, всевластного и всемогущего Тиджамина. Он может с легкостью добиться и достигнуть того, что царевичу Кхаттии и не снилось! К тому же, милая моя госпожа, вы, верно, позабыли, что вы оба так подходите друг другу, точно изумруд и золото, точно солнце и луна, — вам обоим суждено и счастье, и благополучие, и слава. А нам, верным вашим рабам и слугам, ведомо лишь одно: коль счастлив господин, доволен и слуга! Об этом и осмелюсь вам напомнить, любезная барышня!

Выслушав все это, юная царица глубоко задумалась и от размышлений загрустила: намеков и тайный смысл рассказанных историй ее насторожили и вновь заставили бояться.

— Ах, матушка, как все это дурно и неприятно. Зачем вы мучите меня своими мрачными рассказами?

С этими словами она приблизилась к большому круглому зеркалу, отделанному золотом и драгоценными камнями. В смятении и страхе заглянула в него и вдруг увидела всю прелесть нежного своего лица. В изящной позе царица долго задумчиво стояла перед зеркалом, вновь и вновь вглядываясь в божественные черты, о чем-то молча размышляя...

Вмиг сообразив, что так волнует и мучает царицу, догадливая няня Юпатара нарушила молчание:

— Разве может быть на свете красота, достойная сравнения с вашей, о госпожа? У нашей благородной повелительницы столь тонкая и нежная кожа, что когда она изводит пить из драгоценной чаши, то видно, как водяные капли одна за другою стекают в царственное горло, а кожа на прелестной шейке то голубеет, то сияет изумрудным блеском. При каждом глотке трепещет чуть заметный бархатный пушок на соблазнительном затылке, и дивный лик царицы то слегка темнеет, то вспыхивает ласковым румянцем. Ручаюсь вам, любезная моя повелительница, когда б спросили у самого царевича, то он ответил бы так же. Если не верите мне, тогда уж завтра, как только Эйндакоумма прибудет в наш Рубиновый дворец, попробуйте-ка сами узнать у него об этом!

— Да полно тебе, няня! — проговорила тут царица

Велумьясва.— И кто это вам сказал, что тот царевич из Яммании явится именно завтра?

— Вот только что, пока мы все, ваши верные слуги, были внизу, невесть откуда раздался нежный голосок, точно дуновение легкого ветра: «Завтра... изволит он... прибыть... на Гору Ароматов... Царевич сам меня послал... уведомить заранее...» То был голос небесной феи Гамоут-таги; не видя ее, мы с наслаждением внимали чарующему пению с небес, ведь речи небожителей столь сладко-звучны...

И тут царевну охватил неожиданный трепет — в путанице мыслей закружились дурные предчувствия и опасения.

«Он так могуществен, что все вокруг ему подвластно. Даже небесные наты у него на посылках. И небожители, и люди исполняют волю всеильного владыки. Не ведая ни жалости, ни страха, он беспощаден и упрям. И вот теперь замыслил, повинуясь лишь желанию, явиться в заповедный Рубиновый дворец. Он жаждет удовольствий, а мне уж не до шуток — где ты, прежняя моя веселость? Сколь ужасно прикосновение жестоких пальцев, как будто они уже сжимают горло, цепко и неумолимо: вздохнуть нет сил, тень смерти настигает...»

Ужасные видения царевны прервала няня Юпатара:

— Позвольте нам, госпожа, когда прибудет славный царевич Эйндакоумма, быть где-нибудь неподалеку! Коли вы не против, мы не покинем вас и после, как царевич станет говорить вам любовные слова или делать страстные признания. Мешать влюбленным мы не будем, своим займемся делом, внимания на нас не обращайтесь. Однако в нужный миг окажемся, как должно, подле нашей госпожи!

Услышав это, царевна Велумьясва воскликнула:

— Пусть будет так! Если, по словам небесной феи, приход царевича назначен на завтра и завтра он появится в Рубиновом дворце, то обещай мне, няня Юпатара, быть возле неотлучно, никуда ни для чего ни на мгновение не удаляться, блюдя свой долг без колебаний. Ты знаешь, няня, если он начнет меня расспрашивать, прельщать или затеет любовную беседу, станет признаваться, обещать, сулить или клясться, то я ведь не смогу ему ответить, не посмею и рта раскрыть, не то что ловко спорить или парировать лукавыми словами. Тогда уж, милая моя нянюшка, придите мне на помощь и за меня как должно отвечай-

те на все его расспросы. Только на вас надеясь, смогу я быть спокойна!

— Не страшитесь и не бойтесь ничего, моя любезная госпожа! — принялась уговаривать царевну няня Юпатара. — Когда явится царевич, вокруг вас сомкнется пятисотенная свита, я уж позабочусь об этом! Как начнет Эйдакоумма свои речи, заведет любовную беседу, тут станем мы следить, чтобы не заходил он слишком далеко. Взирая непрестанно на ваш царственный лик, будем ловить всякий знак госпожи, всякий намек, а сами, даром времени не теряя, станем плести хитроумные речи в ответ, так чтобы выигрыш достался нашей благородной владычице. Острым словом, удачным намеком, забавною шуткой к случаю метко ответим!

Словам Юпатары вторили и прочие подданные царевны Велумьясвы. Не падая духом, они ободряли печальную властительницу Рубинового дворца, обещая ей удачу в любовном поединке со славным Эйдакоуммой.

За разговорами, шутками, смехом время прошло незаметно. А Падуматейнги и Ятимоутта, сильнее всех других жаждавшие счастливой встречи царевича с царевной и благополучной развязки, лишь с облегчением вздыхали, уж не имея сил ни петь, ни тапцевать, ни веселиться; как воины, выигравшие битву на поле брани, они радовались молча, в душе переживая триумф победы...

Глава девятая,
в которой
рассказывается
о том, как царевич
Эйндакоумма
посылает
на Гору Ароматов
надежного гонца

Царевич Эйндакоумма, призвав своего верного сподвижника Пинняхату, изволил вновь и вновь расспрашивать его о благородной деве с Горы Ароматов. Неоднократно повторяя свой рассказ, хитроумный царедворец всякий раз чуть приукрашивал его, ловко добавляя в слова Падуматейнги и прочих фей то нежность, то приветливую ласку, то чистоту невинной юности, и тем делал его все более приятным и желанным для господина. Царственные уши его владыки без устали внимали возбуждающим речам, память Эйндакоуммы жадно вбирала новые подробности, пока наконец царевич, вдоволь насладившись повествованием Пинняхаты, укрытый тьмою ночи, не задремал на мягком ложе из белого бархата. А под утро, когда едва забрезжил свет, царевичу приснился дивный сон.

Ему снилось, будто, катаясь на золотой колеснице Тиджамина, он оказался вдруг в небесной обители натов — дворце Везаянда в селениях Тавадейнты¹³¹. Повинуясь неодолимому желанию проникнуть в святилище небесных натов, направился он к дворцовым воротам, но, увидя, что они затворены, не посмел стучаться, а остался стоять снаружи. И вдруг неожиданно фея Тунанда распах-

нула перед ним заветные ворота, а фея Тусейтта¹³² спросила его:

— О царевич, разве тебе неизвестно, что путь в небесные чертоги свободен и открыт?

— Неизвестно! — отвечал Эйндакоумма.

— Сегодня ночью фея Тунанда собственноручно отперла ворота. Входи же, если хочешь!..

Но тут царевич проснулся.

Лишь только рассвело, нетерпеливый Эйндакоумма тотчас же позвал преданного наперсника и слугу Пинняхату и рассказал ему свой сон. И тут искусный толкователь сразу объяснил, в чем тайный смысл предутреннего сновидения.

— Вчера, когда по вашему велению проник я на заветную Гору Ароматов, то вел я беседу с придворной феей Ятимоуттой и другими. Ваш сон, о государь, счастливый и верный знак того, что все, о чем просил я фей, успешно совершилось. Ворота в заповедных чертогах Везаянды гостеприимно распахнулись, в святилище небесных натов путь свободен! Это означает, что феи доложили обо всем царевне и золотые царственные уши раскрылись для приятной вести, а потом царевна, видно, дала свое благосклонное согласие на встречу с вами. Только так надо понимать нам любезные речи феи Тусейтты!

Выслушав столь благоприятное толкование своего странного сна, царевич был вне себя от восторга и тут же щедро наградил находчивого молодца: сняв с царственной десницы дорогой рубиновый браслет в виде извивающегося нага, отделанный девятью камнями, искусно сочлененными и переливающимися всеми ласкающими глаз тонами, благородный потомок Тиджамина вручил его Пинняхате, а после повелел:

— Ступай теперь же на Гору Ароматов и разузнай, что там происходит!

Послушный царедворец тотчас же пустился в путь, сопровождаемый сотней достойных сверстников царевича Эйндакоуммы...

А Падуматейнги и Ятимоутта со своей свитой в ту достопамятную ночь, после того как няня Юпатара искусными речами умилоствовала царевну и госпожа вдруг проявила благосклонное непротивление, век не смыкая, бодрствовали до рассвета, не смея и помыслить о сне, с надеждой дожидаясь утра.

Но вот минула третья стража, затем пробили двадцать шесть раз в дворцовый гонг¹³³, и сапфировый небосвод окрасился нежным румянцем. Тут только Падуматейнги и Яtimoутта собрались идти в Обитель Отдохновения.

— Если уж решили вы отлучиться за дворцовую ограду, то ступайте, пока царица не пробудилась, — сказала феям няня Махатала. — Коли проснется и примется расспрашивать — греха не миновать... Запомните, сегодня наш славный и могущественный государь, батюшка юной госпожи, изволит отправляться на праздник натов в горы Хевунта. Вам надлежит заранее предупредить царевича, что нынче ночью представится благоприятный случай!

Напутствуемые няней Махаталой феи Падуматейнги и Яtimoутта со свитой служанок покинули Рубиновый дворец и вскоре достигли Обители Отдохновения. Здесь их уже поджидали проворные сверстники царевича.

— Сегодня день, отмеченный судьбой! — проговорила будто случайно Яtimoутта. — Все благоприятствует свиданию ее высочества с великославным вашим господином!

— Так, значит, вещий сон сбывается! — радостно воскликнул Пинняхата.

— Какой сон? — спросила придворная фея Яtimoутта.

— Мне приснилось, — начал тут находчивый Пинняхата, — будто вы, любезнейшие феи, резвясь на небосводе, драгоценным трезубцем зацепили большую и яркую звезду. Оторвавшись от небосклона, она покатила вниз и стала падать на землю. Тут уж я не долго думая встал на ее пути и, растопырив руки, поймал чудесное светило, а после с должным почтением отнес своему повелителю. Поклонившись, вручил ему чудесный дар, но в тот самый миг, как царевич принял в свои августейшие длани блистательную драгоценность, я вздрогнул и проснулся.

Поразмыслив над странным сновидением, решил я, что оно сулит удачу в нашем деле, что отступать от начатого нам теперь не следует. Прочно утвердившись в этой мысли, я с нею прибыл на Гору Ароматов. И тут как раз, точно по уговору, встречаюсь с вами, любезнейшие феи!

Стоит ли напоминать вам, сколь благословенна добродетель наших юных государей — словами и не опишешь их небесные достоинства. Мой властелин, повелевающий всем островом Забудипа, изволил так сказать: «Ныне и ни днем позднее я отправлюсь туда, чтобы воочию узреть прекрасную царевну!»

Ведь до сих пор лишь в мыслях и ласковых речах, что говорятся про себя, капля за каплей струилась его любовь... И вот, будто наты на небесах вняли страстной мольбе и оценили великое чувство, встреча с вами, о благородные девы, принесла благую весть о милостивом согласии вашей госпожи!

— Ах, любезный господин Пинняхата, — прервала его возбужденную речь Падуматейнги. — Начиная с той до-стопамятной ночи и вплоть до сегодняшнего утра мы не знали покоя. Хорошенько все обсудив и взвесив, посовествовавшись меж собою и с другими, вновь и вновь мы убеждали царевну, не жалея ни просьб, ни посулов, вспоминая притчи и благие примеры, чтобы наконец услышать милостивый ответ. Вначале госпожа пугалась и стыдилась, потом хотела гневаться, но раз от разу становилась спокойнее, а под конец, когда мы снова приступили с уговорами, вдруг рассердилась — не унять! — и гневу ее не было предела. Пока сомнения и досада владели сердцем госпожи, мы все не смели даже приближаться к ней. Теперь же, когда царевна почивает, улучили время, чтобы отправиться в Обитель Отдохновения: все разузнать и обо всем поведать. А тут мы с вами и вашей свитой повстречались...

Ваша новость, господин Пинняхата, о том, что сегодня ночью его высочество решил направить золотые свои стопы в Рубиновый дворец, всех нас тревожит. Если царевич Эйндакоумма и впрямь намерен действовать своей небесной силой, то как бы не случилось греха! Но прежде спросим еще раз: неужели славный отпрыск Тиджамина желает появиться здесь именно сегодня ночью?

— А как же? — встрепнулся тут Пинняхата. — Ведь совсем недавно мы с вами столь пространно беседовали об этом: всё обсудили и пришли к согласию. Так я, не ведая сомнений, и считал, что дело наше улажено. С одной лишь этой мыслью припал я к золотым стопам моего государя и доложил о том, сколь благополучно мы здесь обо всем договорились. А дальше было так. В своем могуществе наш властелин не знает себе равных — божественная сила его беспредельна. Вот и изволил он сказать: «Грядущей ночью я намерен посетить четыре острова, подвластных Тиджамину, и обозреть небесные владения!»

Услышав это, один из его сподвижников по имени Тиримингала вдруг вмешался: «Ведь Пинняхата уже доложил, что этой ночью можно навестить царевну, владею-

шую Рубиновым дворцом. Совершив осмотр селений на четырех великих островах, ваше высочество, если пожелает, сможет направить царственные стопы прямехонько на Гору Ароматов!»

«Чудесно, этой ночью и отправлюсь!» — молвил государь.

Когда я услышал такие речи моего владыки, то, верите ли, все волоски на теле моем ожили и зашевелились от ужаса. Вам даже и не вообразить, а я бессилён описать, как умеет это делать наш господин!

Итак, сегодня ночью государь, великий Эйндакоумма, измерит царственными шагами небосвод и собственной персоной прибудет в Рубиновый дворец, дабы одержать в любви желанную победу! Лишь по истечении срока, когда, утолив любовный пыл, мой повелитель отправится в обратный путь, осмелюсь я предстать перед его очами...

И помните, достойные феи, если бы случилось так, что юная царица вдруг отказалась бы от свидания, почувствовав боязнь или отвращение к славнейшему из славных, и ему пришлось бы вернуться ни с чем, то уж тогда не миновать грозы и бури. Как говорится, «если рушится гора, то гибнут и деревья!» Тут уж всем грозит беда! Ведь гнев властителя не знает преград, а мощь его и сила всколыхнут и твердь земную, и воды, и небесные пространства вплоть до селений натов и священной вершины Меру. Тогда весь мир содрогнется! Кому ж по силам противостоять могущественному потомку Тиджамина?

Когда сегодня мой повелитель прошествует в Рубиновый дворец, я лучше где-нибудь неподалеку спрячусь, а уж завтра, если замечу благоприятный знак, без опасения припаду к царственным стопам моего господина!

Так долго еще рассуждал хитроумный Пинняхата перед обитательницами заповедного дворца на Горе Ароматов, пока те не осмелились спросить его опять:

— Значит, грядущей ночью ваш господин благоволит направить драгоценные стопы в запретный Город Ароматов?

— Вы правы, наш великий государь, властелин всего живого на необъятном острове Забу, желает собственной персоной явиться сегодня с наступлением темноты в эти благословенные места! — отвечал Пинняхата.

Тут фея Падуматейнги обернулась к фее Ятимоутте и так сказала:

— О любезная моя Ятимоутта, если царевич Эйдакоумма действительно прибудет во дворец царевны на Горе Ароматов, нам, верным слугам нашей госпожи, вряд ли подобает бездействовать. Теперь благоприятный случай уведомить владычицу о посещении государя Эйдакоуммы и доложить про все, что нам известно. Сегодня же, теперь же, должны мы обрадовать и успокоить госпожу: пусть убедится, что приход владыки острова Забу не сулит ей ни горя, ни обиды — чего же опасаться и переживать?

А вот если мы не поторопимся предупредить царевну, не подготовим ее и она расстроится, то наступление ночи станет грозить бедой: ведь неуспех царевича в любви мгновенно обернется карой для всего живого, и напрасных жертв не избежать! Давайте же мы все без промедления вернемся в Рубиновый дворец!

Так рассудительно все высказав своей подруге Ятимоутте и окружавшей свите, догадливая Падуматейнги тут же обратилась к Пинняхате:

— Любезный Пинняхата, сейчас мы должны поспешить, чтобы, собравшись с духом, оповестить царевну о ночном визите, о том, что близок час любви... Сегодня утром наш властитель, отец царевны Велумьясвы, отправится на гору Хевунта на пиршество и праздник небесных натов и время проведет там в веселых развлечениях. Вернется же он лишь завтра. Как будто все благоприятствует прибытию царевича Эйдакоуммы и долгожданному свиданию! Однако все мы помним, что наша госпожа юна, неопытна и оттого страшится даже мысли о встрече с царевичем. Нам предстоит еще немало забот. Не смея даже и вообразить, что вдруг произойдет, если драгоценное желание царевича не сбудется, вся тысячная свита благородной Велумьясвы, не зная отдыха, станет успокаивать царевну, дабы прогнать ненужный страх, рассеять все сомнения и подготовить ее к жребию любви. Осталось времени в обрез, но постараемся, чтобы наши увещевания не пропали втуне. Тем мы и рассчитываем помочь делу! Просим вас как подобает об этом донести царевичу. Теперь же покидаем вас в надежде преуспеть в приготовлениях к приходу самого потомка Тиджамина!

И обе придворные феи Велумьясвы в сопровождении пяти сотен прислужниц вернулись в Рубиновый дворец. А преданный сподвижник Эйдакоуммы, спокойно размышляя над услышанным от юных фей, окончательно уве-

рился в том, что все сулит удачный исход: благоразумные подруги Велумьясвы не пожалеют сил, чтобы уговорить пугливую и своенравную царевну. Сам же он, стремясь где убедить, где припугнуть прелестных обитательниц Рубинового дворца, как будто пустил в ход все свое умение, так что прибытие достойного отпрыска Тиджамина должно окончиться благополучно. Так на досуге все обдумывая, Пинняхата молчал, не отдавая своим соратникам никаких приказаний, а те боялись нарушить спокойное течение мыслей своего предводителя.

Тем временем и Падуматейнги, и Яtimoутта в сопровождении служанок и рабынь, пройдя мимо золотокрылых львов, охранявших вход во дворец, поднялись по роскошной лестнице из красного мрамора, искусно украшенной причудливыми изображениями невиданных летающих драконов и огромных птиц-слонов, достигли крытой галереи в сиамском стиле и, легко ступая по зеркальным плитам, приблизились к покоям царевны. Сверкавшие ступени внутренней лестницы дворца были отделаны рядами изумрудов и алмазов всех сортов, — они сплетались в замысловатом узоре, напоминавшем то когти коршуна, то лабиринт муравьиных троп.

И вот наконец вступили они в пышную опочивальню под резною крышей со шпилем, возвышавшимся в обрамлении диковинных камней несметной ценности будто пурпурная тычинка гигантского кораллового цветка, распахнувшего свой венчик.

Почтительно склонившись, феи прошли в опочивальню и предстали перед юною царевной.

— Я мирно почивала, — обратилась Велумьясва к пришедшим Падуматейнги и Яtimoутте, — и после долгой ночи вдруг проснулась, а вас не видно... Куда же вы отправились и где все время пропадали?

— Ах, госпожа моя, — ответила находчивая Падуматейнги, — ведь вы уже давно изволите безвыходно находиться в Рубиновом дворце, живя здесь круглый год, полных двенадцать месяцев, — и летом, и зимою, и в пору ливней, и, верно, совсем забыли, что есть у вас еще другие роскошные дворцы числом до пяти сотен — Изумрудная Обитель, Алмазная, Сапфировая, Хрустальная — всех и не перечесть, — где госпожа могла бы и наслаждаться отдыхом, и предаваться забавам. И если уж пустуют великолепные чертоги, то все служанки — а их больше пятисот —

разбредились неведомо куда. Дабы навести порядок, найти всех и собрать, обеспокоясь их судьбою и заботясь о пользе нашей благородной госпожи, отправились мы на розыски.

В дальних комнатах Рубинового дворца они резвились и играли в кости. Присоединились к их игре и мы. Сыграв же три или четыре кона, неожиданно были поражены одним событием: взглянув на драгоценные ворота, украшенные девятью камнями, перед входом в Изумрудную рощу, мы вдруг заметили, что на резных рубиновых перилах роскошной балюстрады в виде диковинных драконов точеная фигурка ворона, который ловко пристроился на хвосте божественного Эйявуна¹³⁴, вдруг ожила и, повернувшись в сторону вашей опочивальни, пронзительно и резко прокричала, будто ворон этот был настоящий. Поняв, что тут какой-то нам неведомый знак, мы все пришли в смятение и страшно испугались: видно, это неспроста! Беспечно развлекаться мы больше не могли, а ворон вновь застыл, как изваяние. Тогда уж мы поторопились припасть к вашим царственным стопам и доложить о чуде, виденном и слышанном!

Со вниманием выслушав Падуматейнги, царевна подзвала няню Махаталу и спросила ее:

— Разве не странную весть принесла мне сейчас Падуматейнги? Как может двигаться или кричать, точно живая птица, фигурка ворона, что вырезана на перилах? Что это значит, няня, растолкуй мне!

— Любезная моя госпожа, наверно, помнит, что ворон — птица вещая! — заговорила тут догадливая Махатала, тотчас смекнув, как надлежит ей отвечать. — Ведь ворон возвещает о встрече любящих супругов, о долгожданном свидании влюбленных, которых судьба соединила узами нежного, светлого и преданного чувства. Однако в заповедные ваши чертоги, о благородная царевна, живому ворону не пролететь: ни зверь, ни птица, ни другая, пусть даже крохотная, тварь сюда не проберется! Вот по велению свыше и ожил неподвижный ворон, изваянный как украшение ваших чертогов. Своим чудесным криком он оповестил нас о приходе могущественного Эйндакоуммы: на исходе дня блистательный потомок Тиджамина, владеющий небесным оружием натов, которое поражает всех врагов, искореняя зло и скверну, направит свои царственные стопы к Рубиновым чертогам на прославленной Горе Аро-

матов. Как изволите видеть, даже неживая вещь, бездушная и немая, не посмела остаться безучастной к столь великому событию, каким окажется счастливое свидание благородных царевича и царевны! Подумайте же, юная моя повелительница, коли с наступлением ночи, когда померкнет свет солнца, государь Эйндакоумма прошествует в Рубиновый дворец, не лучше ли вам самим переселиться в роскошные покои близ парадной балюстрады, где обитает вещей ворон?

— Как дружно все вы вдруг заговорили о приходе царевича! — воскликнула Велумьясва. — Если этой ночью он и впрямь надумал явиться в наш дворец, то расскажите мне все по порядку! А то ведь я не поняла ни слова из ваших сбивчивых речей! Все как в тумане... Ты, нянюшка, права, здесь мне его ждать неудобно. Теперь же надо перебраться в Рубиновые залы, поближе к парадной лестнице... В душе моей смятение, дрожу от страшных предчувствий, не понимаю, что вокруг творится. Сейчас вы, милые мои подруги и кормилицы, все растолкуйте мне опять. Ах, няня Юпатара... и все другие... будьте неотлучно при мне все время. Пусть никто не смеет отлучаться!

Заботливо и нежно успокоив юную царевну, верные подруги и ласковые няни все приготовили, чтобы быстро и без хлопот перевести свою владычицу в парадные покои. И вот уже, склонившись на плечо к любвеобильной Ганатири, доверившись небесным феям Забутоундари, Кинсанатари, Баддакинсани и Тинкхакальяни, которые с почтительной заботой поддерживали под руки божественную деву, прекрасная Велумьясва, воздушная и легкая, едва касаясь мягкого ковра, которым был застлан пол дворцовых галерей, ступая плавно и чуть покачиваясь на ходу, кокетливо и томно, вместе со своею многочисленной свитой тронулась в недалний путь. Достигнув выбранных покоев в рубиновом убранстве, вконец измученная, полная дурных предчувствий, царевна почти без сил упала на изумрудное ложе и тотчас погрузилась в тревожный сон...

Глава десятая,
в которой
рассказывается
о том, как
царевич Эйдакоумма
вступил в пределы
Рубинового дворца
на вершине
Горы Ароматов

Тем временем удачливый сподвижник царевича, Пинняхата, во главе своего отряда пустился в обратный путь и, покинув заповедную Гору Ароматов, вскоре прибыл к царственным стопам властелина. Царевич Эйдакоумма изволил восседать на троне в виде благородного цветка панъи ¹³⁵, на открытой галерее Дворца Слоновой Кости, и с веселым азартом смотрел на потешные сражения: по его приказу на поле сравливались боевые петухи, поочередно сходились в схватке, отставив шпоры и распахнув сверкающие крылья, то павлины, то пестрые фазаны... Заметив вдруг своего посланца, царевич тотчас же прервал забаву, стремительно поднялся с трона и, пройдя во внутренние покои дворца, немедленно приступил с расспросами к явившемуся следом Пинняхате.

— Что скажешь, братец Пинняхата? Сбывается ли сон, который я видел прошлой ночью?

— Все так, как я осмелился поведать государю. Тот вещий сон был зна́ком, поданным с небес: о славе и о благе государя пекутся наты! — так повел свою речь усердный царедворец Пинняхата. — Если изволите направить грядущей ночью свои стопы к Рубиновым чертогам, то все без

исключения станет благоприятствовать задуманному: придворные девы царевны окажут нам поддержку, как должно все откроют госпоже своей и, ловко уговорив ее, наставят в искусстве гостеприимства, а после станут передавать нам речи царственной красавицы... Пока же на Горе Ароматов терпеливо дожидаются захода солнца. Так все идет своим чередом. И, значит, этой ночью должно совершиться предначертание натов: наш повелитель, не ведая препятствий, достигнет с легкостью желанной цели — счастливый случай сопутствует удаче! Дстойное деяние не требует усилий.

Великий государь, отец царевны, отбыл на гору Хевунта, чтобы в надлежащий срок принять участие в небесном празднестве и насладиться радостной забавой натов. Осмелюсь, славный мой властитель, еще раз повторить: если бы сегодня ночью вы решились вступить в пределы Горы Ароматов, ваш сон свершился бы наяву!

С восторгом выслушав веселящий сердце ответ Пинняхаты, царевич Эйндакоумма радостно воскликнул:

— О верный мой сподвижник и брат Пинняхата, в твоих речах залог победы! Коль скоро случай благосклонен и путь открыт — желание не ведает преград! С наступлением темноты, любезный мой товарищ, мы отправляемся на заветную гору!

В тишине просторных залов Дворца Слоновой Кости дневное время промелькнуло незаметно, и вот уже луна сменила солнце. Совершив вечернюю трапезу и напившись прозрачной воды из озера Навада, царевич начал одеваться, готовясь в путь: облачившись в парадное платье, сверкавшее, точно облака при вспышках молний, не забыл и о бесценных монарших регалиях, о переливавшихся всеми цветами радуги изумрудах, рубинах, сапфирах, о небесных дарах отца своего Тиджамина; расчесав частым рубиновым гребнем свои дивные волосы, черные, как ночь, с серебристым отливом, точно шмелиное крыло, заколол их золотыми шпильками и украсил ажурными цветами в блесках алмазов и рубинов; умастился благовониями, пропитав нежнейшим ароматом царские одежды и сверкающую прическу, натерев лицо и руки. Завершив невиданное убранство, благородный потомок Тиджамина поместился удобно на плечах у верного своего силача по имени Бахубала, что означает «Великомощный», повелел хитроумному Пинняхате встать во главе отряда из тысячи

молодцов — сверстников царевича, приказал проворным слугам захватить с собой яркие светильники числом до тридцати и в сиянии причудливых огней, окруженный многочисленной свитой, отбыл в Рубиновый дворец, возвышавшийся за стенами неприступного града на великой Горе Ароматов.

Легко взобравшись по крутому откосу, царевич Эйндакоумма в сопровождении воинов и свиты достиг заповедного города с семью железными стенами. К его удивлению, все семь железных ворот уже были распахнуты, как будто повинуясь еще не высказанному желанию благородного пришельца, так что царевичу не пришлось шевельнуть ни одним пальцем. Не видя никого вокруг, потомок Тиджамина вместе со всеми спутниками миновал семь кованых ворот и приблизился к Рубиновым чертогам. Оглядев четыре лестницы с пышными балюстрадами и широкими галереями из стекла, царевич Эйндакоумма соизволил направиться к воротам с изображением крылатого замари¹³⁶, справа от которых возвышался золотой диковинный грифон...

Между тем придворные феи Падуматейнги и Ятимоутта все это видели, стоя на галерее. Тотчас же заметили они и Пинняхату, который шествовал впереди. Не медля ни мгновения, послали они юную служанку доложить почтенной няне, что царевич изволил прибыть во дворец, а сами тут же отправились ему навстречу. С почтением склонив головы, они приветствовали благородного пришельца и смиренно доложили:

— Царственный путь достославного повелителя пролегал через весь дворец. Пройдя сквозь главные двери и миновав южную башню — пъятта, государь достигнет покоев, украшенных алмазами и рубинами, и далее проследует по галерее, отделанной топазами, с резною балюстрадой. Наша прекрасная госпожа изволит собственной персоной пребывать в большом Рубиновом зале, близ алмазных дверей, под просторным шатром хрустальной крыши. Подле госпожи теперь преданные ей подруги да свыше миллиона прислужниц и рабынь!

— Ступайте же вперед, любезные девы, — отвечали юные соратники Эйндакоуммы, — указывайте нам дорогу, дабы великий государь наш и вся его свита не заблудились в бесчисленных покоях Рубинового дворца!

И вот торжественное шествие возглавила теперь преле-

стная фея Ятимоутта: десять сильных рук распахивали дверь за дверью — и так, минуя пышные залы, уютные гроты, просторные галереи, все двигались вперед к заветной цели. Когда же наконец процессия достигла сверкающих чертогов из хрусталя, навстречу вышла фея Йоханамейтта и с должным тщанием омыла царственные ноги Эйдакоуммы благовонной влагой из хрустальной чаши, украшенной редкими камнями, в которой искусно были смешаны нектар чампаки, сандала и душистого понунье¹³⁷.

Тем временем почтенная няня Ганатири заботливо готовила удобные сиденья, где долгожданные пришельцы могли бы все расположиться. Сначала на переливчатый, как радуга, чуть матовый, словно подернутый легкой дымкой, бархат, благоухающий пылью мьиззутаки, положили мягкую подушку, расшитую танцующими кейннарами, а сверху застелили ее тонким золотистым бархатом. Это было место для царевича Эйдакоуммы. Потом уже вокруг него аккуратно разостлали несметной ценности ковер с причудливым рисунком в виде лабиринта — точь-в-точь такого же, как в заповедном гроте Рубиновых чертогов, — украшенный бордюром из девяти камней. Все это искрилось, переливалось и пестрело. Здесь и рассадили многочисленную свиту юного государя.

Когда царевич соизволил воссесть на приготовленное ему место, феи Падуматейнги и Ятимоутта с тысячью прислужниц смиренно опустили у ног могущественного гостя и принялись, как подобает царедворцам, любезно развлекать властителя беседой.

— О государь, — воскликнула с почтительным восторгом Падуматейнги, — все обитательницы Рубинового дворца, ваши верные и преданные слуги, пребывают в смятении и тревоге, точно первые жители земли!

— Мы со вниманием и радостью выслушаем любезные речи прелестных хранительниц Рубиновых чертогов! — благосклонно отвечал Эйдакоумма и сразу же спросил: — В чем же причина смятения и тревог? И о каких заботах первых жителей земли вы вспомнили теперь?

— Давным-давно, когда земля еще только появилась, на ней царила тьма. Все люди и прочие живые существа, не ведая покоя, печалились, томились и стонали, моля о свете. А когда владыка неба внял просьбам обитателей земли и в должный срок на небосклоне показались царь

Солнце, государыня Луна и их бесчисленная свита из ярких звезд, когда кругом все осветилось и засияло, люди, звери, птицы и цветы возрадовались свету и забыли о своих тревогах... Так и у нас теперь, в Рубиновом дворце... На днях был замечен знак, предсказавший, что государь изволит направить свой путь на Гору Ароматов: в тот день на главной балюстраде Рубинового дворца у Драгоценных ворот, где хитроумно изображена божественная роща в тени скалы, вдруг ожила резная фигурка ворона, сидевшего в причудливом изгибе хвоста небесного слона Эйявуна, — искусную резьбу наш государь уж, наверное, заметил на парадной лестнице дворца? Вещий ворон неожиданно повернулся в сторону Хрустального покоя, где находится опочивальня царевны, и прокричал пронзительно и громко. Услышав чудный глас и разгадав предвестие, мы все решили, что грядет великое событие: могущественный повелитель и впрямь изволит направить свои золотые стопы в заповедный Рубиновый дворец. К тому же эту радостную новость нам поведал и благородный господин Пинняхата. Предсказанное небом теперь уже неминуемо должно свершиться — две царственные жизни соединятся в счастье и любви. О том, что срок желанной встречи близок, нас извещают сами наты. Точно эхо при раскатах грома, распространилась эта весть по всем покоям нашего дворца. И не было предела нашему восторгу: ведь мы воочию узрим счастливое свидание двух царственных особ, соединенных небесами. Взволнованные долгим ожиданием, мы все, точно стародавние обитатели земли, в смятении и тревоге надеемся на благостный исход, как наши предки — на избавление от тьмы! Лишь об этом я посмела упомянуть, мой государь!

Так почтительно и витиевато изъяснялась с царевичем хитроумная фея Падуматейнги.

— О, сколь искусны и благозвучны речи нашей прекрасной собеседницы! — воскликнул тут Пинняхата. — Где уж нам тягаться в красноречии с благородными феями? Осмелюсь только я добавить, что повелитель наш, его высочество царевич Эйндакоумма, в благоприятный час вознамерился, пользуясь своим божественным умением, молниеносно облететь весь необъятный остров Забу и три других великих острова, воссев на спину стремительного царя галоунов. На этом славном пути могущественного властелина почтительно приветствовали все без исключе-

ния государи стран земли, склоняли головы и воздевали руки перед ним бесчисленные наты — правители всех гор, лесов и вод, навстречу с радостным ликованием, соперничая друг с другом, устремлялись к нему обитатели небес, жители вселенной прославляли его величие и силу. Поглощенный заботами и неотложными делами, коим несть числа, царевич нынче вспомнил о местах, где он когда-то прежде был счастлив и благополучен, — и вот с намерением чистым, чувством радостным и светлым изволил повернуть к знаменитой Горе Ароматов, дабы посетить великолепные чертоги. Однако царственный взор тщетно пытается увидеть сияющий лунный лик прекрасной девы. В роскошных покоях заповедного дворца звучат пространные речи, рассказываются поучительные притчи, ночь тянется бесконечно, пробили лишь первую стражу... А золотого лика божественной царевны все нет как нет! Видно, так до самого конца мира и не откроется он нашему господину! В чужих покоях, под незнакомым зонтом, в неведомых владениях, усталый и измученный, наш повелитель в отчаянии клянет свою судьбу!

Как только Пинияхата проговорил все это, из внутренних покоев появилась в окружении тысячной свиты прислужниц придворная фея Забутоундари, дочь великого государя-ната Тилабуми ¹³⁸. С любезной почтительностью приблизившись к Эйндакоумме, услужливая фея поднесла ему драгоценный веер из золота нарани — подарок благородной супруги самого царя Вейттавуны ¹³⁹, а также тонкие изысканные яства, ароматный бетель и благовония для умащения лица и рук — все в роскошных вазах и чашах, усыпанных алмазами, изумрудами и рубинами.

Тут заговорила придворная фея Кинсанатари, дочь государя-ната Падумы:

— Помню, как-то ночью ее высочество, наша благородная госпожа, удобно раскинувшись на мягком ложе, изволила взглянуть на темное ночное небо и, протянувши вверх царственную руку, призывно помахала северной звезде, как бы маня ее к себе. Заметив это, мудрая няня Ганатири так сказала юной госпоже: «Вы, наша славная царевна, — самая прекрасная и яркая звезда в созвездии Креста на южном краю небес; на северном же, прямо напротив нее, сияет светлая Полярная звезда. Ее-то вы сразу и заметили и ей призывно помахали. Эта звезда — славный властелин Дворца Слоновой Кости, стоящего на бе-

регу озера Навада. Он холоден и недосыгаем — зовите его хоть целый век, увь, он с места не сойдет; точь-в-точь мерцающая холодным светом далекая и недоступная Полярная звезда... Да не глядите же, любезная царевна, так долго на небо, у вас закружится головка! А там, не ровен час, дыхание перехватит и сделается дурно!» Выслушав няню Гана-тири, царевна прошептала: «Ах, матушка, если б я знала, что это „Полярная звезда“ из „Дворца Слоновой Кости“, то не звала бы и рукою не махала! Да мне сегодня ночью что-то не уснуть, должно быть, в сумерках я нечаянно съела маленький кусочек — ну, право, сушую пылинку! — засоленного чая¹⁴⁰, который столь любезно прислала нам в подарок супруга государя-ната Падумы! Теперь же сон не может смежить мне веки!»

Всю ночь ее высочеству не спалось — вздыхая и стелая, юная царевна металась на своем роскошном ложе в виде диковинной птицы Гаруды, гордо выгнувшей царственную шею, с обвившимися вокруг изголовья крылатыми драконами с острыми клыками из рубинов и слоновой кости. Лишь под самое утро, на заре, царевна забылась тревожным сном. Вот потому ни верные ее подруги, ни заботливые няни, ни служанки и не посмели будить усталую вла-дычицу. Тогда все ближние кормилицы прекрасной госпожи собрались вместе и решились на неслыханное средство: просили сладкогласную птичку Забуганду, которая явилась на свет из ароматной пыльцы волшебной мьиззу-таки, опуститься подле дивного лика царевны и серебристым пением развеять сладкие грезы нашей повелительницы!

Пока царевич Эйндакоумма изволил подробно расспрашивать про диковинную птицу Забуганду, няня Махатала, находившаяся около прекрасной своей госпожи, царевны Велумьясвы, обо всем той поведала:

— Ах, милая моя госпожа, мы-то все терялись в догадках: кто к нам прибыл — властитель неба Тиджамин или творец вселенной Брахма? Ведь это благородный и дивно-ликий государь явился в наш Рубиновый дворец через ворота, ведущие в покои Лабиринта. Вот и отправили мы преданных и хитроумных дев Кинсанатари и Падуматейнги со свитой, чтобы разведали они и доложили все как есть; теперь же они просили передать, что царственный пришелец, вступивший вместе с бесчисленной свитой и воинами под своды Лабиринта, не кто иной, как обладатель

небесного оружия натов царевич Эйндакоумма, славный отпрыск владыки Тиджамина. Коли царица пожелает спросить о нем, то смею доложить без колебаний: собою он прекрасен — и внешностью и статью подобен славному родителю, что правит небесами. Дивный телом и лицом, царевич ласков в речах своих, любезен в обхождении. Притом в могуществе и силе не уступает, как гласит молва, даже государю заоблачных миров, а власть его простерлась надо всей земной твердью и водою до самого эфира. Преисполнившись высоких чувств любви и обожания, он прибыл к вашему высочеству, и вот уж ныне наступило время потому что государя небесных натов направить драгоценные стопы к вашей опочивальне, дабы приветствовать грядущую супругу!

Сосредоточенно выслушав всю речь любимой няни и кормилицы, царица воскликнула:

— О няня, ты, верно, говоришь все это, чтобы меня совсем расстроить! К чему такая суматоха и поспешность? Царевич со своей свитой проделал долгий путь, и, конечно, всем им нужен отдых... А вы хотите, не медля ни мгновения, заставить утомленных путников блуждать по незнакомым переходам Лабиринта, не зная выхода, не ведая дороги. Вконец измучившись, в дурном расположении все разбредутся кто куда, желая втайне лишь одного — скорее вырваться на волю! Им будет не до встреч, не до приветствий. Все надо делать с толком, не спеша. Ведь тише едешь — дальше будешь! А то получится, как в той старинной притче, помнишь, няня?

Давным-давно у государя Баянати¹⁴¹ была царевна-дочь. Отец же, опасаясь за ее невинность, поселил наследницу на ветке большого дерева в пустынном лесу, чтобы жила подальше от мужчин. А славный царевич, сын государя из Тириятаны, как раз в то время задумал поразвлечься и охотился в лесах Хевунты, да заблудился. Долго проплутав по зарослям и бурелому, запутавшись в лианах, наконец случайно набрел на одинокое жилище девы... Что было дальше — сейчас уж значения не имеет. Я лишь боюсь, что гость наш, царевич Эйндакоумма, вот так же, заблудившись в чужом дворце, станет плутать по бесконечным галереям, залам и покоем. И вдруг неожиданно и нежданно появится здесь в опочивальне и застанет вашу госпожу врасплох. А то и поведет себя неподобающе, допустит вольность, перейдет границы... Нет, право, няня, так

не годится! Вам надобно самим вести его по должному пути!

Так в возбуждении и беспокойстве проговорила юная царевна Велумьясва.

— Ах, милая моя госпожа, — воскликнула тут няня Махатала, — к чему так волноваться? Оставьте ваши опасения! Царевич Эйндакоумма — благородный отпрыск Тиджамина, он вершит делами всех государей на острове Забу. Теперь же он ищет достойную супругу, грядущую владетельницу Южного дворца в нерукотворном пятистенном граде, воздвигнутом и подаренном ему небесной феей Тураттати по велению самого владыки всех миров. Внимая благосклонно почтительным речам своего преданного слуги, царя нагов Эйяпатхи, царевич Эйндакоумма узнал о том, что на вершине Горы Ароматов в Рубиновом дворце обитает прекрасная царевна. И тут ему открылась его камма — в личной цепи жизней и перерождений он был связан с прелестной девой. Тотчас в его сердце вспыхнул огонь любви и страсти, с которыми бороться невозможно. Не зная промедления, он тогда же покинул свой заповедный пятистенный град и прибыл на берег озера Навада, где поселился во Дворце Слоновой Кости. Однако страсть и жажда встречи не давали царевичу спокойно жить на берегу прохладных вод. И вот, покинув диковинный дворец, полный почтительности и смирения, он явился в наши заповедные чертоги, утопающие в благовонном аромате божественных деревьев мьиззутаки... Царевич с нетерпением ожидает желанного свидания. Однако нашей юной повелительнице нечего тревожиться. Все верные рабыни и преданные слуги будут подле, не оставят госпожу свою ни на мгновение. А коли Эйндакоумма будет слишком смел и вдруг замыслит переступить границы установленных приличий, мы все без колебаний воспрепятствуем ему! Ну, а теперь могущественный пришелец ждет ответа: не решаясь направить царственные стопы в покои госпожи, он шлет свои приветствия. Какой же вестью вы порадуете юного государя, моя любезная госпожа?

— Ох, милая моя няня, — вздохнула тут царевна, — ты ведь старше и опытнее всех... Твое дитя в смятении: его объемлет страх и стыд... Ведь я не знаю, как вести себя мне с ним, что делать! Ты помоги мне, няня, ступай сама навстречу этому царевичу и удержи его как можно дольше!

— Мы все послушны вашему высочеству! — ответила царевне Махатала. — Однако же пора и действовать. А то как в поговорке: назвалось озером, а лотосов не видно! Надо бы уж показать себя! К вам, славной дочери царя небесных натов, в роскошный дворец на самой вершине Горы Ароматов изволил прибыть царевич Эйндакоумма, сын небесного владыки, с многочисленной свитой. Теперь уж близок срок, когда появится он здесь, в опочивальне... Нам следует достойно встретить государя — ласковою речью, почтительным приветом, любезным обхождением, — дабы первое свидание влюбленных вдруг не омрачила неожиданная оплошность. Не стоит понапрасну испытывать терпение и нежную кротость нашего благородного гостя. Коли наведавшийся к нам царевич скор в словах и действиях своих, то не станем медлить и мы. О любезная моя госпожа, все мы выйдем встретить славного потомка Тиджамина от имени владелицы Рубиновых чертогов. Теперь уж все предвещает делу благоприятный исход! Пусть же нам сопутствует удача!

С этими словами почтенная кормилица Махатала в окружении тысячной свиты придворных девушек царевны, взяв в обе руки дары любви — благовонные цветы небесной мьиззутаки, торжественно покинула опочивальню Велумьясвы и направилась в покои, где расположился царевич Эйндакоумма со своими соратниками. Приблизившись к правителю острова Забу, Махатала поставила перед ним цветы в алмазных вазах и начала почтительную речь:

— Склоняясь к золотым стопам прославленного государя, осмеливаюсь напомнить о минувшем и поведать про нынешнее. На днях нашу госпожу, царевну из Рубиновых чертогов, сразил неожиданно солнечный удар, когда сквозь щель проник в покои жаркий луч. Все слуги госпожи, вся свита были тогда в смятении и тревоге за царственную жизнь. В тот страшный час великий государь пришел на помощь, послав чудесного сандала, который, подобно искуснейшему лекарю, вмиг победил недуг, избавив от страданий несчастную царевну. За это все мы что ни день возносим громкую хвалу в честь государя, исполненные преданной благодарности. С той поры здоровье возвратилось к нашей юной госпоже, хотя и после с нею приключались беды. Вот как-то раз, когда она изволила уснуть на драгоценном ложе из кораллов, в опочивальню проникла крохотная бабочка размером не больше мухи. Благоухая арома-

том, умащенная душистым эликсиром и припудренная легкой цветочною пылью, раскинулась в истоме прекрасная царевна, одетая в роскошную сорочку, украшенную жемчугами,— не иначе как бабочке она казалась ярким и ароматным цветком, невиданным доселе. Играя и резвясь, задорный мотылек кружился над царевной — от взмаха крыльев вился легкий ветерок, который вдруг приподнял жемчужный край сорочки и обнажил сияющую красотой грудь юной девы. Шаловливый мотылек стремительно скользнул в распахнутую ткань и мягко опустился на чуть выпуклый бутон... Царевна простонала: «Больно! Что-то жжет!» Придворная служанка Тиримейтта, стоявшая близ ложа с золоченым опахалом, сильно испугалась и не успела прогнать докучливую бабочку. За это она и до сих пор царевною не прощена...

А ныне, мой государь, все снова благополучно: как после летнего сухого зноя сильный ветер сдувает всю непрошеную пыль, не оставляя ни песчинки, так теперь прохладное дыхание зефира освежило бархатную кожу и высушило изумрудные капельки пота — нет и следа томительного жара...

Теперь, однако, у нас забота иная — как проводить нашего царственного гостя в покои юной повелительницы Рубиновых чертогов! На всем пути к опочивальне пол во дворце будет устлан ковром, и плотным и приятным, — тончайший шелк поверх мягкого бархата, дабы слепящий блеск алмазов, изумрудов и рубинов, коими вымощены галереи и переходы внутренних покоев, не потревожили государевых очей, а шероховатость и неровность драгоценных плит не беспокоила царственные ступни. Для этого сюда и прислана ваша покорная раба! Извольте же, о государь, направить благородные стопы по мягкому ковру через хитросплетенные покои Лабиринта к заповедной опочивальне, где пребывает в девственной истоме на ложе, разукрашенном кораллами, царевна Велумьясва. Там по велению судьбы даст всходы посев любви: как солнце и луна, как два небесных мотылька, соединятся в счастье и блаженстве царственные супруги!

Лишь только няня Махатала закончила свою пространную тираду, как сразу же заговорил хитроумный сверстник и сподвижник царевича — Пинняхата.

— Мой государь и славная властительница Рубиновых чертогов, прекрасная царевна Велумьясва, — оба созданы

лишь друг для друга! Когда же на небесах соединились навечно ваши судьбы, было предначертано, что вам, мой повелитель, надлежит, покинув мирную прохладу золотых чертогов в великом пятистенном граде, устремить свои шаги к берегу заповедного озера Навада, а уж оттуда, из Дворца Слоновой Кости, следовать к заветной цели — в Рубиновый дворец на Горе Ароматов. Настал счастливый срок любви, теперь пора, расставшись с верною свитой, поручить себя заботам обитательниц Рубиновых чертогов и двинуться навстречу желанному блаженству!

Поняв, что наконец настало время пуститься в путь по переходам Лабиринта, царевич улыбнулся и промолвил:

— О любезный брат мой Пинняхата! Пора нам разлучиться. Вы все верно мне служили: позади остались горы, впереди — покои дворца! Теперь умение и преданность свою докажут мне искусные кормилицы, служанки и подружки юной госпожи Рубиновых чертогов. Судьба решила навсегда соединить нас узами любви, друг подле друга мы что золото забурей подле изумруда; нет силы, что смогла бы встать меж нами. Пусть же заботливые, ласковые феи из волшебного дворца заменят нам отца и мать, пусть не будет в мире более преданных и любящих друзей, чем те, которым достался жребий соединить меня в несказанном блаженстве с прекрасною паревной Велумьясвою!

А с вами, добрые мои соратники, на время я прощаюсь! Без устали вы следовали трудною дорогой от золотых дворцов пятистенного града до озера Навада, не сетуя на лишения, не жалуясь на невзгоды. Вы преодолели все преграды — горы, воды и пустыни, прошли и там, где смертный не пройдет. Мы за день совершили долгий путь из отчих мест на заповедный берег, а после от Дворца Слоновой Кости до вершины Горы Ароматов, к обители, которая так меня влекла. Матушка моя на милой родине, в Яммании, услышав обо всем этом, верно, расстроится, решив, сколь тягостно заклатье Тиджамина!

В словах царевича догадливый Пинняхата почувствовал печаль и тут уж не удержался, чтобы не сказать:

— О славный мой повелитель, оставьте сомнения и без колебаний следуйте в заповедные покои! Когда до золотых ушей государыни, вашей матушки, дойдет громкая весть о том, что отпрыск Тиджамина ожидает и жаждет свидания с прекрасною хозяйкой Рубиновых чертогов под сенью благословенной мыззутаки, она возрадуется и сча-

стье переполнит ее сердце! Ведь юная царица Велумьясва происходит из высокого и знатного рода, который не уступит nejsлавнейшим царским семьям на всем огромном пространстве острова Забу, даже великой и могущественной династии царей Яммани!

Когда ваш достославный родитель, владыка небес Тиджамин, замыслил избрать для своего любимого сына достойную супругу, то еще до вашего появления на свет он соизволил послать на землю двух натов из своих небесных подданных. Благородный небожитель, возродившись на острове Забу, стал великим властелином оружия Тиджамина и владельцем чудесного града о пяти стенах — творения феи Тураттати. Небесная же фея, подруга ната и его сестра, явилась в образе царицы Велумьясвы. В ту ночь, когда царице Туваннаяти приснился сон, как солнце и луна расположились отдохнуть на золотой вершине ароматной мьиззутаки, а после солнце продолжало путь, покинувши луну на прежнем месте, — лишившаяся девственности Туваннаяти зачала и потом, спустя положенные сроки, разрешилась дочерью-царицей.

Теперь же пробил час! Мой государь, направьте царственные стопы туда, куда влечет вас чувство, и смело шествуйте стезей любви! Предназначение должно свершиться!

— Любезные мои феи Ятимоутта, Кинсанатары, Падуматейнги и прочие! — строго обратилась к придворным феям почтенная няня Махатала. — Полно вам перешептываться и хихикать! Берите-ка в обе руки по фонарю — в правую с толстым матовым стеклом, в левую с тонким прозрачным, станьте как должно и вместе с почтенными матронами и свитой прислужниц шествуйте вперед, указывая путь нашему высокочтимому гостю, государю Эйндакоумме! А благородный господин Пинняхата, все государевы соратники и верные воины пусть здесь останутся и мирно вкушают отдых в этом дворцовом зале!

Распорядившись так, няня Махатала не спеша направилась во внутренние покои. Придворные феи окружили легким облачком царицы Эйндакоумму, и вся процессия торжественно двинулась следом за Махаталой: мгновение — и благородный отпрыск Тиджамина уже переступил границу Рубинового Лабиринта и вошел в уютный дворцовый Грот.

А между тем хитроумный царедворец Пинняхата не дремал: он потихоньку велел юному воину по имени Пин-

нятейкха, которому было поручено хранить ларец из красного золота с изумрудною отделкой, извлечь диковинку и, приоткрыв крышку, выпустить на волю невиданную доселе золотую птичку Вейззамаятейнги — этот диковинный пернатый, премудрый и говорящий по-человечьи, на свет явился, как из яйца, из имбирного корня. Поведав птице обо всем, что было с царевичем и царевною раньше — от их прежней жизни до сегодняшнего дня, все объяснив, дав нужные наставления, неистощимый на уловки Пинняхата шепотом приказал Вейззамаятейнги немедленно лететь к любимой птичке царевны Забуганде, чтобы тайно выведать у нее все от начала до конца, и тут же возвращаться обратно.

В мгновение ока достигнув царевниной опочивальни, проворный Вейззамаятейнги благодаря своей премудрости узнал от Забуганды то, чего бы никому из людей и даже натов выведать не удалось. Без утайки обо всем переговорив с подругой на птичьем языке и насладившись любовною игрою, посланец Пинняхаты, незамеченный покинул опочивальню и впорхнул в огромный зал, где расположились свита и воины царевича. Тут уж Пинняхата велел усердному Вейззамаятейнги запомнить все, что тот узнал в опочивальне, и, когда царевич пожелает спросить, без промедления обо всем поведать. Лишь только отзвучало повеление Пинняхаты, как верный Пиннятейкха вновь водворил пернатого гонца в уютную шкатулку...

Глава одиннадцатая
и последняя,
в которой
рассказывается
о том, как встретились
и соединились
царевич Эйндақоумма
и царевна
Велумьясва

Построившись попарно в две цепочки, придворные девушки-феи с фонарями в обеих руках, плавно двигаясь и мягко ступая, шествовали следом за почтенною няней Махаталой и указывали путь благородному отпрыску Тиджамина. Так прошли они под высокой аркою через главные двери Лабиринта, миновали просторные покои под узорною крышей с пятью пьятта, сиявшими хрустальной отделкой, и, проследовав по длинным переходам и уютным гrotтам Лабиринта, подступили наконец к заветным внутренним покоям Рубинового дворца. Тут Нандамайя, главный страж, начальник караула, отпер и распахнул стеклянные створки широких ворот, которые раскрылись медленно, со скрипом, напоминая курлыканье журавля, после чего вся процессия столь же торжественно двинулась дальше, продолжая намеченный путь...

Тем временем ближние прислужницы из опочивальни царицны кликнули двух девушек-кейнна¹⁴² и попросили их поиграть на лютне и на флейте, да негромко спеть для услаждения слуха благородной госпожи.

И вот недремлющий привратник Тейнгадвара, заглядевшись на причудливых кейнна¹⁴², заслушавшись небесной

музыкой, не внял настойчивому зову и не открыл дверей в опочивальню царевны. Эйндакоумме вместе с многочисленною свитой пришлось ждать у запертых дверей. А в это время всеведущая птичка Забуганда прошебетала на ухо Велумьясве:

— Прибыл, прибыл!

Прелестная дева вздрогнула от неожиданности, испуга и стыда, проворно соскочила с кораллового ложа и опротясь кинулась в дальние Янтарные покои. Почтенная няня Юпатара едва поспевала за царевною, стараясь поддержать ее на бегу, а позади них следовала свита из подруг — небесных фей. Издалека приметив двух необычных птиц из золота, искусно вырезанных по обеим сторонам стеклянных дверей, среди прочих драгоценных украшений, возбужденная царевна стремительно влетела в Янтарные покои. Подруги царевны, придворные кормилицы, служанки — все обитательницы Рубинового дворца лишь только увидели это, как решили, что случилось неладное: размахивая руками, все столпились и шумели — кто сидя, а кто стоя, в тревоге ожидали, что будет дальше...

Тут-то привратник Тейнгадвара и услышал снаружи крики и призывы. Подойдя к дверям, он стал прислушиваться.

— Отопри скорее двери! — кричала Ятимоутта.

— Зачем? Кому и для кого? — забеспокоился привратник. — Верно, закон не писан ни для Ятимоутты, ни для Падуматейнги? Теперь не время. Ведь даже сумерки прошли и вечер минул, на дворе глухая ночь. Вы, видно, позабыли о часах. Как говорится, все смешалось, точно попугаи в листьях пау¹⁴³! Нет уж, любезные мои феи, дело опасное, двери отпереть в такое время не посмею!

— Ах, милый Тейнгадвара, — сказала Ятимоутта. — Здесь у дверей дожидаются и няня Махатала, и няня Гана-тири, и многие почтенные особы из свиты нашей госпожи... Да и что за преступление отодвинуть засов для верных государевых слуг? Не бойся ничего и не страшись наказания! К тому же скоро рассветет: вот-вот уж закричит петух! Живее открывай!

Семикратно прозвенел засов, и стеклянные двери распахнулись. Процессия придворных дев Велумьясвы, а с нею и царевич Эйндакоумма проследовали внутрь и вскоре оказались в опочивальне владелицы Рубиновых чертогов. В просторном и сверкающем зале со стеклянными

стенами, причудливо украшенными райскими цветами и фантастическими гирляндами, в которых искусно сочетались все девять видов драгоценных камней, так что алмаз сменялся изумрудом, а рядом искрились рубины и кораллы, жемчуга, топазы и прочие камни, на самой середине зала, под пышным балдахином из бархата и в ореоле лotosовых опахал гордо возвышалось коралловое ложе в виде небесной птицы Гаруды с царственно изогнутой шеей. На эту роскошную постель придворные Велумьясвы и уложили славного потомка Тиджамина, а сами кормилицы, няни, феи-подруги и служанки — все вместе уселись поодаль вокруг царевича с должным смирением и в почтительных позах. Тут же благородная фея Тинкхакальяни, дочь государя натов Вейззато, расстелила у основания драгоценного кораллового ложа, на котором теперь изволил возлежать царевич Эйндакоумма, дорогой ковер с отделкой по краям из алмазов и гранатов...

А тем временем прочие кормилицы царевны и подруги-феи с десяти тысячной свитой прислужниц окружили свою сиятельную владычицу, укрывшуюся в отдаленных Янтарных покоях дворца.

— О любезная моя госпожа, — заговорила наконец няня Юпатара. — Хозяин Дворца Слоновой Кости, счастливый обладатель небесного оружия Тиджамина, царевич Эйндакоумма, сейчас изволит отдыхать на покойном ложе в Рубиновой опочивальне. Пусть же теперь наша повелительница отринет напрасный страх и вновь обретет душевное спокойствие. Ваши верные рабыни все устроили и предусмотрели... Благородный наш гость столь славен и могуществен, как только может быть единокровный отпрыск Тиджамина: в его власти весь остров Забу, а правители стран нагов и галоунов у него под рукою, точно преданные слуги. Да и то сказать, разве кто-нибудь другой достоин нашей божественной госпожи, Рубиновый дворец которой возвышается среди великих гор в ореоле славы и богатства? Однако суть не только в том, что ныне госпожа и государь как будто друг для друга созданы. Причина есть еще иная: встретились две каммы прежних жизней, ваши судьбы связаны издревле и навечно! Вот почему юный властитель Забу, не ведая усталости, не зная страха и сомнения, влекомый лишь победной силой чувства, стремится к вам, в далекий Рубиновый дворец. Без сожаления покинул он свой лучезарный пятистенный град и, преодолев

несчетные преграды, достиг тех заповедных мест, в которые простому смертному пути заказаны. Послушайтесь совета вашей преданной служанки, о любезная моя повелительница, — негоже встречать такого гостя враждебной гордостью и царственным высокомерием!

Когда б его расположение сменилось вдруг обидой, а страстная любовь внезапно обернулась монаршим гневом и благородной ненавистью, то неминуемо стали бы грозить несчастья, губительные беды, ужасные невзгоды всем странам и народам на острове Забу и даже выше. Как тут не подумать о лихой поре пагубного зноя и засухи, когда на небосводе встанут сразу семь нещадных солнц, несущих всему живому гибель, и мировой пожар начнется во вселенной ¹⁴⁴! Спасения тогда не будет нигде и никому! Ах, госпожа моя, неужто вам хотелось бы узреть воочию такие беды? Не лучше ли ответить милостью на искренние чувства Эйдакоуммы и благосклонно согласиться посетить Рубиновую опочивальню, дабы узнать достоинства посланца Тиджамина.

— Ох, милая моя няня Юпатара, — вскричала тут юная царевна Велумьясва, — ведь все мужчины, как говорят, смелы в речах, за красным словом или хитроумной шуткой им охотиться не надо. Мне же, сколь ни ищи, не отыскать удачного ответа. Где уж тягаться с ним в умении вести беседу? Что ни вопрос — все окажусь в ловушке, ему удача — мне позор! От страха и смущения уж и теперь не знаю, куда деваться. В присутствии царевича вконец смешаясь, а он сочтет меня неблагородной. Вот потому я и противлюсь свиданию с ним! Не ведаю, что было в прежней жизни и как случилось, что судьбою мы связаны навеки! Теперь же я вся дрожу от ужаса... Однако же и впрямь пора... Ах, няня, только все вы уж меня не оставляйте! Если же царевич скажет или спросит что-нибудь, вы отвечайте за меня!

Тут возбужденный лепет царевны Велумьясвы прервался, а няня Юпатара и все другие уже знали, что надо делать...

В Рубиновых покоях заповедного дворца внезапно загорелось больше сотни причудливых светильников из редкого стекла — прозрачного и тонкого, матово-лунного и плотного, разных цветов и оттенков: синего, желтого, зеленого, красного и множества других. На царственное ложе постелили мягкий белоснежный бархат во много слоев.

Вмиг все было готово к приему благородной госпожи. И вот уже сама царевна Велумьясва, придерживая левою рукою широкий шарф из легкого прозрачного шелка с драгоценной бахромою, в которой искусно сочетались сверкающие рубины, изумруды, жемчуга и бриллианты, а правою рукою опираясь на плечо почтенной кормилицы и няни Юпатары, поддерживаемая под руки прелестными услужливыми феями числом до десяти тысяч, прошествовала в окружении блестящей свиты в сияющий огнями главный зал.

Царевичу, который с восхищением следил за этим пышным и великолепным шествием, казалось, будто незаметно подкрался веселый праздник полнолуния в ясный и прохладный месяц тазаунмоун¹⁴⁵, когда на небосвод, чуть подернутый прозрачной дымкой облаков, выплывает из-за острова Пьюббавидеха¹⁴⁶ среди мерцающих созвездий лучезарный диск луны, своим волшебным светом лаская все миры.

Почтительно склонившись, преданные феи ввели царевну на пушистый ковер из белого бархата, при этом нежные ступни слегка касались лишь кончиков серебристого ворса.

Тем временем заботливые няни и кормилицы царевны прилежно хлопотали вокруг благородного отпрыска Тиджамина, который удобно вытянулся на мягком ложе; чуть прикасаясь, они усердно растирали усталое и расслабленное тело юного царевича, дабы не иссякли в нем силы, не угасли желания; поили возбуждающим напитком — благоуханным нектаром из редких и диковинных цветов. И тут же прелестные подружки царевны обмахивали Эйндакоумму веерами и опахалами, чтобы приятный ветерок немного освежил разгоряченного юношу. А тот, вдыхая бодрящую прохладу, наслаждался безмятежной негой.

Вот тогда почтительная няня Юпатара подвела сияющую красотой царевну к заранее подготовленному месту на расстеленных коврах подле кораллового ложа Эйндакоуммы, и юная властительница Рубиновых чертогов легко и плавно опустилась на пышные подушки.

Лишь только старательные феи своими опахалами и веерами рассеяли давящий зной, смахнули крупные бусины пота с царственного тела, Эйндакоумма восторженно встрепенулся и заговорил — вначале тихо, а потом все громче и взволнованнее звучали слова признания.

— О милая, твоя обитель на славной Горе Ароматов — чудо из чудес! Сколь величественно здание и сколько роскоши в убранстве! А нежная забота твоих подруг, кормилиц и служанок соперничает с обходительностью натов — такая свита под стать владыке неба Тиджамину! Все десять — а может быть, и сотня — тысяч прелестных дев без устали и неусыпно старались печься о моем благополучии. При этом развлекали любезною беседой. Как тут не восхищаться? Теперь позволь, прекрасная царевна, поведать о судьбе твоего братца — пусть обо всем услышишь ты собственными ушами!

Прославленная благочестием высокородная моя матушка, дочь государя Яммании, чистотою помыслов и преданностью высшему долгу снискала благосклонность самого владыки заоблачных чертогов Тудаттана, и вот властитель всех миров Тиджамин милостиво соизволил прибыть в Ямманию. Исполняя заветное желание царевны, Тиджамин одарил ее чудесным плодом страстоцвета, который призван был вознаградить непорочную деву за чистоту и благонравие. Чуть только моя матушка соизволила попробовать заповедный плод и съесть кусочек его, как тотчас же без всякого соития зачала, а в должные сроки в своих чертогах разрешилась мною. Когда вступил я в золотую пору юности и стало мне двенадцать полных лет ¹⁴⁷, сам великий и могущественный Тиджамин изволил вновь спуститься с небес в нашу благодатную страну, чтобы пожаловать собственноручно сверкающий небесными огнями драгоценный убор с невиданным доселе магическим кристаллом, а также славное оружие победы — меч, закаленный натами. Желая видеть меня правителем всех царств на острове Забу, дабы не знал я впредь соперничества на земле, владыка повелед премудрой Тураттати быть моим советчиком на многотрудной стезе науки.

Владыка отбыл в свои пределы — в заоблачное царство натов Тавадейнта, а фея Тураттати прилежно обучала меня премудростям земли и неба: как проникать сквозь землю, как парить по воздуху, как ловко ездить на слоне и на коне, искусно владеть копьём, щитом и луком — так что в совершенстве я все это постиг. После этого, по указанию Тураттати, собрали лучших мастеров, искуснейших умельцев из стран галоунов и нагов, и вот во славу Тиджамина был возведен невиданный дотоле город о пяти стенах с роскошными чертогами дворцов, достойный отпрыска не-

бесного владыки. Когда я благополучно воцарился в новом граде, мой венценосный дед, государь Махаязейнда, велел созвать прекрасных дев-царевен из разных стран на острове Забу и приказал устроить царские смотрины, желая выбрать для меня достойную супругу. Однако, видно, не было на то соизволения небес, а узы каммы ни с одною из юных дев меня не связывали.

Но вот услышал я о той, с которой случай свел однажды государя нагов Эйяпатху; он подробно описал мне достоинства и прелесть юной девы. И тут как будто неведомый мне голос воззвал в моей душе: цепь прежних жизней, верно, нас связывала вместе! Непреодолимое желание влекло меня к прекрасной деве, любовный жар зажегся в сердце, страсть требовала скорой встречи, дабы найти приют меж нежных и ароматных бутонов на твоей груди, сестрица, и обрести блаженство подле милой сердцу супруги.

Движимый одною жаждой встречи, пустился я в неведомые дали к заповедной горе, куда доселе никому из смертных проникнуть не удавалось. Смятенный, полный сладостных мечтаний, я стремился в драгоценные чертоги, не ведая ни страха, ни усталости, а только чувствуя, как пожирает меня огонь, горящий в сердце. Ах, сможешь ли понять меня, любезная моя царица?

Безмолвно выслушав взволнованную речь Эйндакоумы, юная царица Велумьясва повернулась к своей преданной кормилице и няне Махатале и подала ей взглядом едва заметный знак.

— О славный государь, — заговорила тотчас догадливая няня Махатала, — лишь только верные подруги донесли о том, что благородный пришелец изволит находиться у входа в Лабиринт Рубиновых чертогов, так сразу наша милостивая повелительница распорядилась, чтобы почетного гостя немедленно приняли и провели во внутренние залы. Но вскоре, как на грех, любимая пичужка Забуганда вдруг встрепелась и прошебетала на ушко царице: «Прибыл, прибыл!» От неожиданной этой вести наша госпожа пришла в смятение, решив, что государь вот-вот появится в ее покоях, и, не посмев идти навстречу, направилась поспешно в дальний Янтарный флигель. Пока мы хлопотали, одевая госпожу, да шли по бесконечным переходам — путь извилистый и долгий! — вот время и прошло. Зато теперь уже наконец предстали перед государем!

— Облекшись в царский мой убор и захватив на всякий случай разящий меч, оружие небесных натов, которые были мне пожалованы Тиджамином и равных коим нет на всем огромном Забу, в сопровождении послушной свиты, вместе с царями нагов и галоунов стремительно, как будто на волшебных крыльях, я неся по судьбою начертанной дороге, жажда найти заветный цветок любви. Во власти страстного желания узреть прекрасную хозяйку Рубиновых чертогов не в силах был я дольше оставаться в покоях моего Дворца Слоновой Кости на озере Навада — и вот, смирив гордыню, почтительно явился в заповедный дворец. Ведь лотос тянется к воде, а драгоценный изумруд — к богатой золотой оправе! В моей любви — и обожание, и благодарность, и глубокое почтение. Коль скоро юная царица отвергнет это благостное чувство, не дав ему расцвести, — то дивный жар души остынет бесполезно...

В речах царевича, взволнованных и страстных, зазвучала скрытая обида.

— О государь, — вновь начала премудрая кормилица Махатала, — наша благородная госпожа еще слишком юна и невинна. Где ей знать о мирских делах, как понять людские заботы? Шаловлива наша царица и беспечна. К тому же, срывая золотые цветы благовонной мьиззутаки и расставляя их в вазы, она опьянела от сильного аромата, а теперь только-только пришла в себя... А то еще как-то ночью, почивая сладким сном, вдруг почувствовала легкий укол в нежную руку; испугалась, закричала и проснулась. Собрала придворных девушек, стала расспрашивать и допытываться. Потом уж призвали благочестивого отшельника¹⁴⁸ с горы Даммика, и тот все объяснил: «Ручки царицы коснулся небесный мотылек, ток юной крови слегка нарушен, требуется панацея!»

Тут немедленно обратились к супруге государя-ната Вейтавуны¹⁴⁹ и просили спасительного средства, а та, благосклонно приняв наши дары, мгновенно раздобыла чудодейственную панацею с магического дерева падета¹⁵⁰, что произрастает на северном острове Оуттаракуру. Лишь только дали мы юной госпоже небесного лекарства, тотчас страх ее прошел, утихла боль, вновь наступило успокоение.

Вот сколь нежна и впечатлительна царица! Когда же после стала наша госпожа обо всем подробно расспрашивать и узнавать, то шаловливые подружки-феи сказали ей,

что, дескать, юная царица уже в том возрасте, когда пора изведать райское блаженство. Беспечно веселясь, проказницы нарисовали даже на заморской бумаге ¹⁵¹ ароматическою влагой мужскую фигурку, чтобы развлечь свою повелительницу. Смеясь и потешаясь, Ятимоутта вместе с другими девушками осмелилась показать изображение нашей госпоже. Едва взглянув, та в испуге отшатнулась и громко закричала, а после разразилась плачем. Служанки еле отпоили ее целебною водою из озера Навада, давали трижды выпить, только тогда наша владычица уснула, и в мирных сновидениях недавний ужас был забыт. Мы, старшие кормилицы царицы, об этом обо всем узнали позже, ведь своенравные подружки-феи и придворные служанки старались действовать тайком, чтобы не проведал об этом сам царь-отец, великий Малладева.

О благородный государь, теперь, когда вы изволили прибыть к нам собственной персоной и в покоях нашего дворца хитроумно расставили любовные сети, надеясь поймать желанную добычу, не стоит действовать поспешно и опрометчиво. Ведь славный государь — достойный отпрыск властителя небесных царств. Коль скоро задумали вы щедро предложить свою драгоценную любовь и жизнь юной царице, вас ожидает счастье и блаженство. Есть благоприятный знак, предвестие того, что царственные влюбленные соединятся в супружестве. Начните же с приятной и неторопливой беседы, успокойте смятенную царицу ласковою речью — как легкий ветерок заботливо и нежно собирает на небе облака, как умелый мастер-ювелир, плавя серебро, искусно отливая драгоценные цветы и листья, так надо поступать и государю: мягко, осторожно, без торопливости и нетерпения, желая успокоить, боясь расстроить..

— Ах, милая моя сестрица, — заговорил царевич Эйндакоумма, обращаясь снова к одной лишь царице Велумьясве, хотя он со вниманием прослушал долгую тираду няни Махаталы, — твоя небесная краса как чудо из чудес, она под стать невиданному граду о пяти стенах, выстроенному для нас самою Тураттати. Вспомни, ведь твой братец отверг всех самых высокородных и прелестных царских дочерей, которых можно встретить на четырех великих островах, окружающих гору Меру. А стоило мне только услышать про юную и царственную деву из Рубинового дворца, как уже все во мне смешалось — к тебе одной

лишь звало сердце, от жаркого огня в груди не знал спасения. Как только прибыл на берег Навада, страсть запылала с новой силой. И вот я уже здесь, в Рубиновых покоях твоего дворца, в печали и надежде долго странствовал по Лабиринту... Ах, милая сестрица, сколь тяжек мой недуг! Но если сжалишься над старшим братцем, бросишь благосклонный взгляд и не отринешь царственную ручкой мои надежды, а милостиво примешь мою мольбу, то под роскошным балдахином в золотом дворце моем, в пятистенном граде, возблагодарю тебя как самого дивного в мире исцелителя... Так будь же снисходительна, любимая сестрица!

Так говорил царевич Эйндакоумма, и, вняв его словам, юная царица Велумьясва вдруг нарушила свое молчание.

— О любезный царевич, никогда не осмелюсь возразить высоким речам, что изволил произнести славнейший из людей, благороднейший из государей! Но при всем при этом как не вспомнить, что небесная орхидея не расцветает на земле, что лотос не растет по склонам гор или в лесной глуши, тем паче в засушливой пустыне... Град Ароматов, мирный и прохладный, нельзя сменить на шумное творение Тураттати, как невозможно накрепко спаять друг с другом золото и серебро! Увы, к стране людей мне не привыкнуть, а во дворце земного государя не выжить! К тому же, если бы, поддавшись зову сердца, с мыслью о прежней близости и дружбе я, не услышав царственных наставлений славных властителей золотой горы Тудаттана, благословенной и прекраснейшей из гор, не смеющей соперничать лишь с горою Меру, без колебаний отдала бы свою судьбу в царственные руки государя, то уж не миновать мне осуждения родных и близких, деда и отца, моих подруг и свиты, всех государей и жителей великих гор. Сколь тягостно такое порицание! К тому же, если бы государь задумал соединиться узами любви и счастья с одной из благородных цариц на острове Забу и стал бы выбирать, с которой быстрее возможно прийти на пир супружества, то нет сомнения, что жительница тихого Рубинового дворца была бы тут последней! Вряд ли я когда-нибудь постигну придворные обычаи страны людей. Теперь же, если государь решится терпеливо ждать, смирив желания и успокоив чувства, то пусть в свой срок испросит милостивого разрешения у моего отца, славного властителя великой горы Тудаттана!

— Ах, милая сестрица,— воскликнул тут царевич Эйндакоумма,— мы с детства постепенно познаем дела людские, стремимся к знанию, становимся мудрее и могущественнее. Опыт и умение приходят к нам с годами. В юные лета батюшка с матушкой руководят нами, а как достигнем зрелости, то поступаем по собственному разумению. В жизни, как и в природе, все подвластно высшему закону. Вспомни, о сестрица, как сказано:

В месяц пъято ¹⁵² ароматной пылью
Нас осыпают кхваньо ¹⁵³ золотые;
В пору любви на супружеском ложе
Зрелость сулит нам восторг наслаждения!

Всему, стало быть, свое время! Дождалась своего срока и моя матушка. Да только пожелала сохранить девическую чистоту, избегнув близости с мужчиной. Вот тогда и прибыл к ней пресветлый и могущественный владыка небес Тиджамин, чтобы пожаловать за благолепие драгоценную награду — желанного наследника престола. А после на земле, среди людей, родился потомок Тиджамина. Выходит, что мой прославленный отец и мудрая сестрица Тураттати спаяли воедино золото и серебро — так был получен чудесный сплав! А впрочем, женщины куда как скоры и искусны на выдумки. Сестрица, верно, помнит историю о том, как царь Баянати повстречался с обманутым супругом, прятавшим красавицу жену в шкатулке ¹⁵⁴? Где уж нам женский род перехитрить? Нет ли тайной мысли и у моей любезной царевны? Ведь, может быть, весть о моем прибытии сюда проникла уже давно, вот потому сестрице и любопытно узнать побольше о людских делах, не так ли?

Что до меня, то после неудавшихся смотрин, когда ни одна из высокородных дев, собравшихся со всего острова Забу, не приглянулась мне и не вошла хозяйкой в Золотой дворец пятистенного града, я вдруг услышал благую весть от государя нагов и мгновенно понял, что это и есть желанная награда, о которой молю теперь и посылаю моления прежде — на протяжении всех прошлых жизней. Движимый великою любовью, испепеляющею страстью, преодолел я все преграды и, вконец обессиленный, явился в царские чертоги на Горе Ароматов под облаками — выше обиталища царя галоунов Хурамабалы.

Прекрасная царевна изволила мне приказать, чтобы,

выждав положенный срок, долгие дни я внимал наставлениям твоих батюшки с матушкой... Кто же станет тем временем править необъятным островом Забу? Ведь род мой высок и славен, моя власть простерлась на все государства вплоть до царств галоунов и нагов; на обширной поверхности Забу есть острова и океаны, есть воды, леса и горы, сто царей, а может быть, и более управляют своими землями. Кто посмел бы отказаться от власти, если было на то веление отца моего, великого и грозного Тиджамна?

Помни, милая сестрица, ведь перед тобою обладатель заветного оружия натов, сверкающего ярче молний небесных, и магического ожерелья — драгоценности самого владыки! А ты медлишь, будто я тебе не равен, недостойн твоего внимания и ответного чувства. Когда в ослепительном сиянии сомкнутся Рубиновый дворец на Горе Ароматов и невиданный град Тураттати, в заповедной обители любви и счастья мы с тобою сольемся в восторге блаженства... Теперь же, не скупясь, собери благовонную пыльцу нежных и ласковых слов, дабы умирить жар моего пылающего сердца!

Не успел царевич договорить, как всеведущая птичка Забуганда нежно прошебетала из своей драгоценной золотой клетки:

— Полная луна тагу¹⁵⁵ скоро покидает небосвод, близок лучезарный день!

Тут царевна бросила тревожный взгляд в сторону заботливых кормилиц, будто говоря им: «Подойдите же ко мне поближе!»

В тот же миг почтенная няня Махатала и матушка Ганатири, а с ними юные Падуматейнги и Ятимоутта послушно приблизились к царевне.

— Покажите-ка мне вещьку пичужку Забуганду! — попросил царевич Эйдакоумма. И мгновенно расторопная Йоханамейтта извлекла царевнину любимицу из ее изящной золотой клетки, украшенной драгоценными камнями — редкими рубинами, алмазами, изумрудами, и с поклоном поднесла диковинную птицу гостью. Оглядев внимательно прелестную Забуганду, царевич Эйдакоумма задумчиво произнес:

— Вся сверкает золотом, крохотные глазки и ушки точно чистые рубины. Какое дивное создание! Две тоненькие лапки как будто выточены из коралла — кроваво-пур-

пурного цвета. А крылышки и хвостик — просто чудо, словно в драгоценный сплав из лучших видов золота добавили отборной киновари — так и горят, переливаются различными цветами — то ярко-желтым, то темно-красным, а то вдруг голубым или зеленым... Воистину в Рубиновых чертогах есть чем полюбоваться! Кажется мне, что эта диковинная птица обладает небесным даром провидеть будущее и зорким оком проникать в события минувшего. Тогда уж, верно, ей доступны образы и формы прошлых жизней — не ведая преград, ее волшебный взор пройдет сквозь толщу лет и принесет нам вести о былом!

— Эту диковинную птичку мне посчастливилось найти в цветке небесной мьиззутаки, — сказала тут Йоханамейта, дочь государя-ната Девадиты, правящего живописною горою Ситра. — В заповедном саду нашего Рубинового дворца, возвышающегося на Горе Ароматов, расцвел невиданный по красоте цветок на пышной мьиззутке. Когда я золотым трезубцем сорвала приглянувшийся цветок, то вдруг заметила малюсенькую птичку — не больше золотистой мушки. Вот тогда я и решила заботиться о ней, хранить ее будто зеницу ока, а после постепенно обучила языку людей, так что теперь любою речью пичужка может усладить слух государя!

— О золотая пташка Забуганда, поведай же скорей о том, кем были мы с твоей прекрасной госпожою в прежней нашей жизни и что тогда случилось с нами! — воскликнул в нетерпении царевич Эйндакоумма.

— Изволь, мой государь! — заговорила тут человеческим голосом диковинная птица Забуганда. — Я расскажу всю правду про то, что было прежде с господином и госпожою! Внимайте моим словам, и пусть откроются для них ваши царственные уши!

И вот что поведала юным государям божественная вестница небес.

— Когда-то прежде, в далекие времена, в стране Сабанагара у царя Махатирейндаря и царицы Махатилагуны было двое детей — царевич и царевна. В положенные сроки оба достигли совершеннолетия, и царь-отец Махатирейндарей сказал им так: «Хоть вас, моих детей, на родине все любят и почитают, да и сами вы росли друг подле друга, так что связаны взаимным чувством, однако я намерен выбрать вам обоим дорогу в чужое царство: в назначенное время вы соединитесь с царевичем и царвною из другой

страны, и вам придется разлучиться! Вот потому с неодоблением гляжу я на вашу близость: вы оба так привязаны друг к другу, что не можете расстаться ни на миг, будь даже он краток, как вспышка молнии!» И после таких слов государь объявил им свою волю: «Царевича Эйндаязу я отправлю учиться к аскету Валамэрге премудрости земли и неба, а царица Тузита станет постигать заветные тайны книг у отшельницы Готилы. Отныне вас разделит расстояние в десять юзан!»

Вот что повелел Махатирейндарей своим любимым детям, и в тот же день царевич и царица послушно разлучились.

Вскоре юный Эйндаяза достиг умения превращаться в любое существо и принимать разнообразные обличья. Сильно тоскуя по сестре, задумал он тогда одно желание и стал молить аскета: «Хочу во что бы то ни стало увидеться с сестрицею Тузитой, пусть лишусь я головы, зато смогу соединиться с царицей на небе в селениях Ватаватти!»

С этой мыслью он произнес магическое заклинание, отсек свою голову и преподнес ее с почтением наставнику-аскету, а сам, обратившись в небесного кейннара, полетел в леса Хевунты.

А тем временем его сестра, царица Тузита, с мольбою обратилась к отшельнице Готиле: «В награду за мою прилежную учебу и почтительную службу, когда я соблюдала священный долг, доставляя пищу и заботясь о премудрой наставнице, хочу очутиться в селениях натов Ватаватти!»

Так, не перенеся разлуки с братом, тоскуя и печальясь по нему, царица умерла, а после смерти сделалась небесною кейннари и тоже полетела в далекую Хевунту.

Брат и сестра — кейннара и кейннари — повстречались на старом дереве, которое когда-то посадил на берегу заповедного озера Гамоуттата ученый-книжник и мудрец по имени Махатэкатила¹⁵⁶.

Встретившись, кейннара и кейннари поведали друг другу о прошлой жизни и сразу же признали прежнее свое родство. Тогда-то брат и рассказал сестре о том, как он, тоскуя по любимой, молил наставника-аскета о том, как наконец была услышана его мольба, и как пожертвовал он отшельнику свою голову. Слушая эту печальную повесть, царица от жалости и горя рассталась с жизнью и возродилась наконец в заоблачных селениях Ватаватти в образе

царственной феи, окруженной свитой в тысячу прислужниц. А прежняя ее телесная оболочка так и осталась на ветке развесистого дерева, где повстречалась она с братом. Не выдержав разлуки с любимой сестрою, царевич Эйндаяза также покинул прежний мир, переселившись в образе небесного ната с тысячной свитой в страну Ватаватти. Тело же его осталось рядом с телом Тузиты на той же самой ветке. Вот откуда повелись в лесах Хевунты диковинные плоды с человеческим лицом.

Ну а потом царица Тиласанда, дочь государя из страны Яммания, пожелав произвести на свет без всякого греховного соития наследника престола¹⁵⁷, воззвала к Тиджамину. И вот владыка всех небесных царств распорядился, чтобы на землю отправились два ната — брат и сестра — в окружении тысячной свиты каждый. Совершая свой путь с небес, они остановились отдохнуть на вершине Горы Ароматов, а после их ожидало новое рождение. Брат появился вновь на свет из чрева юной непорочной Тиласанды, которой было суждено чудесным образом понести, отведав плод страстоцвета; так и родился царевич Эйндакоумма.

Возлюбленная же его сестра вступила в новую жизнь как благородная царица Велумьясва, прославленная внучка государя-ната Тирейндарея и его супруги Кальяनावати¹⁵⁸, которые и поныне правят на великой Горе Ароматов.

В то время я сама была дриадой в лесу, которым издавна покрыты склоны Горы Ароматов, и обо всем этом сама слышала, а кое-что и видела воочию! Вот и вся история, мой государь!

Так завершила свое повествование всеведущая птица Забуганда. Царевич Эйндакоумма был несказанно доволен и, посадив крохотную рассказчицу на царственную длань, изволил похвалить, а после в благодарность накинул на нее роскошный, шитый жемчугом платок, подаренный ему царицей Эйндайти, дочерью государя натов Датаратхи...

Тут в беседу почтительно вступила благородная подруга царицы Йоханамайтта и позволила себе добавить к рассказу птицы то, что знала от отца.

— Когда наш повелитель и государь, отец царицы, прославленный нат Малладева, пожаловав богатые дары — не меньше тысячи рубинов — и испросив благословения на брак с любимой им царицею Туваннайти, нынешнею на-

шей государыней и матерью царевны Велумьясвы, добился заветной цели и узами любви был связан с желанною подругой, царственные супруги удалились на ложе наслаждений, украшенное редкими топазами, а после долгих ласк и сладостных объятий погрузились в мирный сон. И вот тогда-то царица Туваннаяти очутилась в мире чудесных сновидений. Пригрезилось ей, будто солнце и луна с двухтысячною свитой спустились по небесной лестнице из селений натов Ватаватти и на вершине Горы Ароматов изволили остановиться, отдыхая в душистой кроне благовонной мьиззутаки, росшей подле Рубинового грота. Побыв немного вместе, они расстались: солнце с тысячною свитой продолжало свой путь, направляясь прямо в страну Ямманию; луна же, проводив великое светило мира долгим взглядом, вдруг двинулась к царице Туваннаяти, отверзла девственную грудь и проскользнула внутрь... Тут юная царица испугалась, вскрикнула и в ужасе проснулась, а после пересказала странный сон супругу-нату Малладеве. Наш государь немедленно велел призвать отца моего, ната Девадиту, и приступил к нему с расспросами.

«Что славный светоч мира отправился на землю, на благодатный остров Забу,— это верный и счастливый знак: в стране Яммания родится несравненный и могущественный юноша-царевич. А то, что светлая луна проникла в грудь царицы, означает лишь одно: возлюбленная супруга и государыня произведет на свет прекрасную царевну-дочь, достойную подругу тому царевичу на острове Забу!»

Вот как ответил государю Малладеве мой батюшка, премудрый нат! Об этом я узнала в нежном возрасте, и как будто нарочно все это сохранилось в моей памяти... Теперь же, лишь только я услышала, о чем говорила государю золотая птица Забуганда, я вспомнила эту знакомую с детства историю и вот осмелилась потревожить государя своей речью. Больше мне нечего прибавить к рассказу хитроумной птицы... Все так. Вот и выходит, что благая камма и судьбы преданных друг другу брата и сестры, когда-то, в незапамятную пору, пожертвовавших жизнью во имя искренней любви, теперь сольются!

Внимая вкрадчивому щебетанию Забуганды и рассудительным речам Йоханамейтты, юная царевна Велумьясва вдруг ощутила, как нежное и трепетное чувство, столь чистое, что даже белоснежный шелк, стократно погруженный в кристальную прозрачность горных вод, не мог бы сопер-

ничать с этою небесною чистотой, неожиданно родилось в ее душе и прежде ледяное сердце тут же потеплело и смягчилось, а из прекрасных глаз на нежные ланиты покатались жемчужины горячих слез: вот бесценная капель уже смочила мягкие подушки, и тоненькие струйки потекли на глянцевоый атлас сверкающего покрывала, украшенного стройными рядами всех девяти камней, — чудесный дар царицы Тунандааммы, супруги государя-ната, правящего гороу Даммасейтта в стране Котоумба.

Увидев, что царица плачет, все кормилицы и няни с Махаталой во главе, все ближние подруги — и Падуматейнги, и Ятимоутта, и другие, все служанки и рабыни, как по невидимому знаку, тихо поднялись и удалились, собравшись вместе в прилегающих покоях — Сапфировом, Топазовом, Зеркальном и Хрустальном — близ парадных дверей с изображением диковинной птицы Гаруды.

«Мои могущество и слава известны миру, — размышлял тем временем царевич Эйндакоумма, — а власть моя простерлась по всему великому Забу. И прежде никогда не приходилось мне испытывать волнения, подобного тому, которое испытал я здесь, в Рубиновых чертогах на вершине Горы Ароматов... Кто станет спорить, что красотой своей, нежностью и статью прелестная царица затмит любую из небесных феей? Однако мне кажется, что истинное чувство ее душе еще неизвестно. К чему тут снова вспоминать, как я стремился к прекрасной девице, сколь желанной была заманчивая цель?! Но мне в ответ ни ласкового взгляда, ни пылкого намека: царица холодна, величественна, недоступна. Вотще мои призывы и мольбы! Намерения ее неясны, мысли, верно, о другом... Ах, если бы хоть как-нибудь узнать, что творится в золотом ее сердечке! Может быть, оно не столь уж спокойно и даже возбуждено слегка? Вдруг справедливы старинные предания о смелых и решительных героях, добивавшихся любви без колебаний? Может быть, и правда, что только натиск сулит победу? Чем больше слов — тем меньше пользы! И коль не поспешишь — дела не решишь!»

С такими мыслями царевич Эйндакоумма незаметно все ближе придвигался к прелестной девице, так что, наконец, они уже почти прижались друг к другу, разделенные лишь узкою дорожкой из драгоценных изумрудов...

Тогда отважный потомок Тиджамина легко коснулся атласной ручки царицы Велумьясвы, бережно взял ее в

свои царственные длани и начал, ласково перебирая тонкие и нежные пальчики небесной феи, мягкие, как самый редкий шелк, с блестящими жемчужинами-ноготками, любовно вглядываясь в паутинки жилок, по которым струились нити пурпурной крови, точно ажурные коралловые бусы на фоне зеленеющего моря...

Лишь силой разума и воли царевич Эйндакоумма поборол нахлынувшие чувства и укротил вскипевшее желание...

— Милые мои Яtimoутта, Падуматейнги и все другие, — чуть слышно промолвила царица, — как всегда ушли и, верно, где-нибудь за дверью. А мне вдруг стало как-то жарко... Я вся в испарине, и даже льется пот... Возьмитесь же скорее за веера и опахала, пусть прохладный ветерок остудит этот жар!

— Ее высочество, должно быть, утомилась! — смекнула преданная Яtimoутта, услышав отдаленный шепот испуганной царицы. И, заглянув в опочивальню, придворная фея негромко проговорила:

— Неужто братец и сестрица, столь лучезарные, как солнце и луна, в нежной своей беседе не пришли к согласию? Уже светает, скоро утро... Но госпожа как будто улыбнулась! Слава небесам, ведь это значит, что наши мольбы всеведущему Будде не пропали напрасно — они услышаны! Сдается мне, что отчуждение прошло и цель желанная близка!

— Ах, милая моя сестрица! — воскликнул тут царевич Эйндакоумма. — Вся любовь, вся нежность и вся страсть того, кто властвует над островом Забу, отныне только здесь и отданы тебе... Любимая, ты так прелестна, так дивен твой лучезарный лик — и нежные ланиты, и ясное чело, и рдеющие ягоды ушей. А дальше — алчный взгляд не может оторваться от тонкой точеной шейки, от соблазнительной груди, где ослепительная кожа будто вобрала всю сверкающую зелень изумруда... Нет слов, великолепен воротник, расшитый бриллиантами, он венчает жемчужные узоры легкой одежды, да, жаль, скрывает прелесть царственной груди. Тонка и безупречна талия моей сестрицы — ну, как не вспомнить древние книги о женской красоте: прелесть юной груди там сравнивалась с пламенеющим лотосом¹⁵⁹! Твои пленительные руки, точно восковые свечи, атласны, гибки, ароматны. Воистину благовуханная и девственная юность моей любимой меня уносит в далекие небесные миры, в селения натов! Нет больше

сил противиться желанию — как огненная лава, страсть переполняет грудь, заветный жребий меня влечет...

Чуть приподнявшись на роскошном ложе, царевич Эйндакоумма склонился к юной своей подруге. Еще мгновение — и светоч лучезарной красоты уже сиял на ложе из кораллов, благоухающем ароматом небесного сандала. Счастливый победитель уже спешил к желанной цели — два юных тела сплелись в блаженстве брачного соития...

На этом и кончается повествование, в коем, словно в магическом зеркале, отразились поучительные события далекой старины...

Комментарии

¹ **Чту совершенного...**— традиционная формула, которой начинаются буддийские религиозно-философские и литературно-дидактические сочинения. В данном случае она используется как эпиграф — вводя его, автор как бы оповещает читателя о назидательном характере повествования и о своей преданности идеям «Просветленного» (т. е. Будды).

² **...три драгоценные святыни** — три объекта почитания у буддистов: Будда-наставник, его учение — *дхамма* («закон») и община верующих — *сангха*.

³ **Будда** (пал., санскр. *буддха*) — в дословном переводе «просветленный», «достигший прозрения». Здесь имеется в виду Готама (санскр. Гаутама), индийский царевич из племени Сакка (санскр. Шакья), который, по преданию, 29 лет от роду покинул отчий дом и ушел от мирской жизни в поисках истины. После многолетних скитаний, мучительных сомнений, искушений Готама будто бы познал суть бытия и открыл путь к избавлению от жизненных мук, к вечному успокоению (пал. *ниббана*, санскр. *нирвана*). С момента озарения Готама и сделался четвертым по счету «буддой». Согласно воззрениям бирманских буддистов, учение Будды-Готама будет править миром пять тысяч лет; к настоящему времени половина этого срока уже прошла.

⁴ **...восемьдесят четыре тысячи текстов** — по представлению южных буддистов, в частности бирманцев, это полное собрание религиозных книг на языке пали, в которых изложено учение школы *тхеравада* (*тинаяна*). В данном случае перечислены лишь главные, наиболее известные из 84 тысяч *дхаммаккхандх* (отдельных трактатов): «Дхамма-чакка» («Колесо закона»), «Паттхана-пакарана» («Книга первопричин»), «Винайя-питака» («Книга правил общины»), «Сутта-питака» («Книга назидательных бесед»), «Абхидхамма-питака» («Откровение закона»), причем три последние составляют основу знаменитого канонического собрания «Трипитака» (санскр. «Трипитака» — «Три корзины», или «Три сокровищницы»), сформировавшегося много позже деятельности Будды-Готама, но содержащего, по преданию, его проповеди и беседы с учениками.

⁵ **дерево бодхи** — *баньян*, «смоковница священная» (*Ficus religiosa*), почитается буддистами как дерево, под которым на Готаму будто бы снизошло просветление.

⁶ ...в бoрeнии пpeдoлoл пять зoл... — тaк oбычнo пpeдcтaвляeтcя путь пoзнaния иcтинy, cyщнoсти мирa, пpoйдeнный и выcтpaдaнный Бyддoй-Гoтaмoй. Пять зoл (или пять пoрoкoв) — этo paзличныe пpoявлeния дeмoнa злa Мaры: coмнeниe, гopднaя, зaблyждeниe, жecтoкocть, cтpaсть. Чeтыpe (блaгoрoдныe) иcтинны cyть cлeдyющиe: 1) мир пoлoн злa, a жизнь eсть cтpaдaниe; 2) злo и cтpaдaниe пpoиcтeкaют oт жaжды жизни, oт пpивязaннocти к мирy; 3) eсли ycтpaнить пpичинy, paзopвaть yзы, cвязывaющиe c жизнью, тo злo и cтpaдaния пpeкpaтятcя; 4) к избaвлeнию oт мyк жизни вeдeт «блaгoрoдный вoсьмичлeнный пyть», oткpытый Бyддoй-Гoтaмoй: пpaвильныe взгляды, пpaвильныe мыcли, пpaвильныe рeчи, пpaвильныe пocтyпки, пpaвильнaя жизнь, пpaвыe ycилия, пpaвильнaя пaмять, пpaвaя coceдoтoчeннocть. Boceмь знaний — этo cвepх-ecтecтвeнныe вoзмoжнocти Бyдды: cпocoбнocть твopить чyдeca, cлышaть вce и oтoвcyдy, видeть вce и вeздe, пpoникaть в чyжии мыcли, пoмнить o пpoшлых cyщecтвoвaнияx, пpeдвидeть бyдyщee, лeтaть пo вoздyхy, пocтигaть мыcлью дeлa вceх мирoв. Дeвять coвepшeнных дoбpoдeтeлeй — этo глyбoкoe знaниe «зaкoнa» (пaл. *дaммa*, cанcкp. *дaрмa*), cтpeмлeниe к «пoкoю» (пaл. *ниббaнa*, cанcкp. *ниpвaнa*), блaгoдapнocть зa пoднoшeния oт людeй и нeбoжитeлeй, пoзнaниe мyдpoсти мирa, пoнимaниe бecкoнeчнocти вeщeй, гoтoвнocть быть выcшим нacтaвникoм вceгo cyщeгo, дocтижeниe coвepшeнcтвa дyxa, cтpeмлeниe cпacти oт мyк и cтpaдaний вce живoe, вoля к пoбeдe нaд мирoвым злoм. Шecть cлaвных пoбeд cyть: влacть нaд вceм тeлecным, вceпpoникaющaя мyдpoсть пoзнaния, cпocoбнocть oткpыть иcтинy вceм нeпocвящeнным, выcoкaя нpaвcтвeннocть зaкoнa, пyть к yтoлeнию жeлaний, нeпpeoбopимoe мoгyщecтвo yчeния. Coчeтaния этix бyддийcких кaтeгopий нepeдкo пoвтopяют друг дpyгa, и Швeдaун Тихaтy, пo-видимoмy, pyкoвoдcтвoвaлcя paзличными бyддийcкими тpaктaтaми, в кoтopых излaгaлиcь пoдчac нecxoдныe тoчки зpeния.

⁷ ...нaт, чeлoвeк или выcшee твopeниe бpaхмa — живыe cyщecтвa, oбитaющиe в paзличных cфepax вceлeннoй. Пo пpeдcтaвлeниям бyддизмoв, вo вceлeннoй cyщecтвyют тpи oснoвныx мирa: «мир cтpaceй» (кaмa-лoкa), «мир фopм» (pyпaлoкa) и «мир бecтeлecных» (apypa-лoкa), — кaждый из кoтopых в cвoю oчepeдь дpoбитcя нa ряд cвoeoбpaзных «нeбecных» этaжeй, нacелeнных cмepтными людьми, бoжecтвaми-дoлгoжитeлями — *нaтaми* и бeccмepтными нeбoжитeлями — *бpaхмaми*.

⁸ ...вeликoй гocyдapь и влacтeлин жизнeй пoддaнных cвoих — oбычный титyл-клишe пpи yпoминaнии бирмaнcкoгo мoнaрхa. В тeкcтe aвтopcкoгo вcтyплeния гoвopитcя, пo-видимoмy, o кoрoлe Бирмы Сингyминe (пpaвил в 1776—1781 гг.) из динaстии Aлaунпaя, или Кoунбaун (Кoнбaун); xoтя бирмaнcкaя литepaтypoeдeчecкaя тpaдиция cчитaeт, чтo пoвecть «Чyдecнoe зepцaлo» былa нaпиcaнa eщe пpи импepaтope Aлaунпaя (пpaвил в 1752—1760 гг.), дeятeльнocть кoтopoгo, пo мнeнию бирмaнcких филолoгoв, в гopaздo бoльшeй cтeпeни зacлyживaeт cлaвocлoвий, нeжeли пpaвлeниe ничтoжнoгo Сингyминa.

⁹ Т а м а - т а м б о у д д а — бирманское произношение палийского *самма-саммудха* — «высший будда»; в данном случае имеется в виду пятый по счету грядущий будда Меттейя (санскр. Майттрейя), которому, по представлениям буддистов, суждено дать миру новое учение после того, как нынешняя вера придет в упадок.

¹⁰ Я т а н а п у р а (или Ратанапура) — торжественно-официальное название старинного бирманского города Авы. Факт упоминания автором Ятанануры в качестве главного города Бирмы наводит на мысль о том, что повесть была написана уже после императора Алаунная, столицей которого был город Швебо (Швейбоу). При династии Коунбаун столицу переносили в Аву дважды — в 1765—1783 и в 1823—1837 гг. Здесь, несомненно, может иметься в виду лишь первый срок, когда в Аве правили сын Алаунпай — Схинбьюшин (1763—1776), сын последнего — Сингумин (1776—1781), сын Сингумина — Маун Маун (1781) и, наконец, сын Алаунпай — Бодопая (Боудопая) (1781—1819).

¹¹ З а б у́ — название одного из четырех «великих» островов (материков), которые, по представлениям буддистов (как, впрочем, и индустов) о мире, плавают в Мировом океане, окружая центр вселенной — священную гору Мьинмо (пал. Меру, или Махамеру). Остров Забу (пал. и санскр. *Джамбу*) расположен к югу от горы Мьинмо, имеет форму треугольника, причем половину острова составляет водная поверхность, а суша покрыта Гималайским лесом и заселена людьми. В хвалебных и панегирических сочинениях придворных бирманских авторов островом Забу нередко именовалась Бирма.

¹² п а р а м и т а — добродетель, нравственное совершенство, а также система определенных правил для достижения такого совершенства; Будда-Готама преуспел в десяти парамитах, обретя щедрость, высокую нравственность, способность к самоотречению, мудрость, энергию духа, воздержанность, твердость, правдивость, милосердие, терпение.

¹³ ...возводит священные храмы над нетленными останками учителя нашего...— останки Будды почитаются священными реликвиями, для сохранения которых возводятся специальные храмы — пагоды, ступы; подобных сооружений немало и в Бирме.

¹⁴ З о л о т а я О б и т е л ь В е л и к о й С п р а в е д л и в о с т и — по-бирмански «Махамингала шветхи-швебоун» — один из храмов, построенных по указанию короля Сингумина. Это обстоятельство не может не навести на мысль о том, что повесть была написана именно в годы его правления.

¹⁵ ...драгоценные бутоны небесных лотосов, достойно венчающих головы преданных слуг...— традиционный оборот, употребляемый при изъявлении верноподданных чувств по отношению к высшему, в частности к государю; имеется в виду, что подданные падают ниц у ног правителя.

¹⁶ п а д е т а — мифическое дерево, которое произрастает будто бы на северном острове (материке) Оуттаракуру (пал. Уттарукуру), одном из четырех островов, окружающих гору

Мьинмо, и обладает чудодейственным свойством исполнять любые желания.

¹⁷ ...шесть миров небесных натов — согласно космологическим представлениям бирманских буддистов, это высшая сфера «мира страстей» (кама-лока), расположенная на горе Мьинмо (Меру). Повелитель небесных натов Тиджамин (пал. Сакка, санскр. Шакра) обитает на небесах Тавадейнта (пал. Та-ватимса, санскр. Траястринша), у самой вершины священной горы.

¹⁸ с а д ж á — волшебное оружие (иногда копье или меч), атрибут бога Шакры (пал. Сакка, бирм. Тиджамин), встречающегося в пантеоне как буддистов, так и индуистов. Нередко слово *шакра* (пал. *сакка*, бирм. *тиджа*) — «могучий» выступает как эпитет владыки богов Индры. По преданию, оружие *саджа́* (пал. *чакка*, санскр. *чакра*) было даровано императору Аноратте (правил в 1044—1077 гг.), основателю первого бирманского государства Паган, и с тех пор выступает как неизменный атрибут государственной власти в Бирме.

¹⁹ ...крылатым конем и белым слоном, по представлению бирманцев и некоторых других народов Юго-Восточной Азии, небеса одаривали угодных государей. Белый слон всегда почитался священным, наличие одного или нескольких слонов-альбиносов при дворе правителя любой страны Юго-Восточной Азии было свидетельством могущества и залогом процветания державы. Наряду с реальным достоянием государя — белым слоном и обожествленным оружием, находившимся в тронном зале бирманского короля, — при возвеличении монарха поэты нередко упоминали и крылатого коня, образ которого никак материализован не был.

²⁰ «Лев из рода Солнца» — по-бирмански «Маханемьюу тихату», — первоначально титул, присваивавшийся лишь родственникам государя Бирмы. В период правления династии Алаунная (Коунбаун) этот обычай нередко нарушался. Считается, что военачальник, известный в истории под этим титулом и якобы побудивший автора создать «Чудесное зеркало», был приверженцем основателя династии — императора Алаунпая, находился на службе при его преемниках и за участие в заговоре был убит при Бодопае (в 1782 г.).

²¹ ...всеми пятью родами войск — в бирманской армии в ранний период Коунбауна (конец XVIII — начало XIX в.) — это кавалерия, пехота, воины на колесницах, воины на слонах и речная флотилия.

²² Я м м а н и я — бирманское произношение палийского названия Рамманья; любопытно, что в старинных цейлонских сочинениях на пали Бирма именовалась «Рамманья-деса», т. е. «страна (земля) Рамманья».

²³ ю з а н а (пал. и санскр. *йоджана*) — мера длины, бирманцами соотносится с расстоянием в 13 английских миль (примерно 24 км).

²⁴ ...архаты, аскеты и брахманы — это сочетание встречается в тексте повести не раз, что свидетельствует, по-видимому, о религиозной пестроте и веротерпимости в мифическом царстве Яммания, где мирно уживаются и почитатели Брахмы,

и монахи-буддисты (архаты), и отшельники из различных сект.

²⁵ ...соединение всех пяти совершенств женской красоты — это чистота и гляцевитость кожи, стройность телосложения, блеск волос, эластичность мускулов, свежесть юного возраста.

²⁶ Тиджамини (пал. Сакка, санскр. Шакра) — владыка неба и повелитель небесных божеств (натов), обычно отождествляемый бирманцами с богом Индрой. Тузитадэви — одна из четырех супруг Тиджамини.

²⁷ Тиласанда (пал. Силасанда, санскр. Шилачандра) — букв. «луна долга, луна добродетели».

²⁸ Яду и яганы — жанры бирманской классической поэзии. Яду как вид романтической поэмы, нередко мадригального характера, были особенно популярны в XV—XVI вв. Яганы — эпические сказания в стихах, отчасти юмористического склада, были распространены в более позднее время (XVII—XVIII вв.).

²⁹ арь я — «благородный», у бирманских буддистов так именovali того, кто порвал с жизненной суетой, освободился от бесконечной цепи перерождений и вступил на путь, ведущий к бесмертию.

³⁰ Зан (пал. дхьяна, санскр. джхана) — здесь высшее состояние полной отрешенности, транса, при котором подвижник будто бы обладает способностью летать по воздуху и посещать иные миры.

³¹ ...владыка неба и тридцати двух натов... — обычно бирманцы верят, что в подчинении у Тиджамини паходятся тридцать шесть главных натов (строгая дифференциация сфер их влияния и функций в религиозной традиции отсутствует). Однако в различных текстах число натов варьируется. Так, автор настоящей повести упоминает то 32, то 28 натов.

³² гатха — четверостишие на языке пали, каждый стих содержит восемь слогов; здесь имеется в виду стихотворная формула-заклинание.

³³ ...минули месяц Рака, месяц Льва, месяц Девы... — в тексте месяцы названы по зодиакальным созвездиям, которые обходит солнце в течение года: месяц Рака приблизительно соответствует июлю, месяц Льва — августу, месяц Девы — сентябрю, месяц Весов — октябрю. Буддийский пост длится с конца июля по конец октября.

³⁴ карма (санскр. карма), согласно религиозным представлениям буддистов, определяет настоящее и будущее человека, она выступает как совокупность всех деяний — хороших и дурных — данного индивидуума на протяжении всех его перерождений; от состава, «качества» кармы зависит новое воплощение субъекта, вся его последующая жизнь.

³⁵ Ватаватти (пал. Васаватти, санскр. Вайшраварти) — одно из заоблачных небесных царств, населенных небожителями (у бирманцев — натами).

³⁶ Тавадейнта (пал. Таватимса, санскр. Траястринша) — небесное селение высших натов, по традиции помещается близ вершины священной горы Мьинмо (Меру).

³⁷ **З а б у** (или *забурей*) — мифическое золото высшей пробы, добывается будто бы из древесины волшебного дерева, произрастающего на острове Забу (пал., санскр. Джамбу) (об острове Забу см. прим. 11).

³⁸ **Э й н д а к о у м м а**, что означает «потомок **И н д р ы**»...— здесь автор повести «Чудесное зеркало» подчеркивает тождество Тиджамина и бога Индры: «Эйндакоумма» — бирманское произношение индийского мужского имени «Индакумара» (пали) — «Индракумара» (санскр.) — «Индракумар» (хинди), которое означает «сын (отпрыск) Индры» («кумара» значит «юноша», «царский сын»).

³⁹ **Т у д а т т а н а** (пал. Судассана, санскр. Сударшана) — в переводе «Радующая глаз», «Живописная», наименование одной из пяти великих гор, окружающих, по представлениям буддистов, центр вселенной — гору Мьинмо (Меру).

⁴⁰ **П я т ь д о с т о и н с т в ж е н с к о й в н е ш н о с т и** см. прим. 25. **Ш е с т ь п о р о к о в ж е н с к о й в н е ш н о с т и** — это чрезмерная бледность или смуглость, слишком большой или слишком малый рост, тучность или чрезмерная худоба.

⁴¹ **п р а з д н и к о ч и щ е н и я в о д о й** приходится обычно на середину апреля по лунному календарю и знаменует собой, в частности у бирманцев, начало нового года.

⁴² **...и н с т р у м е н т ы п я т и в и д о в** — это полный состав традиционного бирманского оркестра, включающего пять групп: струнные (лютня, цитра и т. п.), духовые (дудки, трубы), медные ударные (гонги, тарелки), кожаные ударные (барабаны различных типов), деревянные ударные (кастаньеты, бамбуковые трещотки, ксилофон и пр.).

⁴³ **С л о н о в ы и о з е р а** — мифическая группа озер, которые, по поверью, расположены в Гималаях и наполнены водой с чудодейственными свойствами. Названы эти озера (по-бирмански «Схаддан-айн») будто бы в честь Схаддана — диковинного царя слонов (по буддийской традиции Схаддана — одно из прежних воплощений Будды-Готамы). **Н а в а д а** (пал. Наватта) — букв. «Девятичастное» — «Девятиозерье», входит в систему Слоновых озер.

⁴⁴ **м ь и з з у т а к а** — мифическое растение, цветы которого будто бы обладают пьянящим ароматом, услаждающим обитателей небесных селений.

⁴⁵ **М а л л а д е в а** — в переводе «Цветочный бог», мифический правитель заоблачных лесов и вод, населенных фантастическими существами, духами растений, птиц, насекомых и пр.

⁴⁶ **к е й н н а р ы** [пал. *киннара* (мужск. р.), *киннари* — (женск. р.)] — в представлении бирманцев, диковинные создания с птичьим телом и человеческой головой, обитающие в небесных селениях или в Гималайском лесу. В произведениях древнеиндийской литературы *кейннары* нередко изображались с головой лошади и человеческим туловищем, почитаясь как небесные музыканты.

⁴⁷ **...д е в я т ь ю в и д а м и д р а г о ц е н н ы х к а м н е й...** — традиционный набор из девяти драгоценных камней включает жемчуг, коралл, сапфир, алмаз, «кошачий глаз», изумруд, топаз, рубин, гранат.

⁴⁸ **м а н о м а я** — сказочный волшебный камень — рубин, название его в переводе означает «обладающий сознанием, одушевленный».

⁴⁹ **н а р а н и и з а б у р е й** — две разновидности мифического золота высшей пробы.

⁵⁰ **п я т ь в е л и к и х г о р**, согласно буддийской космологии, окружают священную гору Мьинмо (Меру, Махамеру): это Тудаттана (пал. Судассана, санскр. Сударшана) — «Живописная»; Ситра (пал. Ситта, санскр. Ситра) — «Чудесная», «Дивная»; Кала (пали — санскр. Кала) — «Черная»; Гандамадана (пали — санскр. Гандхамадана) — «Ароматная»; Келатаба (пали — санскр. Келасабаха) — «Гора Смелых».

⁵¹ **Т а в а д е й н т а** см. прим. 36.

⁵² **В е д ы** — древнейшие памятники индийской литературы; существуют четыре сборника — «Ригведа», «Самаведа», «Яджурведа» и «Атхарваведа»; по мнению бирманских буддистов, считающих эти собрания; подлинными являются лишь первые три книги, знание которых считается привилегией брахмана-астролога.

⁵³ **...сияет белизною кожи с зеленоватым оттенком...** — зеленоватый отлив кожи почитался как признак благородного, царского или даже божественного происхождения.

⁵⁴ **...«конский хвост» и «заяц на луне»...** — здесь автор повести перечисляет названия реально существовавших женских причесок, которые были в моде при королевском дворе Бирмы в XVIII в.

⁵⁵ **п ь я т т а** (пал. *пассада*, санскр. *прапада* «дворец», «дворцовая крыша») — резная многоярусная крыша дворца или храма, сужающаяся кверху и обычно заканчивающаяся куполом со шпилем (так называемым «зонтиком», по-бирмански *тхи*). В традиционном бирманском зодчестве *пьятта* могла выступать и как самостоятельная постройка типа башни на четырех столбах либо как архитектурное украшение — башенка на городской стене или на крыше дворца.

⁵⁶ **п а р а м и т ы** см. прим. 12.

⁵⁷ **В е з а я н д а** (пал. Веджаянта, санскр. Вайджаянта) — дворец в небесном царстве Тавадейнта, резиденция Тиджамина (Шакры, Индры).

⁵⁸ **М ь и н м о** — бирманское произношение и написание санскритского слова «Меру»; Меру, или Сумеру, — «царь гор», мифическая гора из золота, которую окружают четыре огромных острова (материка), плавающие в Мировом океане. См. также прим. 11.

⁵⁹ **...двадцать восемь натов** см. прим. 31.

⁶⁰ **в о с е м н а д ц а т ь н а у к** (или восемнадцать областей знания) — традиционный комплекс, заимствованный бирманцами у индийцев. Осведомленность в сфере восемнадцати наук предполагает знание ряда древнеиндийских трактатов на санскрите, почитавшихся как индуистами, так и буддистами. Комплекс восемнадцати наук включает изучение нескольких книжных собраний — четырех вед (древнейших памятников индийской литературы — «Ригведы», «Самаведы», «Яджурведы» и «Атхарваведы»), шести «Веданг» (своеобразных комментариев к ве-

дам), четырех «Упавед» (трактатов по медицине, военному делу, музыке и ремеслу, также считавшихся дополнением к ведам), мифологических сказаний — пуран, «Законов Ману», ряда сочинений по логике, философии, космогонии, астрологии, по брахманистскому ритуалу и т. п.

⁶¹ Тураттати — возможно, здесь речь идет о Сарасвати (пал. Сарассати), которая почиталась индийцами как богиня красноречия, покровительница наук и искусства.

⁶² забутапье, падета, коукко и тхейн — четыре мифических «древа желаний», произрастают соответственно на четырех великих островах (материках): *забутапье* (иногда идентифицируется с гвоздичным деревом) растет на южном острове Забу (Джамбу), *падета* — на северном острове Оуттаракуру (пал., санскр. Уттарукуру), *коукко* — на восточном острове Поупавидеха (пал. Пуббавидеха, санскр. Пурвавидеха), *тхейн* — на западном острове Апарагойя (пал., санскр. Апарагойана). Поверье гласит, что ветви, цветы и плоды этих деревьев наделены чудесными свойствами отгонять злых духов, исполнять желания, исцелять больных, оживлять умерших и т. п.

⁶³ Хемавунта (пал., санскр. Химаванта — Химаванса) — почитаемый в индийской мифологии Гималайский лес.

⁶⁴ преты — в верованиях индийцев тени мертвецов, обреченных на адские муки, по представлениям бирманцев, это жалкие и отвратительные уроды, населяющие низшие сферы вселенной. Асуры — персонажи из буддийской и индуистской мифологии, это демоны, живущие под горой Мьинмо и враждующие с богами и небожителями (у бирманцев — с натами). В отличие от низших существ — *претов* и *асуров* — два других вида демонов — *гоумбаны* и *ракшасы*, как верят бирманцы, занимают более высокое положение, находясь на службе у Тиджамина (Шакры, Индры).

⁶⁵ девять сокровищ см. прим. 47.

⁶⁶ ...три месяца под знаками Овна, Тельца и Девы... — т. е. приблизительно апрель, май и июнь (по лунному календарю).

⁶⁷ Ямуна, Гинга, Асиравати, Мади, Тарабу — по-видимому, здесь перечислены пять почитаемых в Индии рек, стекающих с Гималаев; этимология двух первых топонимов ясна: Гинга (Ганга, или Ганг) — одна из главных рек Индии, Ямуна (совр. Джамна) берет начало в Гималаях, впадает в Ганг около г. Аллахабада; этимология остальных названий гипотетична: Асиравати — возможно, искаженное Сарасвати, древняя (ныне высохшая) река в Восточном Панджабе, Мади — сокращенное Маханади, а Тарабу — искаженное Сараю, обе реки в Восточной Индии, на последней расположен город Айодхья — легендарная столица царства, где жили герои «Рамаяны».

⁶⁸ га воу (пал. *гавута*) — мера длины, немного более пяти километров.

⁶⁹ Тазаунмоун — наименование восьмого месяца по бирманскому лунному календарю, приблизительно соответствует ноябрю.

⁷⁰ ...до конца обессилить усталого противника — здесь в авторской интерпретации приведен известный

миф, бытующий и в Индии, и в странах Юго-Восточной Азии. Миф рассказывает о вражде змей и птиц; представителем первых выступает *наг* (или *нага*) — змей (иногда дракон), часто получеловек-полузмей, наделенный сверхъестественным знанием; представителем вторых выступает *галоун* (возможно, это индийск. *Гаруда*) — мифическая птица гигантских размеров с человеческой головой, нередко именуемая царем птиц. По индийским поверьям, *Гаруда* является «крылатым конем» бога Вишну. В буддийских легендах *галоун* и *нага* постоянно враждуют, некоторые буддологи склонны интерпретировать эту вражду как столкновение сил природы. В тексте настоящей повести автор различает двух мифических птиц: *галоун* представлен реальным действующим лицом — мощным и воинственным предводителем пернатых, *Гаруда* (бирм. *каравей*) выступает как фантастический персонаж, мирный и сладкоголосый.

⁷¹ *по у н н ь е* — калофилум душистый (*Calophyllum odoratus*), вечнозеленое древесное растение из семейства «зверобойных» с пахучими плодами; встречается в Индии и Юго-Восточной Азии.

⁷² ...смысл четырех истин мира — имеются в виду «четыре благородные истины», провозглашенные Буддой-Готамой, см. прим. 6.

⁷³ *та* — мера длины, равная 7 локтям, т. е. 3 м 15 см.

⁷⁴ ...пустуют южные покои... — в южных покоях дворца полагалось жить главной супруге монарха, при королевском дворе Бирмы титул «королева из южных чертогов» носила обычно старшая и наиболее влиятельная из жен государя.

⁷⁵ *шесть пороков* (недостатков) женской внешности см. прим. 40.

⁷⁶ *пять достоинств* женской внешности см. прим. 25.

⁷⁷ *замари* — этим палийским словом обозначается тибетский як; однако в мифологии индийцев и бирманцев существует фантастическое животное с крыльями и причудливым хвостом, также именуемое *замари*.

⁷⁸ *бетель* — перечное растение, листья которого используются для заворачивания специальной наркотической массы (толченого ореха арековой пальмы с известью и пряностями). В Индии и странах Юго-Восточной Азии до сих пор принято жевать бетель (упомянутую массу в листе), от чего на губах выступает кроваво-красная пена, а зубы покрываются темным палетом. В домашнем обиходе бирманца всегда имеются специальные коробочки и чашки для бетеля.

⁷⁹ *лан* — мера длины, равная четырем локтям, т. е. 1 м 80 см.

⁸⁰ *сукно* — здесь в бирманском тексте употреблено слово «тэкала», которое в словарях толкуется двояко: либо как искаженное английское «thick cloth» (плотная шерстяная ткань, сукно), либо как португальское «escarlatto» (шерстяное одеяло красного цвета). Заметна явная дань автора моде королевского двора Бирмы, перенявшего у европейцев использование шерстяной материи.

⁸¹ *Тиримутта* — по-видимому, это имя вкралось в текст

по ошибке, здесь следовало упомянуть о фее по прозванию Ятмоутта.

⁸² а с о к а (санскр. *ашока*) — *Jonesia Asoka*, вечнозеленое дерево, почитаемое священным, ибо под ним, по преданию, родился на свет царевич Сиддхаттха Готама (санскр. Сиддхартха Гаутама) — будущий Будда.

⁸³ б и л у — чудовищные великаны, пожирающие людей, постоянные персонажи бирманских народных сказок; происхождение самого слова не очень ясно: иногда его возводят к палийскому «бхайя» (страх, ужас), иногда связывают с санскритским «бхиллу» (наименование дикого племени). Ракшасы — чудища из мифологии индийцев, кровожадные демоны, колдуны, нередко людоеды. Любопытно, что в тексте повести упоминаются и действуют одновременно сверхъестественные существа, возникшие в фольклоре разных народов.

⁸⁴ я д у см. прим. 57.

⁸⁵ Зейтхапура (пал. Джеттапура, санскр. Джьештхапура) — в переводе «Великий город», «Главный город». В данной притче и далее в подобных случаях в бирманском тексте после топонима стоит слово *пыи* — «страна, государство», хотя в самом топониме нередко присутствует санскритский корень *пура* — «город». По-видимому, речь идет о древнеиндийских городах-княжествах.

⁸⁶ Атевана и Тевана — в именах двух братьев-царевней скрыто противопоставление характеров: «Тевана» здесь означает «Хитрый», «Атевана» — «Бесхитростный, простодушный».

⁸⁷ Такуна (пал. сакуна) — это слово, выступающее здесь в роли имени собственного, означает просто «птица». Такого рода «имена» встречаются в тексте повести не однажды. Это и дает основание думать, что бирманский читатель и слушатель прошлого далеко не всегда понимал значение вводимых автором палийских слов.

⁸⁸ восемнадцать наук мира см. прим. 60.

⁸⁹ б и л у см. прим. 83.

⁹⁰ ротанговый жезл — символ власти во многих королевствах Юго-Восточной Азии, вырезается из тонкого ствола ротанговой пальмы (*Calamus Rotang*).

⁹¹ Садутакха (пал. Сатусакха — «Четыре сучка») — один из небесных правителей (высших натов), отец феи Падуматейнги, придворной девы царевны Велумьясы.

⁹² пасхоу (пасхо) — бирманская мужская одежда типа свободной юбки, обычно шьется из клетчатой материи.

⁹³ падега — одно из чудесных деревьев, исполняющих желания (см. также прим. 16).

⁹⁴ ганго — *Mesua pedunculata*, разновидность железного дерева; цветет большими белыми цветами с желтыми тычинками и обильной желтой пылью. Согласно поверью бирманцев, грядущий Будда-Ариматайя (пал. Меттейя, санскр. Майтрейя) достигнет просветления под кроною этого дерева. В связи с этим поведение сподвижников царевича Эйндакоуммы представляется особенно кощунственным.

⁹⁵ а т и н д ж е (пал. *асанджая* — «не поддающийся счету, неисчислимый») — фантастическое число, выражающееся в виде единицы со 140 нулями.

⁹⁶ к е й н н а р и — *кейннара* женского пола; см. прим. 46.

⁹⁷ Б е й т т а н о — бирманское произношение имени Вишну (санскр. Вишну, пал. Виссу при форме род. пад. Виссуно, которая, по-видимому, и оказалась бирманизированной); Вишну — один из важнейших богов в пантеоне индустов, почитается как защитник и хранитель всего живого.

⁹⁸ ...б у д т о ш е с т ь с в е т и л и з з н а м е н и т о г о н е б е с н о г о с о з в е з д н я — здесь используется известный образ из санскритской литературы: шесть небесных дев сравниваются с так называемыми *криттиками* — шестью звездами из созвездия Плеяды.

⁹⁹ Х е м а в у н т а см. прим. 63.

¹⁰⁰ г а в о у см. прим. 68.

¹⁰¹ п т и ц а - с л о н — мифическое существо, обычно изображается в виде летающего слона с крыльями.

¹⁰² п а с х о у см. прим. 92.

¹⁰³ ч х и н т е (возможно, искаженное пал. *сиха*, санскр. *синха* «лев») — здесь фантастический лев с крыльями, изображения которого ставятся в Бирме у буддийских храмов, монастырей, королевских дворцов якобы для защиты от злых духов.

¹⁰⁴ т е й н д у к а (пали — санскр. *тиндука*) — *Diospyros Burmanica*, разновидность хурмы.

¹⁰⁵ ...д в е н а д ц а т ь б л а г о д а т е й, или «двенадцать телесных наслаждений» — различные приятные физиологические ощущения, свойственные молодому здоровому организму: 1) аппетит, 2) удовольствие от вкусной пищи, 3) приятное утоление жажды, 4) наслаждение ароматом, 5) удовольствие от слушания, 6) радость при созерцании красоты, 7) наслаждение при осязании, 8) радость движения, 9) гибкость мускулов, 10) сила в конечностях, 11) мужская мощь, 12) наслаждение любовной страстью.

¹⁰⁶ г а н д а б б а (пал. *гандхабба*, санскр. *гандхарва*) — по представлению бирманцев (равно как и индийцев), это низший нат, полубожество, обитающее у подножия священной горы Мьянмо (Меру). Наряду с другими фантастическими существами — ракшасами, гоумбанами, галоунами, нагами — гандаббы охраняют заповедные местности.

¹⁰⁷ Б р а х м а — здесь властитель вышних небес, населенных бесплотными существами (ангелами); в представлении буддистов, небеса Брахмы — это беспредельные райские кущи.

¹⁰⁸ п а д е т а см. прим. 16 и 62.

¹⁰⁹ д е в я т ь д р а г о ц е н н е й ш и х к а м н е й см. прим. 46.

¹¹⁰ п я д ь — мера длины, равная толщине двенадцати пальцев, или половине локтя; л о к о т ь равен приблизительно 45 см.

¹¹¹ м а н у т и х а (пал. *мануссиа*, санскр. *манусинха*) — мифический зверь, полулев-получеловек, сфинкс.

¹¹² н а р а — сказочное животное с крыльями, будто бы обитающее в заповедном Гималайском лесу; этимология слова неясна: в старинных бирманских текстах «нара» означает «устра-

шающий», возможно, является усеченной формой индийского «киннара» (см. прим. 46).

¹¹³ **паттала** — бирманский музыкальный инструмент типа ксилофона, состоит из двенадцати бамбуковых или металлических пластин, подвешенных внутри деревянного ящика-каркаса.

¹¹⁴ **стража** — в данном случае промежуток времени в три часа, через каждые три часа сменялась стража во дворце или в крепости, что отмечалось ударами в барабан; первая вечерняя стража начиналась в девять часов вечера.

¹¹⁵ **утаба** (пал. *усабха*, санскр. *вришабха* «бык» — в представлении бирманцев, расстояние, на которое разносится мычание буйвола; приравнивается к ста сорока локтям, т. е. приблизительно к 63 м.

¹¹⁶ **тазауномоун** см. прим. 69.

¹¹⁷ **тараби** — *Calophyllum longifolium*, или «мозолистник», кустарниковое или древесное растение тропиков. Цветение тараби приходится на бирманский месяц табаун, приблизительно соответствующий марту.

¹¹⁸ ...распускаются к началу лета... — т. е. приблизительно в марте; жаркий сезон (лето) в Бирме продолжается примерно с марта до середины июня.

¹¹⁹ **ганго** см. прим. 94.

¹²⁰ **паттала** см. прим. 113.

¹²¹ **хинта** (или ханта) — у бирманцев птица из породы диких уток (*Casarea rutila*), хотя исходное санскритско-палийское слово *ханса* означает «лебедь».

¹²² **пять лотосов** — заимствованное из палийской литературы представление о пяти видах лотосов основывается на выделении отличительных признаков цветка: белый, красный, черный, плоский и колоколообразный.

¹²³ **Баянати** (или Баранати) (др.-инд. Варанаси; совр. Бенарес) — в древней Индии город и княжество на западном берегу Ганга.

¹²⁴ **Эйнда** — бирмапизированное произношение имени «Индра», здесь автор повести вновь подчеркивает тождество Тиджамина с Индрой.

¹²⁵ **страна Садумахарей** — т. е. страна «Четырех Великих Государей» (пал., санскр. чату-махараджа); по индуистско-буддийской космогонии это первая сфера обитания небожителей (бирм. натов), расположенная вокруг пояса горы Мьянмо (Меру) и названная в честь четырех божественных государей (натов), правящих на востоке, западе, юге и севере страны.

¹²⁶ ...обтирать своими волосами золотые стопы **Тиджамина** — здесь это знак униженного раболепия.

¹²⁷ ...золотистыми рыбками из породы змееголовых... — речь идет о «змееголове полосатом» (*Orphiocephalus striatus*, по бирмански *нга-ян*, или *шве нга-ян*), обитающем в пресной воде.

¹²⁸ ...угодить во все четыре страшных места наказания — в соответствии с представлениями буддистов, существуют четыре места (мира) наказаний, где грешники расплачиваются за совершенные ими дурные деяния: ад (в свою очередь подразделяющийся на восемь ступеней), царство теней,

царство падших духов (божеств, натов) и мир животных; все эти четыре сферы последовательно расположены друг над другом у подножия горы Мьинмо (Меру).

¹²⁹ ...аромат всех пяти самых лучших притираний и мазей — пять традиционных ароматических составов для втирания в кожу, изготавливаются бирманцами из сока алоэ, сандаловой смолы, из корней душистой *чампаки* (*Michelia champaka*), из коры и корней *танакхи* (*Murraya paniculata*) и розового масла.

¹³⁰ «О высокочтимый создатель храма!» — уважительное обращение бирманцев к мирянину-буддисту, щедро жертвующему во имя веры и на благо буддийской общины. «Эй, Аун Джо!» — панибратское обращение к мирянину; называть почтенного человека его детским именем (без добавления вежливого «у» — в точном переводе «дядюшка», в обиходе — «господин») считается грубым и оскорбительным, если, конечно, собеседник не является близким другом или родственником окликаемого лица.

¹³¹ ...во дворце Везаянда в селениях Тавадейнты см. прим. 57.

¹³² фея Тунанда и фея Тусейтта — супруги государя Шакры-Тиджамина (бирм. Тунанда, пал. и санскр. Сунанда «Благорадостная»; бирм. Тусейтта, пал. Сучитта, санскр. Сучитра «Благообразная»).

¹³³ ...пробили двадцать шесть раз в дворцовый гонг... — по старинной бирманской традиции сутки делятся на шестьдесят частей (часов), отмечаемых ударами в гонг; двадцать шесть ударов соответствуют приблизительно половине шестого утра. Наряду с этим ударами в барабан отмечают стражи — трехчасовые отрезки времени (см. прим. 112), третья ночная стража отбивается в три часа ночи.

¹³⁴ Эй я в ун (пал. Эравана, или Эравата; санскр. Айравана, или Айравата) — имя слона, принадлежащего богу Индре (Шакре, Тиджамину); по индуистскому преданию, этот слон появился якобы в результате пахтанья богами вод океана. В данном случае речь идет о резном изображении слона на дворцовой балюстраде.

¹³⁵ панъи — *Lagerstrœmia indica*, древесное растение из семейства миртовых с пурпурно-лиловыми, розовыми или белыми цветами, произрастает в Индии и странах Юго-Восточной Азии.

¹³⁶ ...с изображением крылатого замари — см. прим. 77.

¹³⁷ по унъе см. прим. 71.

¹³⁸ нат Тилабуми (пал. Силабхуми, санскр. Шилабхуми «Земля Добродетели», «Вместилище Добродетели») — в представлении бирманцев, властвует над землею и ее обитателями.

¹³⁹ Вейттавуна (пал. Вессаванна, санскр. Вайшравана «Ущербнотелый») — одно из имен Куберы, божественного правителя северного острова Уттаракуру (Уттарукуру), населенного людоедами и устрашающими чудищами. В пантеоне индуистов Кубера — бог богатства.

¹⁴⁰ ...засоленного чая... — соленые или квашенные листья чая (иногда со специями) являются национальной бирман-

ской закуской, здесь любопытная деталь в описании дворцового уклада сказочной царевны из условно индийской страны.

¹⁴¹ Ба я н а т и см. прим. 123.

¹⁴² ...двух девушек - кейннар... см. прим. 46.

¹⁴³ ...все смешалось, точно попугай в листьях пау — перефразированная поговорка «Дела в стране запутаны — не разобраться, как не заметить попугаев в кроне пау». Древесное растение *пау* (*Butea frondosa*) из семейства бобовых, известное также как «пламя леса», произрастает в Индии и странах Юго-Восточной Азии, отличается яркой зеленью, цветет красными или оранжевыми цветами.

¹⁴⁴ ...мировой пожар начнется во вселенной! — речь идет о так называемом «времени *вивата*» (пал. *вивата*, санскр. *виврита* «засуха»); согласно буддийской космогонии, это один из периодов повторяющегося цикла, когда все миры гибнут в пламени вселенского огня.

¹⁴⁵ ...веселый праздник полнолуния в ясный и прохладный месяц тазаунмоун — здесь упоминается буддийский праздник в Бирме, который приходится обычно на вторую половину ноября.

¹⁴⁶ ...Пьюуббавидеха (пал. Пуббавидеха, санскр. Пур-вавидеха) — один из четырех мифических островов (материков), имеет форму полумесяца и расположен к востоку от горы Мьинмо (Меру).

¹⁴⁷ ...и стало мне двенадцать полных лет... — в III главе говорится, что царевичу исполнился год (двенадцать полных месяцев), когда он узнал о своем происхождении; далее же в тексте повести о возрасте Эйндакоуммы не упоминается вплоть до V главы.

¹⁴⁸ ...призвали благочестивого отшельника... — любопытно, что в тексте употреблено палийское слово *упасака* (санскр. *упасака*, в бирманском произношении — *упатака*), обозначающее в буддийском обиходе бирманцев мирянина-буддиста, строго исполняющего все заповеди и обряды.

¹⁴⁹ Вейтавуина см. прим. 136.

¹⁵⁰ па д е т а см. прим. 60.

¹⁵¹ ...на заморской бумаге... — в тексте «английская бумага», т. е. бумага в отличие от пальмовых листьев, использовавшихся в Бирме для письма.

¹⁵² п ь я т о (*пьятоу*) — десятый месяц по бирманскому лунному календарю, приходится приблизительно на январь.

¹⁵³ к х в а н ь о (*кхванью*) — *Clematis smilacifolia*, растение из семейства лютиковых, произрастает в Верхней Бирме и на юге Тенассерима, цветение его приходится на месяц пьято.

¹⁵⁴ ...обманутым супругом, притавшим красавицу жену в шкатулке... — имеется в виду индийская притча (джатака), в которой рассказывается, как будущий Будда в образе царя Баянати (Варанаси) обнаружил неверность супруги брахмана, с помощью магии притавшего красавицу жену в маленькую шкатулку, а последнюю держал во рту, однако и в этот тайник сумел проникнуть колдун-соблазнитель.

¹⁵⁵ т а г у — первый месяц по бирманскому лунному календарю, приблизительно соответствует апрелю.

¹⁵⁶ Махатэкката — имя мудреца совпадает с названием древнего университета в Индии; Тэкката (пал. Таккасила, санскр. Такшашила) — древняя столица царства Гандхара в Северо-Западной Индии, известный центр науки и образования.

¹⁵⁷ ...наследника престола... — в тексте ошибочно говорится о дочери-наследнице.

¹⁵⁸ ...внучка государя-ната Тирейндарея и его супруги Кальяनावати... — здесь в текст вновь вкралась ошибка: Велумьясва именуется дочерью Тирейндарея и Кальяनावати.

¹⁵⁹ ...сравнивалась с пламенеющим лотосом — в индийских трактатах о любви перечисляется несколько типов женщин, «лотосовый» (*падмини* «подобная лотосу») считается наивысшим.

Оглавление

Предисловие	5
Глава I, в которой рассказывается о появлении на свет царевича Эйндакоуммы	20
Глава II, в которой рассказывается о появлении на свет и о детстве царевны Велумьясвы	32
Глава III, в которой рассказывается о строителстве цар- ского дворца	41
Глава IV, в которой рассказывается о возвращении на небо феи Тураттати	54
Глава V, в которой рассказывается о том, как царевич Эйндакоумма отправился на поиски достойной супруги	55
Глава VI, в которой рассказывается о том, как царевич Эйндакоумма и царевна Велумьясва узнают друг о друге	61
Глава VII, в которой Ятимоутта и Пиннихата поочередно рассказывают поучительные истории	70
Глава VIII, в которой рассказывается о том, как придвор- ные феи развлекали царевну Велумьясву	121
Глава IX, в которой рассказывается о том, как царевич Эйндакоумма посылает на Гору Ароматов надежного гонца	150
Глава X, в которой рассказывается о том, как царевич Эйндакоумма вступил в пределы Рубинового дворца на вершине Горы Ароматов	159
Глава XI и последняя, в которой рассказывается о том, как встретились и соединились царевич Эйндакоумма и царевна Велумьясва	173
Комментарии	192

Шведаун Тихату

ЧУДЕСНОЕ ЗЕРЦАЛО
Придворное повествование

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор **Н. Н. Тихонравова**
Младший редактор **Г. А. Бурова**
Художники **А. В. Озеревская, А. Т. Яковлев**
Художественный редактор **Э. Л. Эрман**
Технический редактор **Л. Ш. Береславская**
Корректоры
В. Н. Апаткова и В. А. Захарова

Сдано в набор 4/I-1974 г. Подписано к печати 13/IX-1974 г. Формат 84×108^{1/32}. Бум. № 2. Печ. л. 6,5. Усл. п. л. 10,92. Уч.-изд. л. 11,61. Тираж 50 000 экз. Изд. № 3217. Зак. № 3287. Цена 32 коп.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

Ордена Ленина типография
«Красный пролетарий»
Москва, Краснопролетарская, 16